



НИНА ЕПЕРИНА

МОСКВИЧКА
В КАВЫЧКАХ

Нина Еперина

Москвичка в кавычках

Авторский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21620397

Аннотация

Кто с кем играет в прятки? Ты с судьбой или судьба с тобой? Ты вступаешь в жизнь с радужными мечтами и думаешь, что так все и будет, но... Судьба уже приготовила для тебя сценарий и начинает свой хоровод неприятностей для закаливания твоей Души! И чего только не предлагается в этом разнообразном меню! И ранний брак, и ранний развод, и ранний ребенок, и бесконечная смена мужей, городов и лиц. И нищая молодость и всплески познания действительности в мастерских «гениев».

Но этого мало! Она подбрасывает тебе и тюрьму, и болезни и, «тихую», революционную смену правительства и Перестройку, придуманную Горби и неизвестно откуда выпрыгнувших на твою голову чеченцев, и Большую Любовь, и огромные деньги, как индикатор твой жадности и падения.... И все это одному человеку!!! Вот и посмотрим, как ты, человеке, справишься с таким сценарием?

Содержание

Книга первая	4
Конец ознакомительного фрагмента.	220

Нина Еперина

Москвичка в кавычках

Книга первая

Контрабандистка

Маме моей Зое Филипповне посвящаю.

Мы источник веселья – и скорби рудник.
Мы вместилище скверны – и чистый родник.
Человек, словно в зеркале мир – многолик.
Он ничтожен – и он же безмерно велик!

Омар Хайям. Рубаи 2470

Ох, ты, жизнь, моя жизнь! Непредвиденная!
Что ж ты вся такая у меня выдалась?
Цветастая, играстая и кувыркаястая?
На что же ты, жизнь моя, меня подвигнула?
На какие «подвиги» нацелила?
И за что ты, Господи, так меня возлюбил?
Что решил всеми бедами испытать,
Всеми соблазнами совращать,
Всеми счастьями одарять,

Всеми страстями соблазнять,
И за что ж это всё только мне одной?
Мне одной, мне несчастной, горемычной!
Ты отпустил, большой ложкой отмерил,
И за что это только мне одной,
Столько дадено и столько обещано,
И за что это столько всякого отвалено?
Не для того ли, Господи, чтоб спросить сполна,
Не для того ли, Господи, чтоб в назидание?
Не для того ли, Господи,
Чтоб смотрел люд людской и на ус наматывал,
Жить вот так, люди, как я, ненадобно...

Это вместо предисловия

НАЧАЛО

Как интересно устроена человеческая жизнь.... Вроде бы она у тебя одна, и живешь ты ее себе, не задумываясь, а годы все капают и капают в большую эту копилку жизни. Не успеешь оглянуться, как вдруг оказывается, что она уже наполовину заполнена. Тело твоё вдруг начинает стареть, радуя по утрам морщинками не в тех местах и болячками в коленях. Правда, душа все еще что-то поет, но чаще фальцетом, наверное, ей обидно за быстроту бытия. И если бы кто-то в восемнадцать-двадцать лет предсказал, что тебя ждет к пятидесяти, ты бы расхохоталась шутнику прямо в лицо или

послала куда подальше.

А в пятьдесят оказалось, что вся твоя удивительная жизнь, которая так тебя захватывала, состоит из разных запчастей удивительного механизма, которые друг другу даже не подходят! Такой совсем кривой кубик Рубика или паровоз с разноцветными вагонами, половина из которых плацкартные и купе, часть грузовые вагоны, а часть вообще цистерны...

И тронулся этот паровозик с места в карьер и вона куда тебя завез! И каждый вагон этого паровоза, сам по себе такой большой и густозаселенный, что на несколько жизней хватит, залит хрен знает чем! И что этот дикий локомотивчик и есть самая лучшая часть тобою прожитого, потому что ты в ней была молодая и... красивая...

Ну, а что ты, глупая как пробка, так к маме не ходи, раз такого наворотила!

Как стала вспоминать, у меня в груди все заволновалось и началось там такое кипение и даже бурление, что так и захотелось вам всю эту удивительную историю рассказать, так и захотелось! Чтобы и у вас дух перехватило. Так интересно, что даже под желудком щекочет, как от слова «смерть»...

Это же надо такого накуролесить?! Сама удивляюсь, как это у меня так получилось?

Началась эта история, которая и есть моя странная жизнь, так давно, что иногда мне кажется, что так долго не живут, а ношу такую таскают только для того, чтобы заработать па-

ховую или еще какую-нибудь грыжу.

В самом конце октября мы сняли дом. Уже тогда, в 1981 году, в нем было газовое отопление. В тот год конец осени больше смахивал на начало января. Кругом дуло холодным ветром, вместо снега сыпало листьями, а с неба мелко сеяло из самого мелкого сита, не поймешь чем. А в доме было тепло. И нега. Она нападала тут же, тянула на бочок, нежиться в благодатном тепле, на диване, задумываясь о душе... Например, почему душа не стареет? Я старею, а душе хоть бы хны? Может, и правда тело наше смертно, а душа бессмертна...? Может, и правда она рассчитана на много жизней, говорят на 70, и моя теперешняя только одна капля на общем фоне?

Или вот – зачем человеку проблемы? Почему мы никак не можем без них существовать? Почему мы их себе на голову вешаем, а потом кричим: караул – стресс заел! И глубоко убеждены в том, что сами мы, при этом, ни в чем не виноваты. Что стресс этот кто-то нам на голову водрузил или он на нас из-за угла по ошибке напал.

А на самом деле это все мы сами в себе выпестовали. Эту закрепощенность. Это рабство души и несвободу мыслей. На самом деле все состоит из нашего глубокого убеждения, в котором мы сами себе боимся признаться, что жизнь наша полосатая, то белое, то черное, и непременно должна быть с обязательным присутствием стрессов и неприятностей.

Почему они в нас гнездятся? Да потому, что мы сами их на

себя накликаем. Накликаем своим убеждением в непереносимости. А убеждения – это святое! Это менять никак нельзя! Это с молоком мамы в тело вошло и там навечно поселилось. Эта любимая вавка, как чирей на заднице, зудит и зудит, и требует внимания. И так мы привыкаем к этому, что не можем жить без стрессов и своих любимых проблем. Нам без проблем и стрессов скучно! Нам подавай покруче! Хотя всем известно, что стресс это то, что ты за него принимаешь. Ведь твоя проблема самая крутая и носишься ты с ней, как с писаной торбой, и пестуешь в своей душе до самозабвения, потому что без этой болячки, о чем будешь другу жаловаться, на чем с подругами зубы оттачивать?

Но нежиться и предаваться таким мыслям жизнь моя как раз и не предусматривала. Господь мне для теперешней жизни совсем другой сценарий написал. Веселенько-буйненький! Но все по очереди...

Занесло нас за город только потому, что на нас уже наехали неприятности, как потом оказалось, средней габаритности. Вообще, неприятности вещь вредная. Начнем с того, что эта сволочь одна жить на свете не любит, ей компанию подавай. И еще она на удивление быстро размножается. Не успела к тебе в дом забежать, смотришь, а их уже целая крысиная семья по углам шныряет. Вот и к нам набежала вначале одна особь, а через совсем малое время их так много расплодилось, что пришлось нам убегать из города, куда глаза

глядят.

Вообще мне кажется, что неприятности созданы Богом специально для меня. Маленькими ручейками всю мою жизнь они стекались в мой огород, сливаясь и, в конце концов, превратились в полноводную реку, которая ежеминутно пыталась снести меня своим потоком в океан крупных неприятностей. И ей это, в конце концов, удалось!

Но вначале я должна вам рассказать про первые, мелкие ручейки, рассказать, из-за чего сию даму, Ее Величество Беду, к нам первоначально в дом занесло, иначе будет непонятно...

ЖИТЕЙСКАЯ КОММУНАЛКА

До того момента, с которого начну свой удивительный рассказ, прожила я на свете лет уже много. У меня, прямо как у Курта Ваннегута: «двадцать лет тому назад, два мужа тому назад»... — наехал на мою голову муж третий.

И понеслооооось!

Потащило мою задницу по ухабам и кочкам. И вся она, жизнь моя веселая, стала еще веселей. Именно с тех самых пор она и стала вся из себя совсем уж цветастая, играстая и совсем блистастая! И стало ее всю скрючивать и сворачивать во всяко разные удивительные жгуты и спирали. И, как самотоптанная тропинка, пошла себе моя жизнь гулять то вправо, то влево, а то и вообще вспять..., и все двойным аллюром,

аллюром... с подпрыгом, подвыпертами и разными фендибо-берами...

Наша жизнь течет совсем даже не плавно, а скачками да подпрыжками. То вроде прямой отрезок пути, а на нем вдруг, откуда не возьмись кочка, а то вдруг дикий поворот и на пути огромная колдобина, аж глаза зажмуриваешь от ужаса, а оно вдруг гладенько так мимо прошмыгнуло...

Не зря, я думаю, в сказках про придорожный камень предки указатели изобрели. Именно перекрестки несут в наши судьбы фатальность и безысходность. А ещё попадаются тропинки в сторону, повороты, Т и У образные развилки и прочая галиматья без опознавательных знаков...

Вот и мой третий брак был таким, и явно судьбоносным. Именно с него и началась моя двойная жизнь, которая и довела до беды.

Для начала я умудрилась в таком большом городе, как Москва, найти такое чудо, как мой третий муж Анатолий Визиров. Он был азик. Объяснить своим родителям, друзьям или себе самой, даже сейчас, по прошествии черт знает скольких лет, как это меня так угораздило, невозможно, хотя я великий дегустатор смакования адреналина и люблю жизнь разнообразить. Или, может быть, меня туда в очередной раз моя дурацкая задница затащила?

Я заметила: куда меня моя задница тащит, туда я и волокусь, как на веревочке, будто тварь бессловесная. Нет, чтобы подумать, посоображать своей соображалкой хоть чуть-чуть

и упереться ослино-тупоголово!

Конечно, если эта соображалка имеется в наличии, а еще лучше, если еще и соображает. Была бы я баба, как говорят, «вумная», смогла бы выкарабкаться из неприятностей сразу, в самом начале, а если бы была еще умнее, меня бы в них изначально не занесло...

Так что судить обо мне будете сами...

Прожили мы с Толиком, к тому моменту, с которого все началось, пару-тройку лет о-о-очень веселеньких, но еще терпимых, а уже потом переехали в коммунальную квартиру.

Вот тут-то все и завертелось!!!

Красная ленточка была разрезана, и старт неприятностям положен!

Именно в этой квартире поменялся у нас социальный статус. Точнее, поменялся он у меня, ну, а Толик далеко от кассы не отходил, а как жаж — мы пахали, и сам повеселился от души, и мне скучать не давал, подножки ставил увеселительные...

Сам он жил по принципу «ни минуты покоя», почти по Горькому: жизнь прожить нужно так, чтобы не было мучительно... скучно...

Наверно он еще по молодости решил, что повседневная жизнь очень нудная, а чтобы было веселее, нужно ее раскрашивать. От этого она должна стать увлекательной и интригующей. Может быть, он интуитивно подозревал, что Жизнь —

это сплошное творчество, что она обожает подкидывать нам бесконечные сюрпризы и удивительные открытия. Главное – не прозевать эти мгновения. Главное – уметь удивляться самому, ловить за хвост, как жар-птицу, и удивлять окружающих. Это он так считал. Удивлять у него получалось на все сто! А удивлялся так, что до отрыжки или икоты. Ему казалось, что он изобрел что-то новое по жизни, типа таблеток «Авантюрин», и очень, внутри себя, этим гордился. Но мне думается, что это был пурген, во всяком случае, для меня...

А вообще, если честно, мне показалось, что он просто плыл по течению, как щепка, стараясь, как задиристый петух, махать крыльями, громко кукарекать и выпячивать грудь, чтобы как-то все-таки выделяться из толпы.

Толпа, при этом, вовсю развлекалась над дурачком, а он думал, что это есть признание его врожденного чувства юмора. Что это он над всеми развлекается. Ха, ха, ха, размышлялся!

Но он старался... – жить прикольно!

Вначале я не очень врубалась в подколы закадычных друзей Толика, но потом, постепенно, стало доходить... Каким же заразным оказалось это слово – «прикольно»! Оно ко мне как-то быстренько прилипло. Заразилась я им, и стало у меня тоже цинично-прикольное отношением к окружающему пространству. Наверно, это случилось потому, что я оказалась на удивление смышленной обезьянкой, схватывающей все прямо на лету, а циничное отношение давало очень плот-

ную ширму, за которой плохо просматривалась моя провинция.

Когда ты малость глуповат, да еще и провинциал, ты все время за что-то прячешься, чтобы народ не думал, что ты не «москвичка». Москвички они тебе не птички, они девки ого-го! Боевые, и на все готовые. Так все говорили. Поэтому ты, провинциалка, должна стать круче, из кожи вон вылезти, но всем доказать, что у тебя кишка не тонка, что ты и умная, и прикольная, и подкованная, и начитанная, и на всех с большой колокольни плевала.

В общем, такая настоящая московская *сука*, *мос-квачка*.

По-тогдашнему, модному, это носило еще и другое название – чувиха! Я очень хотела быть такой чувихой, потому что Толика воспринимала за чувака! Это у меня тогда тоже где-то на уровне подкорки сидело. Толиково приколожитие хорошо накладывалось на тонкую канву моих мелочных восприятий тогдашней жизни. Он-то мне показывал, что по жизни веселей, когда ты чувак и прикалываешься над всем и всеми. Вот эту игру я и приняла, плюс мои собственные добавки, как соус с перцем...

Только потом до меня доехало, что на самом деле я для Толика была никакая не чувиха, а мишень для приколов. Собачка Белка или Стрелка...

А тогда заразилась я этою заразой, и понесло меня, заразную, на волне по жизни колесить, понтить и самоутвер-

ждаться, пока не занесло аж в контрабанду. Тогда она почему-то называлась «фарца». Вот тогда и начался новый этап моей жизни, этап понтыристо-двойной. Одна на виду у всех, а вторая – финансово-подпольно-шпионская.

Днем, прикалываясь над клиентками, я шила платья на заказ, а ночью занималась «спекуляцией в особо крупных размерах» с такими же, как я, приколистами. Пахала на сцене жизни без перерыва, в три смены, двадцать пять часов в сутки. Разъясняю для непонятливых: двадцать четыре плюс обеденный перерыв!

Распорядок дня был веселенький: дневные примерки, швейные рекорды скорости от забора и до упора, вечерняя тусовка со спекулянтами-коллегами и с иностранцами-студентами, а ночью выезды на дела фарцовые. В общем, сплошной приколы...

Но начнем все по порядку...

Как-то по весне переехали мы жить в коммунальную квартиру. Наша коммуналка, ценное изобретение Советской власти, которой она и, правда, испортила население Москвы, как правильно заметил М. Булгаков, была заселена совершенно разномастным, абсолютно не подходящим друг другу народом. Как в музее мадам Тюссо! Знакомьтесь:

В одной комнате проживал молодящийся выюнош, Валек, лет около сорока. Почему «проживал», спросите вы? А потому, что он там только погуливал, а жил у мамы. Правда, он в

основном и не пьянствовал даже, а помогал одиноким и незамужним дамам (а может быть, и не одиноким и замужним) не забыть, что такое либидо и как с ним бороться. Другими словами, почти еженедельно показывал нам, какое же разнообразие женской красоты распространилось на свете белом! Он избрал себе тяжелое и неблагодарное занятие – обслужить и угодить наибольшему количеству женщин. Круто! Иногда эта мысль меня волновала, потому что я не могла понять, как он это делает, не производя впечатления человека сексуально крепкого. Натуральный МНС (младший научный сотрудник) в очках. Лысоватенький, щупловатенький и не сильно выдающийся в тех, самых нужных местах.... Но, как он старался! И как же часто!

В другой комнате был прописан Владимир Иванович! Эта личность была сильно выдающаяся. С выдающимся и хорошо оформившимся арбузом, который он носил спереди и называл рабочим мозолем, имея в виду, что наел он его на рабочем месте. Жил он тоже в другой квартире, у жены. У нас появлялся редко, только после пьянки на работе, «субботника» и в сопровождении своих коллег по бутылке. Как правило, заканчивался его приезд в наши пенаты любимой фразой: «Трудно жито в деревне без нагана»! – которой В. И. ставил основательную точку гулянке, грохнув, для убедительности, кулаком об кухонный стол. При этом выходил он на кухню неприменно в семейных трусах до колена, белой майке и стоптанных шлепанцах.

Но самой гениальной личностью была наша соседка Аба-алденная девушка Наташка. Такой выдающейся личности, как наша Наташа, на всем белом свете больше не было. Это было что-то!!! Она знала, ну почти все. Но особенно точно она помнила, какая этикетка была на бутылке водки, которая стоила два рубля восемьдесят семь копеек и когда эта самая этикетка стала другой.

Наташка знала, что делать с порезанным пальцем или диореей. Лучше Наташки никто не знал, как исправить утюг и починить проводку.

Еще она везде училась по полгода, но нигде так и не закончила свое образование: на курсах английского языка, на курсах немецкого языка, и даже... на секретных курсах КГБ! О последнем ею говорилось шепотом и переспрашивать было нельзя. Наташка скромно опускала глаза и изрекала: «Ну что вы все выпрашиваете? Вы же знаете, как я люблю свою Родину»!

Но надо отдать должное и ей. У нее была потрясающая память. Она никогда не забывала, кому и что наврала. Мы ведь, вначале и, правда, думали, что она у нас полиглот с технико-гуманитарно-политическо-медицинским уклоном. Но как-то однажды пришла к нам ее школьная подруга, угостилась на кухне «чем Бог послал» и разоткровенничалась про Наташкины неоконченные девять классов соседней школы. Вот это да!

Наташка являла собой настоящий шедевр гениальных поколе-

ний!

А как она разглагольствовала на кухне!!! Абалдеть! Но за-
ткнуть ей рот было практически невозможно. Поступало да-
же предложение вести за ней дневник. Жалко, что не вели,
я ужасно об этом жалею.

Но больше всего она любила застолья! Ах, как она любила
застолья! Честно говоря, я сама себе тоже самая родная. Но
так, как она, никто! Самой главной любовью Наташки была
бутылка. Она могла ради нее, родной, посреди ночи бежать
на другой конец Москвы.

В те далекие, общезапойные времена водка была продук-
том, через который государство и контролировало и шанта-
жировала свой народ. Вы же знаете, есть такое понятие, как
«синдром похмельной совести», поэтому государство и ре-
шило, что «граждане могут злоупотре-блять» в рамках ра-
бочего времени, с одиннадцати утра до семи вечера, что б
стращать. В остальное время народ блюла наша доблестная
милиция, что б ей пусто было..., поэтому неофициально ра-
ботали «центры реабилитации» или «реанимации». Они бы-
ли открыты предприимчивыми людьми и обслуживали вас
в подворотнях, за заборами, в такси, из окон в подвалах и
еще только любителю спиртного известных местах. Точки
эти имели тенденцию территориально перемещаться, а сара-
фанное московское радио точно оповещало любопытствующее
и заинтересованное население столицы о миграционных
этих путях. За точками с одинаковым упорством бегал как

народ пьющий, так и стражи порядка – менты.

Иногда, по мере надобности, Наташка тоже бегала следом за точками ей одной известной дорогой. Зажав выданные, сокровенные пять, а иногда и больше рублей в кулак, она возвращалась, довольная своим Подвигом через час, два, а иногда и через три (точку, видно, далеко отнесло ветром), когда гости уже ушли, а мы укладывались спать.

А как она разглагольствовала на кухне!!! Только дети со-
вдепии и наших подворотен могли так самовлюбленно отда-
ваться «зеленому змию», а ещё и рекламируя его. В такие
моменты Наташку можно было заслушаться:

– А вообще человеку положено пить много и обязательно-
но! Особенно тому, кто в большом городе живет. Иначе, как
все это безобразие, которым мы дышим и которое едим, из
нашего организму можно вывезти? Только заливая сверху и
выливая через нижний крантик! – задумчиво говаривала На-
ташка.

При этом, ввиду отсутствия двух верхних передних зубов,
она шепелявила, а когда говорила вдохновенно, то еще за-
катывала глаза и втягивала воздух через губы в себя, отчего
они засасывались внутрь через щель в зубах, образуя боль-
шой, похожий на арочный въезд, проем... Фантастика! И все
это с поэтическим пафосом!

Прелесть что задурочка, ужас, что за дура!

Но какой же незаменимой помощницей она оказалась в
моих делах! Это было в тех случаях, когда я получала боль-

шое количество товара. Тогда я еще не работала контрабандисткой, а была простой «спекулянткой в особо крупных размерах». Понтила фарцовщицей, то есть. Это были только первые мои шаги на ниве нарушения совкового закона.

Делать хоть «что-нибудь» тогда было нельзя. Тогда можно было только строить коммунизм, а я уже жила в Москве и, почему-то, не чувствовала себя готовой к такой великой стройке, а тем более на голодный желудок. Да и вообще, я хотела строить обыкновенный капитализм в моей отдельно взятой семье. Так мы гордо понтили для соседей и друзей. На почве этого у меня могли возникнуть моменты непонимания с некоторыми товарищами в штатском. Правда, на тот момент они еще не возникали. А товар уже возникал. Он возникал из источников, называемых в простонародье «блэки». Это были простые африканские парни, которые учились в столичных институтах и аспирантурах. Они совмещали учебу на Строителей Коммунизма Во Всем Мире с мелкооптовым капитализмом отдельного сообщества молодых и вечно голодных арабов, негров и прочих черных мусульман. Правда, это не мешало им есть «українсько сало» и очень его любить!

Запивая самогоном!

Именно от них у меня возникал товар. Начинало работать извечное правило «товар – деньги» Вот тут-то и подключалась Наташка. За дело она бралась рьяно, потому что точно знала, что в конце будет нолито! И не только ей! Все ее по-

друзжки, которые «в деле», тоже будут отоварены. Если мы за рюмку всегда готовы, то за много бутылок? То-то и оно!

И тут начиналось.

Наташка поднимала свои пьяные полки и подключала к сбыту всех своих подружек-алкашек. Они, как пчелки, без усталости сновали по всем магазинам, рынкам и прочим неизвестным мне местам и подворотням, и через неделю-другую от товара не оставалось и следа.

ПОЧЕМ В МИРУ БАБКИ?

Постепенно я ушла в фарцу с ушами. А как жаж! Денежку в дом подкидывала нехилую, (поболе, чем моим честным, кропотливым трудом портнихи), укреплялась в самомнении, да нервы щекотала, аж дух вон! Ну, и началась жизнь полосатая. Сегодня все в кайфе, а завтра в противовес получите девушка гранату прямо в руки! Радуйтесь, радуйтесь! Кричите или ура, или караул! Правда, караула было больше.

Вот, например, произошел как-то в нашей коммуналке такой жуткий случай. Я потеряла в своей комнате, повторяю, в своей комнате, огромные по тем временам деньги – пятьдесят две тысячи рублей! Для того чтобы понять – доллар в те времена стоил на черном рынке от трех с половиной до четырех рублей, а официальный курс был не больше сорока с чем-то копеек.

Истерика у меня была жуткая! Машина «Волга», самая

дорогая и шикарная, по тем временам стоила от пяти до семи тысяч рублей. Зарплата среднего служащего составляла двести рублей, а у меня в квартире пропало пятьдесят две тысячи. Представляете?

Рассказываю, как дело было.

Мой гениальный муж, знаменитый на всю Москву своими «понтами», в тот вечер наволок полный дом народу. Где нарулил по городу столько артистов, кто знает? Большинство из театра «Ленком». И давай их от радости водкой пьянствовать и всячески кулинарить. Ну, как жаж, артисты! Смежная специальность. Они играют, а он поет!

Когда я пришла домой, в доме гуляли. Как будто «Последний день Помпеи» уже наступил и завтра не будет. Ну, а артисты – они же по жизни халявщики, я знаю, сама такой была. Они и давай стараться, мои месячные запасы приканчивать. Им-то по фигу, что в магазинах кроме продавщиц ничего больше не продавалось.

Все были уже почти в норме, в том смысле, что приблизились к своим критическим нормам алкоголя на душу населения, когда в дом явилась я. Командовала Наташка. Она всегда стояла или на кухне, или у кого-нибудь в комнате с угла стола. Почему? – не знаю. Но «правила бал» она только стоя. Все мои многократные попытки усадить ее успехом не увенчивались. Я, грешным делом, даже однажды спросила: – Подруга! У тебя, случайно, не геморрой? Обиделась, но все равно не села.

В тот день Наташка «правила бал» явно по пятому заходу, то есть сбегала в «реабилитационный центр» пятый раз и, как мне показалось, принесла не по одной стеклотаре. По частоте закатывания глаз и шепелявости – давно.

Речь шла о творчестве театра «Ленинского комсомола».

Умора! Главный дегустатор театрального искусства!

Судя по ошалевшести публики, речь была потрясающей. Наташкина наглость, не имеющая границ и в обыденной-то жизни, в этот вечер явно выплеснулась за пределы нашей комнаты, да и за пределы театра тоже. Народ сидел, выпучив глаза, ни капли не ропща, и принимал все ее слова практически без улыбок. У господина Караченцова глаза сошлись на переносице, как у Крамарова в «Неуловимых». Он никогда такой ахинеи еще не слышал. Я, когда врубилась, про что речь, тоже адреналину поймала. А речь шла о том, что кроме одного, супермодного в те годы спектакля «Юнона и Авось» в театре смотреть нечего! Да и играют они слабовато! Только жмут на слезу....

Видали! У меня бы точно наглости на такое не хватило! А дальше вообще капец:

– Надо бы в сцене знакомства героев ввести еще один персонаж, например, ангела, который приснится героине и расскажет ей, а заодно и публике, что там дальше произойдет. Сколько лет героиня будет потом любить героя! Вот тогда бы и публика заранее разогрелась и обалдела бы в несколько раз сильнее, – выдала Наташка, покачиваясь и осыпая пеплом,

из отставленной театрально в сторону сигареты, бедного молодого актера, сидевшего под правой рукой. – В общем, что говорить, слабый спектакль, слабый!

Я себя тормознула и в разговор не вступила. Не завелась. У меня была более серьезная задача – куда-то спрятать деньги. Это вам не шуточки. Столько «бабок». Я же знала, что у всех гостей, вместе взятых и ста бы рублей не набралось, ну, от силы сто пятьдесят. А тут такая куча! У меня ума, все таки, хватало не всем подряд понтить, потому что жили мы тогда в стране всеобщего «настучания». Все друг на друга стучали. Не зря на двери приемной Лубянки было написано: «Стучать». Вы же в курсе!

«Отец всех народов» давно почил в бозе около Мавзолея, за колосок с колхозного поля больше не сажали, поэтому все отошли от страха с верху и до низу, и дружно поволокли, кто что мог! Именно поэтому «менты» и гонялись за чемоданами и пакетами, пытались не отстать и экспроприировать у экспроприировавшего. Полстраны взрослого населения воровало, а остальная половина ловила, делила, присваивала, сажала и охраняла. Вот поэтому озвучивание суммы денег, которые я держала в целлофановом пакете, оказалось бы полным шоковым откровением. Оно могло сподвигнуть народ на подвиги, доселе неизвестные, как для меня, так и для них самих.

Деньги я должна была пристроить до того, как вступлю в роль хозяйки. Сказать своему благоверному, который был

хорошо известен своим словонедержанием, о том, сколько у меня в пакете, даже и речи быть не могло! Прокукарекал бы для понта, какие мы, блин, богатые! И кто-нибудь обязательно бы приложился ручкой или настучал.

Вот и стояла я в задумчивости в дверном проеме, смотрела на все это безобразие за столом и думала, куда бы денежку спрятать? Решила пока просто положить в шкаф под постельное белье. Шкаф-то на виду все время!

Кто у меня на глазах в него полезет? Правильно?

Гуляли мы в то золотое и бесшабашное время крепко не только в ресторанах, но и на дому. Наташка еще несколько заходов в «реабилитационный центр» сделала, и к утру мы благополучно закончили. После гитарного перезвона, прокручивания всех известных песен модного и любимого тогда Высоцкого, Наташка сменила гнев на милость и стала громко расхваливать ту же «Юнону». При этом подбирала такие смачные слова, что наша актерская публика от умиления чуть не плакала, как будто мнение пьяной алкоголички было им архиважно. Потом все убрались, оглашая лестницу, потом двор, потом округу шумными голосами.

И слышно было до рассвета, как ликовал француз...!

Но всегда наступает утро. Со всеми вытекающими оттуда последствиями. Утро, утро начинается с похмелья! Здравствуй, здравствуй незнакомая страна,... соседка и так далее. А соседка даже и меня не узнает. И себя не узнает. Доползла вчера, на диван упала и не шевелится. Я первый раз ее такой

видела. Пришлось самой отовариваться.

После моего забега в магазин все стали прикладываться. И утро опять началось с похмелья. Кто чем. Кто пивцом, а я водочкой. Начинаем тихо реанимироваться и вспоминать хором, что вчера было, от каждого из членов нашего коллектива, вместе с набежавшим с утра молодым соседом. Я, к сожалению, пива никогда не любила, поэтому мне всегда тяжелее всех. Начинаешь сразу опохмеляться водочкой, а заканчиваешь опять пьянкой, хотя я, честно говоря, всегда думаю, что запах свежей водки лучше, чем вчерашний перегар. И вдруг, как озарение:

– Люди, а где я бабки спрятала?

Никто ж не знал! Народ даже пивом перестал опохмеляться, услышав сумму. И тут началось! У Толика съехала крыша! Это же надо, как мы денежку-то любим! Вы даже себе не представляете, что это такое, когда из обморока да по возрастающей амплитуде попадаем в дикую истерику, с ором во всю свою дурную глотку, топанием ног, маханием рук и брызганьем слюной! Все бросились Толика из депрессионного состояния вытаскивать, но мне не до того было. Мне надо было денежку искать.

Искала я четыре часа. Потом пять. Потом два дня. Я перевернула в доме все, что можно было перевернуть. По ниточке и по часовой стрелке перетрясла весь гардероб и всю квартиру... Говорят, так грабители и воры в доме делают «шмон». Только не помню, кто мне это рассказывал. Может, где про-

читала? Например, у Леонова в «Воре»?

Денег не было! Ну, нигде не было! Ни-где.

Пошли разные версии. Например: украли. Кто? Артисты, которые были.

– Или Барабашка, – выдвинула Наташка свою, дополнительную версию. А что? Запросто ворует. Еще как!

– Ну, даааа, ворует. У моей приемной бабушки Полины Ивановны всегда очки тырил. Она их целыми днями искала. А надо было просто в зеркало посмотреться, потому что они у нее всегда на лбу были водружены, как красное знамя над Кремлем! – подытожила я.

Денежки нашлись неожиданно. Их никто и не воровал. Они были мною же перепрятаны под утро, когда я была уже не совсем, точнее сказать, совсем того. Но куда спрятала, никто и никогда бы и не догадался, если бы по прошествии десяти дней от скорбной даты последнего шмона, не пришли к нам в гости моя клиентка Света со своим мужем Славой. У Светы был день рождения в начале прошлой недели, вот они его и отмечали по все Москве. Часам к четырем утра мы уже пели песни, а я на кухне выкладывала мясо на блюдо, когда туда пришла Света. Ну, я ей для пущего кайфу про денежку, чтобы тоже адреналинулась, и пожаловалась. Я же на них уже большой и жирный положила. Вот и жаловалась, что придется мне их отрабатывать, рассказывая про мои пустые многодневные поиски. Опять понтила, как всегда.

– Все, – говорю, – в доме проверила, до ниточки перетряс-

ла. Может, вот только под духовкой и не проверяла.

Наклонилась и вытащила из газовой плиты нижний ящик, в котором все хозяйки сковородки держат, но не чуть-чуть выдвинула, а вытащила его совсем, и положила в сторону. А они, голубчики, там себе лежат на полу, ровненькими рядами уложенные, под этим ящиком, пачечка к пачечке, прямо с ленточками банковскими лежат, нетронутые, тепленькие. Ну, это же надо до такого додуматься? Кухня ведь коммунальная, общая, и плита тоже. А я их туда... Ну и как вам, нормально? Это все ступеньки к раннему инфаркту.

– Это сколько же было в меня влито, если я их сюда засунула? А вы? Красавцы мои! Нервы мои оголенные! Сволочи грязные! Лежите себе и молчите? – с понтом причитала я на всю кухню на них или сама на себя, любимую.

Ясно лошадь, козь рога! Наливай! Пару дней мы это дело замачивали. Включая соседей. Хотя бы здесь они потеснили Наташкины ряды.

– Нет! Ну, надо же до такого додуматься? Спрятать! И куда! – удивлялась я сама на себя, в глубине души радуясь еще и тому, что все видели, как много бабок водится в моих закромах. Знай наших!

Все смеялись с кривыми от зависти рожами, и говорили:

– Надо было давно столько же выпить, как в тот день, когда прятала, уже давно бы нашла!

Наш народ мудр. Такие советы давать умеет! Поистине не зря мы столько лет прожили в стране Советов.

Ну, а теперь что!? Приготовились?

Настала пора представить вам и моего ненаглядного в полной красе, только за валерианку сразу не хватайтесь... Во

ТОЛИК

Булыжничек на перекрестке жизни, блин. И на ём ничерта не написано, про что там ждет впереди? Как ежик в тумане. Если бы я знала последствия, я бы развернулась в другую сторону, но мы же молодые такие бестолковые! Куда несет течением, туда и плывем... или шагаем....

Как я вам уже говорила, звали его Анатолий, а по-простому Толик. Рафик! Сашик! Петик! Это по-чурковски. Совершенно дурацкое имя, мне никогда не нравилось. Но я заметила, что Боженька всегда подсовывает то, что мне не нравится. Щекочет нервы!

Толик – это найденное в таком большом городе было такое чудо-юдо!!! что еще раз подтвердило подозреваемый мною факт – все в природе развивается по спирали.

Его мама – чистокровная русская, натуральная блондинка, волжанка, с большими голубыми глазами, с совершенно мерилин-монровским кукольным и капризным личиком. Очень сексапильная. Даже в те годы, когда я познакомилась с ней, была очень и очень хороша. И фигура сохранилась на удивление стройной, и ножки, и выющиеся густые волосы.

Представляю, как она была хороша в молодости! А тем более в южном городе Баку...

Папа — жгучий брюнет, высокий и статный. Вы, может быть, на московских рынках встречали таких. Иногда попадаются «азербоны» писанные красавчики. Этот был как раз из таких. Усики у него были очень, по тем временам, моднячие, как у Рашида Бейбутова, тоненькие, черненькие и вдоль верхней губы. Глаза черные, большие, обрамленные, как рамой, густыми и длинными ресницами! Губы, четко очерченные по контуру, чуть выпуклые и припухлые. Нос ровный и прямой, как у Александра Македонского. Блеск! Очень был хорош. Правда, лично я видела его только на фотографиях. Когда Толику было три года, папа пропал за горизонтом большой жизни, отправившись искать счастья для всей семьи. Оттуда он так и не вернулся. Наверное, не нашел или нашел только для себя... Тоже еще тот приколист!

Родители хороши были оба. А что представлял из себя наш Герой? Ну-ка? Попробуйте пофантазировать! Но не опирайтесь на всем известную истину, что перекрестное опыление ведет к совершенствованию вида.

Ничего подобного! Полная противоположность!

Наш герой был совершенно рыжий и в конопушках. Волосяки жиденькие (куда девалась папа-мамина шевелюра, хочется спросить?), глазки маленькие, глубоко и близко к носу посаженные с рыже-облезлыми ресницами. Морда длинная, лошадиная. Но главным шедевром на этой морде был нос!

Как отдельная история он занимал одну треть пространства. Он был длинный, с горбинкой и тоже весь в конопушках. Прямо шедевр какой-то. Губы тоненькие, щеки впалые. Натуральный Освенцим. Я все время удивлялась, как это они, его создатели, красотка блондинка и красавец брюнет, произвели на свет такое облезло-рыжее чудо? Копия режиссера и артиста Басова, только пострашней!

Помню, как-то, лет чего-то тому назад, он решил отпустить бородку, испанку. Когда она отрастала, Толик был на гастролях. Но наступило время, он вернулся и позвонил мне в дверь. Мать моя родная женщина! Я чуть в обморок не упала. Крик пришлось утопить в желудке. Передо мной стоял Мефистофель! Рыжий, страшный, и с козлиной бородой. Ну, козел козлом!

Правильно говорила моя подружка Неля:

– Все мужики козлы, только с одним козлом можно жить, а с другим нельзя.

А еще он был худой. Мои потуги его откормить ни к чему не приводили. Все калории, не в коня корм, съедала его «внутренняя злость». Его часто заносило то резко вправо, то резко влево, отчего он имел мелкие неприятности сексуального характера. То он кому-то по сопатке, то ему, никакой середины, сплошной крайняк... Максималист-понтист, одним словом.

Я говорила ему шутя:

– Природа явно дошла до конца очередного витка на тво-

их родителей, а на тебе решила отдохнуть. Теперь ты есть нулевой цикл, начало нового витка.

Надо добавить при этом, что характер он имел южнотемпераментный, вспыльчивый, мало управляемый и руками махательный. Жутко дерьмовый, в общем. По принципу:

– Э-э-эх! Забодаю! Забодаю темпераментно!

Я как думаю? Все мы в своей жизни немного от Бога нашего, Иисуса Христа, научились. Типа, «частица Бога в нас заключена подчас...» Он на крест из-за нас, дураков, полез, и мы, дети его, на него глядя, любим распятыми бывать. Только кресты наши очень маленькие и гвоздики микроскопические. Но страдааания – на всю катушку... как у него...

Помню самое начало нашей смешной семейной жизни с Толиком. Тогда, после нашей свадьбы, его друзья прикалывались над ним и говорили, складывая кукиш, где большой палец находился не между указательным и средним, а между средним и безымянным:

– Плечи то широченные, а головка ма-а-аленькая! Прямо чувак чувак!

Вот уж точно, природа на нем отдохнула. Высокий, худой. До талии метр, от талии метр. Верхний метр сверхсутулый и широченный в плечах, а на них маленькая головенка торчит. Нижний по-кавалерийски четко подперт ногами, которые, по сравнению с верхней частью, смотрелись несуразно. По плечам он пятьдесят восьмого размера, а по низам сорок второго криво-косолапого, это я как портниха знаю. В об-

щем, очень косая сажень в плечах и совсем кривая в задах. А все вместе именно того рыже-облезлого цвета, который и есть высший знак азербайджанского качества.

И понты-ы-ы-ы!!! Петушиное, обожранное «авантюрином» горе, мечтающее выделяться из толпы...

А я ведь молодая была, совдепией крученая, коммунизмом мученная, да и старыми заскорузлыми понятиями порченая. Бабскими привычками про замужество, веками вбитыми в бабью голову, плюс заразно-понтовая ширма из «слабо»... Я и говорила сама себе:

– Нужно принимать его таким, как он есть. Вышла замуж, так нечего, понимаешь, всячески критиковать теперь! Все равно все мужики козлы!

У меня с этим вопросом, который секс, тоже свои отношения. Я по гороскопу родилась под знаком Венеры. Весы я, а что это значит, вы и сами догадываетесь. Там Венера нехило потопталась...

Может быть, это еще и оттого, что когда моя мама была мной беременная и работала в маленькой сельской больнице, приехав туда по велению сердца и обстоятельств за моим папой (читаем с пафосом!), там произошел интересный инцидент! К ним в больничку привезли взвод солдатиков, зараженных лобковыми вшами. Пришлось маме построить их в рядок, приказать спустить штаны и задрать руки. Потом она взяла малярную кисть и, обмакивая в ведро с раствором, промазала все интимные места, подмышки и прочие нагруд-

но-наспинные заросли этим солдатикам очень основательно. Может быть, именно из-за этого я несколько равнодушно дышу к мужскому полу? Насмотрелась еще в утробе матери?

НУ, ДУМАЮ, НАЧАЛОСЬ

Блинов с комьями было до фига, всех и не перечислить. Если писать о каждом, получился бы двадцатитомник с приколами. Я их даже как-то умудрялась проглатывать, но некоторые застревали, если уж ком сильно большой попадался. Таким вот блином, да еще и с комом, я и подавилась в тот самый первый раз в нашей коммуналке. Угощаю и вас! Прикалывайтесь на здоровье.

В то золотое, коммунальное время я и мое сокровище работали на государственной службе, в организации, именуемой «Росконцерт». Он – вечно занятый на должности «директор концертных программ», а я на подхвате. На подручных работах. Вроде бы, как простой администратор. Работу пахали вместе. Сами понимаете, если человек хронически занят, то ему надо бизнес крутой срочно сварить и бабки наварить, то еще чего...

Он начинал варить, а я почему-то все время доваривала. То у него варево горчило, то комом каким-то, а то и просто дерьмо...

Дело было по весне. Я получила огромную партию товара.

Платки «Хамура» и платки с люрексом японские. Класс!!! Надо было срочно сдавать. Продавать, то есть. Мои «блэки» готовы были дать мне всю эту кучу товара с пятидесятипроцентной предоплатой, фактически за полцены. То есть можно бабки наварить нехилые. Ну, и кто бы отказался?

Я – нет! Это же все по шерстке, по шерстке...

А на «Росконцерт» в это время набежал караул! Всех взяли сажать. Откуда-то появилась ниточка, кто-то за нее потянул, клубок стал разматываться, клочья полетели в разные стороны. В бухгалтерии засада. Спасая себя, потенциально подозреваемые даже на то пошли, что однажды под утро бухгалтерия запылала ярким пламенем добротного пожара.

И тогда стали трясти по всем кустовикам, филиалам столичных филармоний. Товарищи это дело сильно любили. Смотришь, трясут-трясут и что-нибудь вытрясут, а особенно если грамотно заставить народ самому трястись. Из него из самого в процессе трясучки столько вытрясется, только успевай – жни. Трясли за левые концерты, за конверты, за дутые ведомости, за мертвяков, за левые билеты и левые афиши...

В общем, в «Росконцерте» стало жарко и народ стал разбегаться в разные стороны. Мое сокровище побежало в первых рядах, да так шустро, что даже тут же себе новую работу нашел! Я диву давалась! Даже лежаче-диванного перерыва в тот раз не было! Где-то быстренько познакомился с одним известным сатириком, бывшим КВНщиком, Юрой Воловичем.

А у сатирика тогда было время любви. Он без памяти влюбился в Ирину Понаровскую. Я его понимала. Если бы я была мужиком, я бы тоже в Ирину влюбилась в то время. Она была такой шарман!

Влюбился он по большому счету. И стал делать ошибки.

Ошибка номер раз – Ирине коллектив.

Ошибка номер два – Ирине гардероб, который по тем временам выписывался из городу Парижу, и ни у кого такого не было. Особенно шляпы...

Ошибка номер три – Ирина не должна уставать, и поэтому на первое отделение ей нужен какой-нибудь «обезьян». Желательно, поэкзотичнее. Нашелся такой в городе Москве. Он пел тогда в ресторане при гостинице «Союз», в сопровождении двух блондинок. Раньше это были двойняшки, сестры Зайцевы, но потом одна из них вышла замуж и уехала куда-то за границу, кажется в Канаду, а на ее место пришла Люда Ларина, раньше работавшая на подпевках у Льва Лещенко.

С этой Людой в моей жизни была еще та история. До того, как переехать жить в коммуналку к Абалденной Девушке Наташке, мы с Толиком снимали квартиру в Перове. Он тогда работал директором в коллективе «Верные друзья» с Ксенией Георгиади. Есть такая гречанка на нашей эстраде, хорошая человечка, я с ней тогда дружила. Попадают они с Львом Валериановичем Лещенко третий раз подряд на совместные сборные «солянки». Это большие концертные площадки или стадионы, где сразу работало несколько коллек-

тивов. Возвращается Толик с гастролей раз – духами пахнет, два – майка в помаде, три – привозит Люду к нам домой прямо с гастролей.

– Будем раков есть, – говорит.

С Людой. Одни мы есть не можем. Раки в горле застрянут, клешнями зацепятся. Одному, или со мной, скучно! Надо с Людой.

Я всегда удивлялась, если мужик с какой бабой начинал романить, ему под любым соусом, хоть под раковым, надо было эту бабу домой притащить и рядом со своей благоверной посадить! Неужели ему на расстоянии сравнивать сложно?

А Люда еще и в клиентки на шитье взялась набиваться. Юмор, да и только!

В общем, забирают этого черного «обезьяна» к Ирине в коллектив, на первое отделение, нашего Толика сатирик приглашает директором. Представляете, что он должен был наврать-насочинять, чтобы ему Юра поверил и взял директором?

Но это их дело...

У Ирины в то время не было никакого звания, а это значит концертная ставка совсем маленькая. Надо было звание делать. Очень красиво смотрится на афише, когда написано заслуженный деятель искусств! Делали его раньше так: устраивались работать в какую-нибудь провинциальную филармонию какой-нибудь автономной республики мелкого мас-

штаба. Например, тот же Иосиф Кобзон в Чечено-Ингушетии заслуженного получил. С Ириной решили пойти прото-ренным путем. Чечено-Ингушетия, так Чечено-Ингушетия. Грозный, так Грозный.

Нам-то какая разница? Тем более, что там тогда никто ещё не стрелял.

Музыкантов взяли из Молдавии. Директор Толик – азербон. Сатирик Юра – еврей. Вэланд Род черный, в смысле негр, совсем негр. Певица, я подозреваю, что тоже еврейка. А все вместе – чечено-ингушата!

Стали репетировать. За это ничего не платили. Толик дома на диване концерты заделывал, то есть звонил лежа по всему Советскому Союзу, а потом приходили телефонные счета неопиcуемой величины. И так два месяца. Я шила с девяти утра до после часу ночи, потом фарцевала. Он, как макака в клетке, по комнате метался и по телефону орал, мне работать мешал. Телефон тоже орал с утра и до вечера. То мне орал и с акцентом и без оногo, то ему орал... И так без перерыва даже на обед.

Народ ко мне приходил. Кому примерка, кому товар. «Блэки» ходили туда-сюда... Все входящие заносили ящики, пакеты и коробки. «Блэки» и «коллеги» вносили сюда, а Наташкины «спекулянты», мои клиентки и прочие участвующие, включая соседей, выносили обратно.

Весело! Как нас ментура тогда не обнаружила? Диву даюсь! Шкаф открываешь, а на тебя тюки товара вываливают-

ся. В углу до потолка коробки с радиотехникой навалены. В другом углу – еще коробки с разным хламом: очками от солнца, часами, платками...

Одно слово – дурдом крепчал, и мы в нем веселились! Прикалывались, то есть. Крутые чуваки, одним словом...

Но, наконец-то, наступил первый выезд.

ЧЕЧЕНСКАЯ ЭПОПЕЯ

Ехать надо было в город Грозный. Вначале сдавать концертную программу местному худсовету. Раньше без такого совета и чихнуть было нельзя. Пока совет не утверждал, коллектив не имел права гастролировать по СССР. Значит, сидел без зарплаты. А кушать очень хотелось. Поэтому не было на всем белом свете людей, более заинтересованных в сдаче программы худсовету, чем артисты.

Был еще один суперзаинтересованный человек в этой поездке – это я. А что нужно было вам, мадам? А нам нужно было непременно контрабандный товар продать. Японский. Назывался товар – платки. Это в стране Чечении был очень модный и ходовой товар. Там все местные дамы носили «хамуры».

Платки эти однотонные, без орнамента, бывали разного цвета, но не елозили по голове, как жидкое дерьмо, а были и плотные, и послушные, и тоненькие. Под каждый цвет платья можно было подходящий цвет платка подобрать. Летом

и не жарко, и голова прикрыта. А платки с люрексом еще и блестели!

Ну, какая уважающая себя чеченка, выходя в люди или на праздник, или на свадьбу, позволит себе выйти с непокрытой или неблестящей головой. У настоящей чеченской женщины голова обязательно должна была быть прикрыта, и желательно, блестящим. Почему? А кто ж вам правду скажет, которую никто не знает! Ясно лошадь, копь рога!

Загрузила я в кофры, в которых обычно концертные костюмы упаковываются, несметное количество платков. Где-то около десяти тысяч штук, себестоимостью где-то рублей тысяч на восемьдесят. «Блэк» отдавал нам платки по восемь рублей, а в Чечне они шли по двадцать пять. Подсчет понятен? Даже расшифровывать подробно не надо. А чтобы уж совсем до кучи, раз уж выпала такая оказия, отправила еще один большущий телевизор «Панасоник», тоже контрабандный, видюшник профессиональный, очень дорогой, и кассеты с фильмами в придачу. Итого общая сумма отправки сто тысяч рублей. Для ориентации делим на четыре рубля (первые руки) и получаем двадцать пять тысяч баксов. В одна тысяча девятьсот восемьдесят третьем году.

Все в коммунизм, а я в другую сторону. Самоутверждаемся!

Заказчика дали мне сами «блэки». Он выложил нам предоплату пятьдесят процентов от продажной цены, потому, что я боялась такую кучу бабок везти в Москву с Кавказа. А уж

если быть совсем честной, товар-то нам, а точнее, моим «блэкам», давал посол их африканского государства. Поэтому мы решили перестраховаться. Получая пятидесятипроцентную предоплату, мы сразу оплачивали товар послу, и себе чуть-чуть оставляли. В остальных пятидесяти сидели и я, и мои молодые «блэки»-аспиранты.

А что делать?

Например, в восемьдесят третьем году видюшники еще только осваивали просторы моей Родины, было их мал-мала, а телевизоров японских с большим экраном еще меньше. Точнее, были в магазине «Березка», но не такого размера, как я отправляла. Там можно было купить, но нельзя было валюту и чеки иметь. Если нет справки о легальности денег, значит, это уже статья. И тюрьма. Пятьдесят долларов в кармане тянуло на пару лет.

Но была прослойка, помогавшая народу кое-что прикупить. Вот я и была той самой прослойкой, которая позволяла простому народу, имеющему рубли, купить себе бытовую импортную технику. Но нужно было соблюдать одно жесткое условие. Упаковка не должна была быть нарушена ни под каким предлогом. Цена сразу падала на пятьдесят процентов. Клиент должен был быть уверен, что это оригинал, а не подделка местного умельца.

Перевозить технику обычным путем было очень опасно, стремно. На дороге народ, особенно южный, от души шмонали менты. Но артистов же не будут так шмонать, как обыч-

ных черномазиков.

Товар отбыл нормально, я сама коллектив отправляла, кофры и ящики все перепроверила, так что не волновалась. Прибыло все туда тоже нормально. По прибытию Толик мне отзвонился. Заказчик был предупрежден об этом и просто ждал. Я себе в Москве сижу спокойно, шью....

Прошел день, второй, третий. И вдруг мне позвонил заказчик и эзоповым языком взялся объяснять, что ничего не получил. Вот тебе и раз!

Я попыталась у него выяснить понятнее, но пойди тут разберись, что он хотел мне сказать? Раньше по телефону все говорили намеками, они же прослушивались. И если вы, к примеру, хотели сообщить что-нибудь секретное, речь тут же переходила на намеки. Все знали, что я шью, и говорили очень смешно, если со стороны послушать. Однажды один мой приятель пытался рассказать мне сюжет иконы намеками. Он очень долго и нудно рассказывал про отделку платья, про рюши, а когда ему самому все это надоело, он нашел совершенно ошеломившую меня вуаль. Он стал мне рассказывать о последнем заседании Правительства, и кто из членов Политбюро во что был одет. В ход опять пошли рюши, манжеты, воротнички, юбки-годе (это он так хотел рассказать мне, что на иконе есть оклад и что нимбы у ликов отделаны смальтой и камнями).

А этот клиент взялся мне по межгороду, с жутким кавказским акцентом рассказывать про отсутствие накладных кар-

манов, количества пуговиц, про манжеты, которые я не пришила и так далее. При этом слышимость была такая, что я спутала слово «пуговицы» со словом «путаница» и уже ничего не понимала. Единственное, что я поняла, что он не может найти Толика в городе Грозном.

Нигде!

Пришлось брать несколько дней у заказчика на разборку и начинать вызванивать Чечню. А там тишина. Ни один телефон, выданный мне Толиком по приезду, не реагировал на мои звонки. Даже вся филармония молчала. Как будто у них там Мамай проскакал и всех порубал. И так три дня. Я понимала, что там что-то произошло. Надо было лететь.

Прилетела я в город Грозный и поехала в гостиницу. В городе была только одна гостиница, которая тянула на это название, и в которой можно было жить, да и то со статусом минус семь звездочек.

Толик жил в люксе на втором этаже – он же директор! На мое представление администратору, чья я жена, у той, бедной, глаза расширились от удивления и обиды. Что-то уже наплел, значит, навешал лапши на подставленные уши.

Поднялась я к нему в номер. Закройте глаза и представьте себе ваше понятие о бардаке. Не в смысле дом терпимости, а в смысле грязи. Именно туда я и вошла. На столе был срач из пустых, полупустых и полных бутылок, разукрашенный дарами южной земли разной свежести, начиная от вчерашних дынь, позавчерашних шашлыков и позапозавчерашних лю-

ля-кебабов, заплеванных арбузными семечками. Пол не подметался дней несколько. Кровати выволочены из спальни в большую комнату. Все постели перемешаны на жгуты телами. На них спали какие-то личности, ужатые на края задами граждан из первого ряда. На всех стульях и диванах, на этих кроватях, примостившись с краю, и на грязном полу сидели люди. Пьяные были все, но в разных степенях. Кто-то, видно, не одни сутки здесь сидел, а кто-то только пару часов.

А в углу, на тумбочке, стояли новейший телевизор и видеюшник и на весь номер, во всю силу своих иностранных динамиков, гнусавили, показывая народу свои возможности.

Ну как же, чеченский народ такого чуда отродясь еще не видывал! Тут тебе и ужастики, и боевики с убийствами, и кровища льется, и дракулы, и фrankenштейны, и всякие там фантастические «Оно» и порнухи... Ну, полное тебе удовольствие, и главное – бесплатно. Да что там бесплатно – ешь, пей, смотри, не уходи только, не разрушай компании...

Я встала перед телевизором и спросила:

– Где хозяин?

На меня тут же стали цыкать, как в кинотеатре:

– Не мешай, гражданочка, отойди, не загораживай экран.

И, пожалуйста, потише!

Я выдернула одним махом все провода из розеток и объявила:

– На выметание из номера вам всем дается ровно две се-

кунды, после чего я за себя не отвечаю, а за вас не ручаюсь!

Наверное, тон моего голоса и выражение на моем лице были очень впечатляющими и красноречивыми – убрались все. Проснулись даже спящие. Правда, один в двери задержался и сообщил, что Толик спит у него в номере, пьяный, а его самого зовут Витюн. Так я познакомилась с Витюном, ставшим мне впоследствии сводным братом. В том смысле, что жизнь свела.

А тогда надо было что-то делать. Как я теперь могла отдать горячим кавказским горцам откупоренную видеотехнику? А?! А-а-а?!

Пришлось идти искать Толика. И платки. В номере их явно не было. Толик находился в стелечно-лежащем состоянии, даже не мычал. Нужно было ждать до утра, что от пьяного толку?

Утро сообщило мне новые неприятные новости:

– Понимаешь, я отдал платки рабочему сцены местной филармонии...

– Почему?

– Потому что, во-первых, он обещал продать дороже, а во-вторых, парня было очень жалко, он кому-то морду набил и его теперь могут в тюрьму посадить. Ему деньги очень нужны, откупиться надо.

– Не, видали? Ему нужны, а мне не нужны! А может, и не было никакого рабочего сцены?

– Почему не было?

– Да потому, что прошло уже незнамо сколько времени. Где же наши бабки?

– Да он с матерью уехал по Чечне, торговать... Реализовывать, то есть...

И тут я взбесилась:

– Граждане, это что же такое делается, а? Пацана ему жалко, а меня нет? И не важно, что я уже предоплату получила пятьдесят процентов еще в Москве, и ты об этом знал. Знал, что часть денег уже получена, с «блэками» поделена и почти истрачена. И неважно, что меня за это могут замочить к чертовой матери! Главное другое. Решил сам бизнес сварить, самостоятельно, а потом попонтить где-нибудь этим? Свой навар сверху получить, и не в общую семейную копилку, а в свою собственную, загульную. А как же, на два рубля дороже, это значит – двадцать тысяч рублей! В твой собственный карман. И без отчета.

– Да что ты так волнуешься! Он же все отдаст!

– Отдаст был хороооший парень, но педераст. Когда отдаст? Между прочим, прошло уже семь дней! Что делать будем? Убить тебя мало, суку! И ведь знала же, что тебе ничего нельзя доверять! Ни одной копеечки. Надо было самой лететь. Певец! Блин горелый! Так бы и кастрировала, чтоб ты стал тенором в хоре мальчиков! Ну и что делать, что? Господи, замочат же! Это ж горцы...

«Подруга, – говорила я себе ночью. – Ты чего это заныла? А? Встала, взяла себя в руки и вперед – за дело! Нечего сид-

нем сидеть и волосья на себе драть... Все-таки я сама себе самая родная! Или как?

Сначала пришлось привести в порядок аппаратуру. Для этого пришлось ближе знакомиться с соседями-гастролерами по гостинице. Это оказались ребята из города Горький. ВИА «Времена года»! Отличные ребята! Помогли и аппаратуру в порядок привести и заклеить, как новенькую, чтобы ни одна сука подкопаться не смогла. Короче, в итоге заказчик всю технику принял у меня без замечаний. Даже с каскетами.

Для второго дела, на всякий случай, пришлось просить тайм-аут. Заказчик пугательно скрипел зубами, вращал глазами, но мы честно рассказали ситуацию, и он согласился, оговорив при этом:

– Эсли у уас будуттт нэпрыятнасты, я, у принципи, магу памочь, но цина будэт ныже, а сычас ви уже имэетэ штраф за задэржку. А тэбэ, кирасавэць, яйца буду атттриваттт лична я сам, эсли чьто!..

Толик так впечатлился этим договором, что чуть вообще не сбежал. Страусиный эффект.

Путру, под охраной, по-другому и не назовешь, я повела Толика в отдел кадров филармонии, искать того самого драчуна. И вдруг выяснилось, что он в филармонии уже не работает – на одноразовом подряде был, постолярил и уволился, а договорчик вместе с ним куда-то ушел, исчезззз..., значит, и адрес.

Ну, класс! Я тут же получила полный кайф адреналина и все прямо в кровь.

Два дня ушло на добывание адреса через каких-то разнообразных чеченцев. Ну, я вам скажу, и рожи же у них. Им даже до первобытнообщинного строя еще далеко – они, с тех пор как в Лермонтова стреляли, так и не изменились...

Наконец-то берем такси и едем по адресу. Приезжаем на место. Русский таксист Слава все сразу понял:

– Деньги свои добываете?

– Ага... – говорим. – Добываем...

В квартире мы нашли девушку на сносях и девочку лет восьми-девяти... Больше никого. Беременная по-русски не говорила. Девочка знала всего несколько слов. После трехчасового мучения мы возвратились к таксисту, который ждал на улице. Слава богу, Слава говорил по-чеченски. Что он им толковывал, я не знаю, но вдруг девочка стала собираться, а беременная плакать. Таксист сообщил нам:

– Сейчас мы все вместе поедem к каким-то их родственникам, которые знают, где находятся драчун вместе со своей мамашей. Я решил вам помочь и им так сказал.

– Спасибо тебе за сочувствие. За нами не заржавеет...

ХОДИЛИ МЫ ПОХОДАМИ В ДАЛЕКИЕ КРАЯ...

Пришлось нам Славиком осваивать улицы далекого горо-

да Грозный.

Поехали мы на другой конец города. Там, после долгого крика по-чеченски, выяснили, что и мать и сын вместе с нашими платками уехали вглубь Чечни, в аул. Слава рекомендовал нам ехать следом немедленно, пока их никто не предупредил, а девочку забрать с собой. Я б жизни не догадалась!

Ну, прямо не жизнь какая-то, а сплошная симфония Глюка! Блин...

И ведь поехали..., как-то и с перепугу. В том ауле, куда мы приехали, наших коммерсантов тоже не оказалось. Зато нашлась часть наших платков. Долгие переговоры с помощью Славы убедили чеченцев отдать нам деньги за уже проданный товар. Они честно нам все отдали... Я так удивилась...!!!

Дальше поехали, теперь уже в долину. Ребенок с нами!!! Одна моя подруга, Нинушка питерская, всегда говорила:
– Чьи бы бычки не скакали, а детки всегда наши...

Она права, что-то такое есть в женщине. Материнское чувство, наверное! А для матери дети всегда дети, чьими бы они не были. Котята, козлята, ежи, ужи, слонята или еще кто, например чеченята.

Она вначале дикая была, как кошка. Зажалась в угол сиденья и оттуда глазами зыркала, а потом ничего, разговорила. Даже народные чеченские песни мне то-о-оненьким голосенком пела. Так трогательно. Мы даже где-то притерпелись друг к другу.

С большим трудом добрались до следующего аула, но опять не застали нашу парочку. Если бы они знали, что мы едем следом, было бы понятно, но они об этом понятия не имели. В то время еще не было ни мобильных, ни пейджеров, и не только на просторах этой чеченской глухомани, но и на всех просторах моей родной глухомани, включая Москву.

Я молила Бога помочь нам разыскать бегунков и ругала сама себя, самую любимую: «У всяких событий есть причины. Почему тебя сюда занесло»? И отвечала сама себе весело, с задором: «Задница моя меня сюда затащила. Опять. Как всегда».

А день, между тем, клонился к закату. Пейзаж за окнами машины был очень тоскливый. Дорога прямая, как палка. Справа поле, слева поле, прямо поле и сзади поле. Кое-где кустики голые, без листочков.

Где весна, я у вас спрашиваю? Где?

Чечня – интересный кусок земли. По идее, здесь должно было быть полное изобилие. Земля у них жирная. Сплошной гумус. В кустики пробраться невозможно, на подошву налипают! А чеченцы не миллионеры! Вот, например, в Грузии земли под посев с гилькин нос, в сто раз меньше, чем в Чечне, а грузины по три урожая за одно лето снимают...

И тут у нас полетело колесо. А потом второе... Не понос, так золотуха. А вокруг начинала надвигаться южная ночь, и надвигаться очень быстро. И очень темная. Уже через пятнадцать минут ничего не было видно. Страшно? Или интерес-

но — выдюжим мы или не выдюжим? На двух передних хороших и двух задних никаких проехали еще чуть-чуть. Наконец Слава-таксист выключил мотор, и мы попытались, растопыря уши, уловить хоть какой-нибудь звук. Где-то с правой стороны за полем был чуть виден отсвет и слышны отдаленные звуки, похожие на музыку. Мужчины, высоко поднимая ноги, зашагали по полю и сразу же съелись темнотой. А мы остались. А над нами блистали звезды размером с пуговицу для драпового осеннего пальто.

Правильно сказал О. Генри: «Хотелось подняться на цыпочки и потрогать звезды рукой, такие они висели яркие и осязуемые».

И сидели мы внизу под этим необъятным южным небом, под этими сумасшедшими звездами, величиной от малюсенькой пуговички для нижнего белья, и заканчивая блюдцами для пальто, две малюсенькие пылинки и страдали из-за прибыли по каким-то платкам с люрексом. Кому они нужны на фоне бесконечности? И казалось мне, что Господь грозит мне пальцем сверху и укоризненно качает головой...

Прикол — прямо катарсис какой-то!..

Мы молчали. Что думал ребенок, я не знала. Интересно, как думается на чеченском языке? И думают ли они вообще? Может, живут, как травинки или суслики? Но ученые нам уже говорили, что и у травинок что-то там для мыслей в голове тоже имеется целая куча. И у сусликов. А у чеченцев?

Через какое-то небольшое время машина стала быстро

остывать. В салоне стало несколько прохладно, если не сказать больше. Ребенок явно мерз. Сколько прошло времени, не знаю. Мы сидели, с чужой чеченской девочкой, согревая друг друга объятиях и уже стали подремывать, как вдруг чеченочка стала толкать и показывать пальцем на огоньки, которые задвигались по полю в нашу сторону. И мы с ребенком в два голоса заорали на все это поле, на всю эту Чечню:

– Ур-р-р-а-а-а-а!!! Наш-ш-и-и! – хотя для нее какие они наши?

Это действительно были наши. Они прибыли за нами на тракторе «Беларусь»!

– Родной ты мой, братан! – говорила я трактору, поглаживая его теплый бок. – Ты тоже родился в Белоруссии, как и я. Ты спас меня из плена черной чеченской ночи. Люби-и-и-мый!

А он тихо урчал, как будто и вправду понимал, что мы с ним земляки и должны друг друга выручать. Он был большой и добрый. Мой «Беларусь»!

Трактор провез нас напрямик, через черное чеченское поле в чеченскую же большую семью. Было около двух часов ночи, когда мы ступили на домашний пол. Ребенок падал с ног. Ее накормили и сразу же уложили спать. Не знаю, как у них, у чеченцев, а у нас в России говорят – только до подушки...

Ну, а у нас-то с собой было! И Слава это знал. Такой стресс мы могли снять только водярой. Усадили нас в

большой и, как я догадывалась, главной комнате, за стол. Несколько женщин молча таскали нам еду, а мы сидели за столом, ели, пили водку и курили. Потом они удалились, и стали по одной подглядывать из-за двери... Курящая баба для них!!!!..

Утром я проснулась поздно. Мужчины во дворе уже что-то гоношили (красивое сибирское слово, мама научила, она у меня тобольская, сибирячка).

Прошлась по дому. Дом как дом, быт как быт. Такая же кухня, как у всех. Такие же комнаты, и спят, между прочим, не на полу, а на кроватях. Только и удивило, что лежащее на полу выдолбленное в середине круглое полено, как лодка каноэ у индейцев. В этом полене лежал младенец. За все то время, которое я пробыла в семье, не видела, чтобы кто-то его перепеленывал. Иногда оттуда периодически издавались тихие звуки, но никто не обращал на них никакого внимания. Вот когда, оказывается, в них зарождается сверхтерпение!

А наши молодцы! За то время пока я досыпала и рассматривала достопримечательности чужого быта, они прикупили три колеса то ли от «Газика», то ли «Уазика». Во всяком случае, они подошли. Два прикрутили к нашей «Волге», а третье сделали запаской.

Завтракали простой сельской едой: козым сыром с лепешками, парным молоком с блинами и натуральным сельским маслом, а мужчины – кусками отварной жирной бара-

нины. Здоровая пища...

Я намазывала масло на свежую лепешку и вспоминала свою деревенскую бабушку Юлю. Когда мне не было еще и пяти лет, бабушка пекла хлеб «у беларусскай печцы». Укладывала круглые караваи на здоровенные лопухи (они росли под нашим окном), при помощи длинного гусяного пера мазали сверху водой, и на лопате отправляла в печь. Там, в глубине, светились огоньками угли, а мне казалось, что это и не печка вовсе, а злой дядька, который возьмет и сожрет все наши караваи. Сейчас сделаем «АМ» закроет рот, и я их больше не увижу.

Я сидела с утра у печки и караулила свежий хлеб и бабушку. Ждала, когда она откроет рот у противного дядьки и отберет наши караваи. Бабушка приходила со двора, доставала горячие круглые булки, ножом соскабливала подгоревший лопуховый лист снизу и отрезала мне краюху от самого надтреснутого бока. Краюха пахла мамкой и еще чем-то очень вкусным. Я жевала хрумкающую корочку и запивала парным молоком из-под нашей коровы Машки. В окно светило утреннее летнее солнышко, в луче плясали пылинки и падали на выскобленный до желтизны вениками-голышами пол. В хате было тепло и уютно, через стол наискосок сидела баба Юля, подперев рукой щеку, и смотрела, как я жую. И это было так потрясающе... Мое детство...

Денег хозяин не взял, только за колеса. Но мы же не могли остаться в долгу, тем более что у меня были платки! Жен-

ское население веселилось до счастья. Как же. Каждой бабе на деревне достался платок с люрексом, и «Хамура», и цвет на выбор! А семье, приютившей нас, еще и по нескольку! Что вы, мужики, понимаете! Какие там колеса, когда тут платки бесплатно раздают!

Через час мы уезжали. Нас провожала вся деревня. В ту минуту они нас очень любили, от чистого сердца. Я так думаю. Дальнейший поход благополучно закончился уже к вечеру. Мы, в конце концов, нашли и маму, и сына. Конечно же, то, что мы искали, непременно оказалось в самом дальнем кармане. То есть в самом дальнем ауле. Закон подлянки. Они тоже честно отдали нам деньги и остатки платков. Платков осталось очень мало, так что денег на откуп мелкий хулиганишка себе заработал, и мы расстались очень по-доброму.

Девочка осталась в деревне с бабушкой. Мы с ней распрощались у калитки, отдельно от всех, и даже всплакнули чуток...

Вернулись в гостиницу около четырех часов утра, уставшие, но счастливые. Во-первых, живы. Мы вырвались из горской, чеченской, чуждой нам земли и живы!!! От этих страшных аборигенов, которые еще с царем Александром I воевать начали в 1810 году. С тех пор хрен что изменилось! Во-вторых, с деньгами! Никто не обманул и по голове не долбанул за такие большущие деньжищи. А те бабки, которыми мы

штраф покрыли заказчику, и была та часть, на которую Толик намеривался личный гулен устроить.

Я и таксиста Славу не обидела. Уже за бутылочкой в номере он нам сознался, что и не надеялся из этого чеченского далека живым вернуться, особенно когда понял, за какой кучей лавэ мы выехали. Оказывается, русские, живущие в Грозном, стараются дальше города не выезжать. Слава рассказывал нам всякие ужасы про рабов, которых свозили со всего СССР. Они в горах работали, баранов пасли и черемшу собирали. И это в восемьдесят третьем году! Рабство в расцвет Коммунизма!!!

Лучше бы он нам этого не говорил. У меня от страха все внутри аж заглодело. Если бы я раньше узнала, да гори они огнем, эти платки и эти бабки.

– Слава! А слабо было сказать? Я бы точно никуда не поехала!

– Я тоже. – промямлило чудо.

– А я говорю, что это я бы не поехала, а ты бы должен был поехать в любом случае. Там же твой главный друган в родной Чечне тебя ждал...

Свят, свят, свят. Пронеси нас, Господи! Ну, точно, законченные мы адреналинщики, авантюринщики!..

ЛИДИЯ ЯКОВЛЕВНА (ЛИДУШКА). МОЯ ПОДРУЖКА

Начиналась наша дружба с Лидушкой пять лет тому назад, в 1978 году, когда мы жили еще в Перово и представляли из себя с Толиком молодоженов. Во, чудо!

Однажды звонит мне незнакомая дама, по поводу шитья. Приезжает. Возраст неопределяемый – но декольте ниже нижнего уровня с грудью в глаз. На лице вся палитра косметички. И обаяния через край. Небольшого роста, полненькая, как «Пышка» у Мопассана. В общем, не сказать словами, не описать перами! Сто процентов суперэнергии, бьющей через край без всякой остановки! Я раньше такого никогда не видела.

Этот смерч ворвался в мою жизнь, покори́л меня за десять минут и стал преобладать над всеми моими остальными клиентками. Дружба с первой улыбки. На последующие много лет Лидушка тут же превратилась из клиентки в подругу со скоростью этой самой улыбки. При этом у нее стали складываться собственные отношения с главными и второстепенными героями моей сумасшедшей жизни, а Толика сходу она стала иронично звать «сокровище».

Толик периодически не работал. А еще чаще уходил с работы по причине его полного непонимания тамошними дураками. То его в скандал занесет, то, поправляя ситуацию,

он так перебарщивал с извинениями, что его заставляли в чужой постели, и, конечно же, опять неправильно понимали.

За время нашей совместной жизни Сокровище поменяло несколько мест. То оно играло на трубе, то пело на сцене, то в ресторане, то работало администратором в разных коллективах и в разных филармониях, находящихся в разных городах нашей громадной страны.

В периоды безработицы Толик предпочитал развлекаться с помощью моих клиенток. Лежа не диване, он комментировал им про мое шитье. Главный искусствовед! Его благосклонность распространялась исключительно на смазливых закулисных красоток с во-от такими ногами, директоров продовольственных и промтоварных магазинов (ноги тут были уже ни к чему) и работниц авиа и желдоркасс.

Лидушка, естественно, была вне списка. Лет ей было, как Парижской коммуне. Берлин, между прочим, в пехоте брала. Я когда узнала, не поверила, но оказалось, что это правда. Да еще саркастические советы давала. Сокровище к этому моменту страдало на диване уже некоторый месяц. Пожалела тут меня Лидушка и задумалась. И стала вопрошать, чем же страдает мой герой?

В среде интеллигенции это называлось «муки творчества». Я имею в виду ту самую «интеллигенцию», которая произошла от слова телега. А лежать на диване – ужас. И, правда, помрешь с тоски. И тогда Лидушка приложила усилия. В это время она работала в «Росконцерте» директором

концертных программ. И устроила Сокровище на работу в этот самый «Росконцерт». Администратором.

Пришлось Толику Лидушку зауважать. Тем более, что работа оказалась престижная. Можно было при галстукке на всякие там просмотры приглянувшуюся даму пригласить и помахать собственной приличной визиткой перед носом. А гастроли? Золотая работа! Толик продержался там достаточно долго. Во всяком случае, его начальственный приказной голос по телефону еще звучал в коридорах нашей знаменитой контрабандной коммуналки.

Ну, а потом в «Росконцерте» и наступило то самое посадочное время, которое и швырануло нас на просторы Чечни, а вышвырнуло оттуда вместе с солидными неприятностями. И заметался наш герой в гастролях по все стороны, а я вместе с ним. Он весь в ужасе заметался от страшного страху, аж затрясся весь. Я тоже очень сильно бздеда, но он не понимал, как это и я могу бояться?

А случилось вот что...

Из Чечни выдвинулся наш оптовый покупатель и устроил большой бздым! Он раскопал, что ящик уже вскрывали. Грозный город маленький – до него доползли гостиничные слухи. Он явился получать с нас и за свой «Панасоник», и за видюшник, и за кассеты, не собираясь возвращать их обратно вообще. Решил наказать нас по-своему, по-чеченски. Умножил сумму аппаратуры на пять и прибавил туда же штраф. Нормально? Решил нас вот так поиметь за всю масть

в определенно сжатые сроки!

Я схватилась за голову...

Но тут вдруг к нам, как спасательный круг, вечером явилась Лидушка и предложила провести Фестиваль на берегу моря, точнее, просто отдохнуть за государственный счет. Лидушка условно присвоила очень пафосное название этой халяве: «Мастера советской сцены – мастерам высоких урожаев»!

Так мне подфартило спрятаться от чеченского покупателя на целое лето, ну, а Толик должен был смываться из Москвы сам и сам организовать своему коллективу гастрولي. Крику было два дня на весь дом! Я смываюсь, а его бросаю под танки! Как будто это я всю ту жуткую канитель организовала... Распечатала видеотехнику и на весь Грозный раздавала всем желающим свои понты!

Отъезд мой превратился в полноценный семейный скандал, украшенный упреками, обзываниями и распусканием рук. Гулять я, оказывается, туда собралась, мужу изменять, а не спрятаться от грозного чеченца! Билет на самолет тут же вылетел в окно (я нашла его потом только с помощью Абалденной Девушки Наташки).

Постепенно Толик успокоился. Под зазывные намеки и подмаргивания Наташки накрылся прощальный стол. Вначале все шло хорошо. Наташка, как всегда стоя во главе стола, рассказывала нам о том, как она отдыхала на море в незабвенном 1961 году, когда была маленькой девочкой. Потом

перешла на рассказ о своей подруге, которая на юге нашла себе мужа хорошего. Дали дурище слово, вот ее и понесло....

На такое выступление Толик вдруг озверел, и тут фарфоровый заварочный чайник, двухлитровый, среднеазиатский, с восточными цветочками, полетел прямо в меня. Представляете?

Сокровище был целким малым. Он не промазал!

Из глаз моих сыпануло искрами, в голове гудануло гулом и с головы стало стекать что-то сильно горячее. Я испугалась за уши. Представила себе, что они сварились, сейчас отвалятся и буду я жить дальше без ушей!

Я, вообще-то, тетя длинная. Один метр и семьдесят два сантиметра. А Наташка – метр с кепкой. До сих пор не понимаю, как она меня в ванную затащила и через борт перевалила? Потом, не раздевая, прямо из душа стала поливать водой, начиная с макушки. Когда я очухалась, то первое что увидела, это кровавые ручейки, которые текли между моих ног... Но уши были целые, я потрогала.

Вы думаете, что есть на свете сила, способная остановить женщину в ее стремлении к морю? Тем более, если она и билет уже купила? Тем более, если чеченец с зубом! Нет, и еще раз нет!!! Море! Песок! Набегающая на вас волна! Что может быть слаще! Какой муж!!!

Все это было просто замечательно, но в доме были еще и дела! А про них даже с перебинтованной головой забывать нельзя. Зависли товарные бабки по фарце. Нужно бы-

ло их срочно собрать и отдать моим «блэкам». Приходилось оставлять поручение на сбор бабулек Абалденной Девушке Наташке. Она, конечно, еще тот фрукт, но за время нашей долгоиграющей пьянки, ой, совместной жизни, показала всю ответственность к серьезному делу. Товар реализовывался через ее товарок, но они же его не воровали и меня не обманывали!

Я договорилась по телефону с моими черненькими ребятами, когда и где забирать бабки у Наташки. А это, между прочим, аж пять штук, то бишь тысяч, на минуточку... Один «Жигуль», между прочим...

РАССКАЗ О ТОМ, КАК ДВЕ ПОДРУГИ ПРОВОДИЛИ ЭСТРАДНЫЙ ФЕСТИВАЛЬ В ГОРОДЕ АНАПА НА БЕРЕГУ ЧЕРНОГО МОРЯ

Ура, я лечу в самолете и пою:

– Я еду к морю, еду, я еду к ласковой волне!
Меня счастливей нету, меня счастливей нету!
На всей земле!!!

Кайф! На фиг все дела! На фиг мужей! На фиг всяких чеченцев! Я еду! Правда, с перевязанной головой. Точнее, не с перевязанной, а с накрученной. Наташка, останавливая кро-

вотечение, навалила мне на голову слой ваты, приклеила все лейкопластырем прямо к волосам, а сверху завязала шелковым платочком. Ничего так получилось. Правда, вата белым пятном просматривалась через косынку, но я без комплексов, мне лично не видать и ладно, хотя со стороны, наверное, прикольно.

Встретил нас в Анапе местный администратор Вадим. Мы были знакомы с ним еще по Москве. Тогда это называлось – «кустовик». То есть, на кусту сидел, на местном. Его кустом и была Анапа. Куст цвел красивыми девушками, произрастающими на клумбе посреди Анапы, ближе к набережной, там, где концертная площадка и артисты...

Вадим был ничего, симпатичный такой провинциал, с очень высоким самомнением. Как с ним девушки общались, не знаю. Он сразу глазом раздевал, и как будто рукой под юбку, под юбку... А глаз матерный-матерный и с волокитцей. Не с поволокой, а именно с волокитцей.

А тут вижу – в глазах страх. У меня сразу мысль: или что-то случилось, или это реакция на мой платочек.

Покрутив туда, сюда головой, как шпиён, Вадим взялся рассказывать мне какую-то жуть, правда, уже в машине. Не прошло и двух часов, как он изложил все последние события. Оказывается, Вадим с Лидушкой успели сделать несколько левых концертов, но на последнем у них случилась неожиданная неприятность. Билеты на левак продавались сэкономленные или подделанные, а потому не зарегистри-

стрированные в органах культуры. Деньги честно делились между участниками и рассовывались по карманам.

Левак-то они сделали, но кто-то их все-таки сдал. После концерта явилась проверка. ОБХСС называется. Расшифровывается, если кто не знает, это так – Отдел борьбы с хищением социалистической собственности.

Раньше собственником всего было только государство, поэтому к его карману были приставлены охранники. Но народ у нас ушлый! Что охранялось, перлось на мноооого быстрее и веселее. И все дружно делились.

Все и во всей Стране. Только не артисты. Эти ни с кем делиться не будут, хоть зарежь. Самим мало...

Поэтому музыкантов, попавшихся на леваках или еще на чем-нибудь, неважно, сажали во всю, не глядя на звания и общенародную любовь.

Именно такой ужас и свалился на Лидину голову. Лидушка разогнала всех врассыпную. Потому, что знала – полководец на ковре должен быть один. Одному дают меньше. Лидушка и давай набежавшим обэхаэсэсникам горестно так сотовать:

– Вы знаете, на концерте, какое несчастье, ай-яй-яй, никого из местного начальства не оказалось, а я ключа от сейфа не имею, ай-яй-яй, ключ должен быть только у директора концертной площадки или работника культуры. А директор площадки выручку в кассу сдал и уехал на день рождения приятеля. Ай-яй-яй! Он и до следующего вечера не

появится. Ай-яй-яй, какое несчастье... У куратора. А куратор, ай-яй-яй, к сожалению, какое горе, ай-яй-яй, находится в командировке. Уехал в город Краснодар. Какое трагическое совпадение. Ай-яй-яй! Но он будет завтра, к обеду. Придется вам ждать завтрашней субботы. Ай-яй-яй!

С чем ОБХССы, поскрипев зубами, и отбыли.

Тогда наши участники быстренько просвистали всеобщий сбор. Нужно было немедленно легализовать левый концерт и сделать его плановым. Артисты (особенно самые болтливые, хотя они все такие...) должны были сидеть по гостиничным номерам. Дело велось только Лидушкой, Вадимом и Колей, зам. Вадима. Ясно лошадь, козь рога! Они сами вволокли себя в эту тему, теперь должны были сами и выволакиваться...

По плану им надо было за ночь все деньги обратно из всех карманов собрать, в сейф поместить, то есть – сдать государству... При этом Вадим должен был проползти под ночным покровом к сейфу и, не зажигая свет, сунуть туда деньги. Коля сидел на стреме, а Лидушка в кустах на атасе и чтобы все тип-топ. А после этого Вадим должен был под местное отделение ОБХСС в кусты на лавочку залечь и караулить их ночные передвижения, а Лидушка в кустах под гостиницей номера артистов выпасать.

Но самое ответственное досталось Коле. В конце операции он должен был поймать куратора на въезде в Анапу, потому что надо было билеты проштамповать печатями местного отделения «Росконцерта» и корешки тоже водрузить в

сейф. А это мог сделать только куратор...

Но на этом дюдюхтива не закончилась.

Как и планировалось, произведя ночной подкид бабок, троица расползлась, согласно плана. Моей бедной Лидушке достались кусты, пришлось просидеть там всю ночь, сама захотела! Это в ее-то возрасте!

– Ты же знаешь, что билеты должны были быть зарегистрированы у куратора. А он же не в деле, да и вообще и не в курсе, поэтому и не в доле... Не знает, что и над его головой тучи сгустились.

Его надо было поймать рано утром по дороге из города Краснодара. И только утром Коля сдал пост на трассе Лидушке, потому что она же все может – икая и стуча зубами от страха, рассказывал Вадим.

Да! Я знала. Это точно!

– Лидушка? Лидушка она всёёё может. И куратора уговорить, и доказать, что вы принц датский. Даже если вы женского рода. Ты же сам это тоже знаешь, – заикала и я.

Во как страх быстро передается! Быстрее гриппа!

– Так что Лидушка на трассе, а я вот приехал в аэропорт за тобой, – сказал Вадим быстрой скороговоркой на выдохе, чтобы не икнуть.

Приехали. Вадим со мной не пошел, а меня ОБХСС еще не знал. Я взяла у Вадима ключ от номера и двинула в гостиницу. Тихо просочившись мимо дежурной с равнодушным видом и багажом, я затаилась в Лидушкином номере...

Вокруг было на удивление спокойно. Никого не видеть. Мной никто не интересовался. Выползла я на балкон. Вадим внизу, под балконом в Лидушкиных кустах затих. Я ему про-сигнализировала, и он где перебежками, а где по-пластунски просочился ко мне в номер. Интересно, посмотрел бы на это все мой благоверный! Как бы ему понравилось начало моего отдыха...

Я представила себе такую картинку: влезаю я на стол и начинаю, медленно покачивая бедрами, стаскивать с себя весь свой гардероб. Можно под музыку, можно под ля-ля... — делаю Вадиму глазки, нет, посылаю в него стрелы из глаз, нет, молнии... И языком по губам и призывно пальчиком к себе..., к себе...

А он в ответ стучит зубами на весь номер...

Да он сейчас со страху даже стаканом с водой в собственный рот не попал бы, не говоря уже о том, чтобы еще что-то...

Но тут из-за угла появился Коля. Он был такой смешной — тонкий, длинный и худой. Повертев головой, он сделал полный обзор территории — искал Вадима... После перешептывания мы приняли решение — на балкон должна выйти я. Дело усложнялось тем, что, Коля меня не знал.

Пришлось делать какие-то умопомрачительные телодвижения. На мои пассы обратили внимание два каких-то гражданина пляжного вида. Мы же на юге, все-таки. А тут дама с балкона зазывы глазками делает в новом гардеробе. Один из

них осчастливил меня лучезарной улыбкой в тридцать два зуба и громко осведомился:

– Эй, дамочка! В какой номер идти?

– Обалдел, что ли! Я что, на бесхозную похожа? – выдала я с балкона и покрутила пальцем у виска.

Тут и эта оглобля, Коля, тоже поднял голову. Я ему тут же стала глазки делать. Те, двое, очень симпатичные ребята накачено-ковбойского вида, даже опешили от обиды! Слава богу, Вадим в пол-лица на балконе нарисовался. Через минуту мы все трое решили так: на балкон не выходить, в вестибюль не ходить, к телефону не подходить...

Лидушка появилась около восьми вечера. Не сама. Через дежурную нашего этажа, четко знающую своих. Она имела предписание от Лидушки, куда нам, или мне, передвигаться.

– Откройте дверь! – прокричала она. – Я точно знаю, что в номере кто-то есть!

От страха мы решили спускаться с балкона с помощью простыней. И только после того как все было готово, и я, как самая отважная, спустила ногу за балкон, у этой дуры наступило просветление в черепушке, и она сообщила шепотом, что у нее записка от Лидии Яковлевны.

Выводила нас дежурная черным ходом через подвал. Потом нашли Лидушку. Она и вправду сделала все! Уговорила куратора. Только оформила билеты, как в дверь Анапского отделения «Росконцерта» вошла досточтимая комиссия в штатском. Открыли сейф и остолбенели.

Ну что можно сказать на это? Да здравствует победа! Великая она женщина, эта Виктория! Точнее, Лидия!

Только я не очень поняла, почему мы выходили из гостиницы через подвал...

А вокруг нас благоухала теплая южная ночь. Пахло магнолиями, акациями, морем и еще черт знает чем... Может быть, даже сексом? По набережной ходили все те же пляжные отдыхающие и вплетали в запах ночи свои запахи французских духов. Поддельных, конечно...

Ах! Как же я люблю эту черную южную ночь и ее детище – курортный роман! Особенно когда сидишь у кромки воды и слушаешь, как волна с шорохом набегает на песок и край твоего сарафана, и кто-то что-то тебе классно заливает в ухо... А может быть, в самое сердце... Если повезет...

Но что-то я совсем забыла о своей голове. На умный и молчаливый Лидушкин вопрос у меня с ходу родилась версия:

– Шла вечером одна домой, какой-то идиот догнал у подъезда, приставал, я стала сопротивляться, он ударил меня бутылкой по голове и убежал, я потеряла сознание, очнулась дома.

Лидушка поморщилась и приказала везти меня к врачу. Эскулап разобрал башню, сооруженную Наташкой у меня на голове, и стал промывать рану всякими разными растворами. Периодически он вытаскивал пинцетом из головы осколки и бросал их в тазик. Их называло приличное количество.

Потом с саркастической улыбкой переспросил еще раз:

– Так чем же вас ударил этот пьяный бандит? Бутылкой? А, по-моему, он вашей головой ударил облицованную плиткой стенку.

Он же не мог догадаться, что это был керамический чайник.

Больно, кстати, совсем не было, хотя таскаться к врачу пришлось целых две недели. Он промывал мне рану, которая все время гноилась и никак не хотела зарастать. Только через четырнадцать дней он ее зашил. А еще через пару дней снял швы.

Все это время я ходила в платочках и шарфиках. Наворачивала их всякими тюрбанами. Наворачивать приходилось в несколько слоев, потому что под пластырем на моей голове красовалась плешь. Врач выбрил мне волосы вокруг раны чуть сбоку от макушки, и я в шутку называла себя кривобоким аббатом Фуке. В общем, все люди как люди, а я в чалме. То ли фокусник, то ли йог. Так что Толик мог жить спокойно – судьба охраняла мою честь крепче своры легавых!

Он позвонил мне на третий день, по-дурацки извинялся, полчаса канючил прощения, но обрадовал совсем другим. Он тоже укатил из Москвы на гастроли. Слава богу.

Жизнь, между тем, вокруг кипела, бурлила и была ключом. Меня вот по голове тюкнула.

К нам на фестиваль приезжали звезды советской эстрады. И пели для мастеров высоких урожаев. Мастера жили на се-

ле, в колхозах. А там, как и во всей великой и могучей, тоже несказанно воровали. А чтобы не было мучительно стыдно друг перед другом, устраивали праздники и напивались хором. А чтобы как-то разнообразить одни и те же морды, по возможности, приглашали свадеббешного генерала. Желательно кого-то известного, чтобы приятнее ворованное пилось и елось, ну, или, корреспондента, чтобы не получилась просто пьянка, а с хвалебной статьей в конце... В принципе, это не имело существенного значения – кто. Было бы водки много и закуси вдоволь.

В тот год Лидушкиного фестиваля свадебными генералами выступали Лещенко, Винокур, Кобзон и еще много всяких и разных, возвращенных всей Советской страной... Днем море, катера, яхты, а вечером, после концерта, – шашлыки, костры, вино, домино и прочее... На целых три месяца. И без Чечни! Кайф!

Толик знал, за что махал чайником...

Через месяц моя лысина стала зарастать. На макушке образовался очень смешной ежик, под который меня и подравняли в местной парикмахерской. Я стала смешная, как пацан-новобранец с оттопыренными ушами. Могла выходить на улицу без головной покрывки и тут же познакомилась с местными ребятами. Хорошими и совсем даже не наглыми. Глазом не раздевали и под юбку не лезли. Работали водолазами на небольшом спасательном судне, именуемом в инструкции плавсредством, а в народе «лоханкой». Они ходи-

ли к нам на концерты на халяву, а за это мы выплывали с ними подальше от берега и купались в чистой воде.

Они показали мне три кайфа.

Кайф первый: цепляешься за канат, закрепленный сзади за корму, и на полном ходу тебя начинает по морю полоскать. Такой абзац! Чем выше скорость, тем выше ...дец! Единственное – когда от берега далековато, не очень приятное ощущение глубины. Столько воды под тобой – ужас!

Кайф второй: водолазный костюм. Когда мы в самый первый раз выехали в море, погода стояла шикарная. Море тихое-тихое, солнышко светило ярко, бликами по воде играя. Вывели меня на палубу и стали впихивать в этот самый водолазный костюм, будь он неладен. Ну и арматура, я вам скажу! Толстенный, тяжеленный, на шее железный.

– Слушайте! Как же вы его потом, такой тяжеленный, со дна вытаскиваете? – с ужасом выпрашивала я, – да ещё и заселенный телом?

– Не волнуйся! На дне тебя жить не оставим! Ты там всех рыб нам перепугаешь!

Самый первый раз я долго жмурилась, вздыхала и охала, а когда спрыгнула с лесенки в неизвестность, от страху глаза очень сильно зажмурила (мой любимый страусиный прием), с жизнью распрощалась навсегда и даже весь воздух из себя, почему-то, выдохнула.

А там! Мамочка родная – красота-то какая!

Я минут десять без движения стояла, так меня удивлени-

ем ошарашило. Вот это сказка, так сказка! Никогда бы не подумала, что зеленовато-грязновато-бирюзовое море в себе скрывает такое!!! Все цвета радуги качались вокруг меня всеми существующими на свете переливами. По дну блики разноцветные моргали. А в воде рыбки плавали. Рыбки в воде, это как птички в небе, точно так же крылышками-плавниками махают, только разноцветнее намного, как будто в воде летают удода, австралийские попугаи и павлины с распушенными хвостами.

Кайф третий: шкара. Это такая еда. Просто, как все гениальное. Ловится такая маленькая-маленькая рыбка, она только в Черном море есть и только в районе Анапы. Ее даже чистить не надо, а просто укладывать ровненькими рядами на дно глубокой сковородки слоями. Слой рыбы, слой лука репчатого, в колечко порезанного. И рядками, сколько глубина сковородки позволяет, потом заливается водой, солится, перчится и на маленьком огоньке медленно тушится.

Едят так: берешь рыбку в руку, снимаешь кожицу, вместе с чешуей, головой, ребрами, и внутренностями, и всю ее в рот! А она нежненькая-нежненькая и во рту тает! Косточек даже не слышно, все утушились. Вкуснотища! И ты ее потом, под холодную водочку – так идет!.. Не передать словами. Можно только вашим слюноотделением подтвердить мои слова...

Всем вот этим мы артистов и угощали. Колхозами, шашлыками, фруктами, овощами, рыбой, а потом еще вывозили

в моря и развлекали. И канатом, и скафандром, и шкарой под водочку с пивом, и винищем в большом молочном бидоне, который отоваривался у одной знакомой селяночки.

Иногда между приездами артистов были однодневные или двухдневные перерывы, и мы не ездили в колхозы, на поляны к кострам, не выплывали в моря...

Отдыхали, типа...

Тогда мы с Лидушкой варили картошку в мундире, вытаскивали из-под наших кроватей ящики, завозимые туда водителями директоров колхозов, с помидорами, огурцами, копчеными курами, дынями и персиками и с удовольствием обедались. Правда, излишки Лидушка регулярно отправляла с оказией домой. Оказия стоила ровно половину передаваемого. Впрочем, съесть столько не смог бы даже господин Гаргантюа вместе с его сыном Пантагрюэлем...

Но главная развлекалка ждала нас на фестивале в самом конце! И запомнилась она мне на всю мою жизнь.

ВСЕСОЮЗНЫЙ ФЕСТИВАЛЬ МАСТЕРОВ ИСКУССТВ, ПОСВЯЩЕННЫЙ ЗАЩИТНИКАМ МАЛОЙ ЗЕМЛИ И ГОРОДА НОВОРОССИЙСКА

Был конец июля. Именно в это жаркое время в 1944 году произошло знаменитое сражение на Малой земле. Командо-

вал освобождением города Новороссийска от фашистов, я точно не помню, память-то в дырочку, как дуршлаг, кажется майор Цезарь Кунников. Наверняка это был настоящий герой войны, но Генеральным секретарем Коммунистической партии Советского Союза он не стал, и память о нем сохранилась только в кругу близких друзей и соратников. А Генсек, т. е. Леонид Ильич Брежнев командовал операцией в целом.

Про это даже книга была кем-то написана – «Малая земля» называлась. Правда, она не про то, что за каждый метр освобожденной территории была положена не одна сотня человеческих жизней, и не про то, что основной десант должен был быть высажен в Широкой балке, но не был высажен... а про НЕГО!

И вот именно в июле того года, когда мы с Лидушкой проводили свой смешной и халявный фестиваль в городе Анапе, на Малой земле должны были открывать памятник В ЧЕСТЬ и на церемонию должен был прибыть ОН САМ!

Вот тогда-то в «Росконцерт» опять забежал переполох. Такое мероприятие должны были обслуживать наши мастера. Хватились Лидушку и прислали депешу:

«Для проведения Фестиваля Мастеров искусств посвященных открытию памятника героическим защитникам и освободителям Малой земли срочно прибыть в Новороссийск».

Я, как самая молодая, с утра и до вечера туда-сюда начи-

наю мотаться. Анапа – Новороссийск. Новороссийск – Анапа. Составляем с местным новороссийским кустовиком Володей программу концерта, приездов, встреч, расселения по номерам, отъездов.

Гостиницы только две, плюс одна в Анапе. Две трети новороссийских номеров забирает город, под ветеранов, прибывающих на открытие. Одна треть – нам. А у нас сплошь «народные» и «заслуженные». Им «люксы» подавай! В крайнем случае «полулюксы». А где же их взять? Вот и приходилось сочинять сочинение на вольную тему под общим названием «Расселение». Например, с помощью местных пансионатов союзного значения, баз отдыха, пионерских лагерей и проч.

На нашей шее еще и транспорт повис. Где вы видели в те времена Народного Артиста, который поедет на «Жигулях» или «Москвиче» из аэропорта в гостиницу? Или будет жить в номере с туалетом в конце коридора? Это же абсурд.

А город, между тем, готовился встречать САМОГО.

От аэропорта «Анапа» до города Новороссийска срочно взялись асфальтировать дорогу. Не то чтобы ее не было. Она была, но ей, как моей Лидушке, было сто лет в обед. Везти по ней драгоценный зад Его Генсековского Величества было, прямо скажем, очень череповато для карьеры. А еще в сторонке от дороги находился знаменитый блиндаж, в котором САМ как раз и отсиживался во время войны. Руководил. Дороги к блиндажу не было изначально. Поэтому от ос-

новой дороги тут же заасфальтировали аппендицит прямо к порогу этой цитадели...

Землянку привели в полный порядок – даже выложили керамической плиткой. У входа повесили новую шинельку с полковничьими погонами. Ну не блиндаж получился, а ванная комната после евроремонта... Сама видела.

В самом городе тоже навели полный шик. Ноги у деревьев выбелили, асфальт заштопали, входные двери, фасадные стены, балконы покрасили. Урны поставили. Скамейки завезли в скверики новые.

Я удивлялась на эти приготовления, и усмехалась про себя: как же силен в нашем народе дух потемкинских деревень! Никогда, наверное, этого из нас не выбить и не вытравить ничем. Даже дустом.

В ночь перед началом торжеств выяснилось, что сам не приедет. Дорогу как дотянули до перевала через небольшую горку в трех километрах от города, так и бросили. На моей памяти эта дорога в недоделанном состоянии с тех пор лет десять так и простояла...

И вот наступил предторжественный день!

Жара... Репетиция... Согнали кучу народу... Хоры местные, хоры завозные, хоры сводные, хоры краснознаменные имени и без имени. Ансамбли и песни, и пляски. Человек четыреста. Так и подумалось: меньше будет зрителей, чем исполнителей. Во как шустренько Большую землю заставили крутиться вокруг Малой!

Мы с Лидушкой и местный совет ветеранов сидели перед сценой – руководили. Ветераны дружно мешали. Они же лучше нас знали, как концерты проводить! Где ставить автобусы, чтобы еще и переодеваться в них можно было. Когда кого подвозить, чтобы без суеты. Когда кого отвозить и по какой трассе. Как должна вести себя милиция. Где сидеть, где стоять, куда двигаться. Но они же ветераны, они войну прошли – потому к фестивалю с полной серьезностью! Вот и разозлили меня эти «ветеринары», Господи прости. Я возмутилась:

– Блин! Вы что, одни воевали? А остальные что? Ленинградцы! Сталинградцы! Хрен собачий, что ли? Вон у нас Лидия Яковлевна, хоть и еврейка, а в пехоте, между прочим, Берлин брала! И всю войну на пузе проползла, с первого дня и до последнего! И вообще!!! Вы что защищали? Вот этот вот пустырь? Да кому он был нужен? Тоже мне, стратегический плацдарм!

Весь день мы промучились. То Кобзон отказался репетировать, заявив, что и так все знает наперед. То Казацкий хор где-то солиста потерял. То Украинский свои шаровары. То не довели балалайки Русского Сибирского хора – и так до бесконечности...

Так, с грехом пополам, к вечеру концерт выстроили. Заканчивалась репетиция знаменитой в те времена песней «День Победы». Хорошая, между прочим, песня, Тухмановская. В исполнении звезды советской эстрады Льва Валери-

ановича Лещенко.

Представляете? Сзади хор. Точнее, сводный хор в двести пятьдесят или больше глоток, впереди он. И вдруг на третьей строчке уже не поет, только рот разевает. Как рыба на воздухе. Фонограмма порвалась. Из Лидушки выскочило предынфарктное состояние! Она стала закатывать глаза...

А фонограмма порвалась очень неудачно. Если склеить, получается, что артист голосом споткнулся, целых три ноты проглотил. Так нам сообщил инженер по звукозаписи. Надо было принимать решение. Лидушка проглотила горсть таблеток и говорит:

– Мне еще как-то рано помирать, еще внука надо поднимать, позднего, Аркашку. Значит, поем!

Отправляем машину и московского администратора в аэропорт, на любой рейс в столицу. И чтоб к утру, как штык, был с запасной фонограммой.

Возвратились в город Анапу, разбитые вусмерть, особенно Лидушка. Я ее понимала, нелегко брать Берлин, особенно Новороссийский! Ночная прохлада успокоения не приносила. Лев Валерианович сидел у нас в номере, ждал. Водителя из аэропорта не видать, некому сообщить нам – улетел, не улетел? Один Бог знает. Наконец, к часу ночи, появился водитель, без администратора.

– Ура!!! Улетел! Можно было ложиться спать. – шепотом кричу я.

Лидушка с ног валилась, но как человек интеллигент-

ный, не могла себе позволить выставить Лещенко за дверь. Я же, как человек неинтеллигентный, да еще и наглый приколист-пофигист, могла себе позволить у-сёё. И позволила:

– Уважаемый Лев Валерианович! А не пошли бы вы, родной, спать! Или хочешь увидеть Лидушкин хладный труп? Может, дорогим гостям надоели, таки, хозяйева?

Утро выдалось таким же жарким, вчерашним. Не успело взойти солнце, а дышать было уже нечем. В одиннадцать ноль-ноль в дверь постучали. В ней нарисовался счастливый Лев Валерианович, а за ним выглядывал невыспавшийся, но такой же счастливый столичный администратор. Выезд в город Новороссийск был намечен на два часа дня (еще один, ну очень прохладный час на дню). Открытие мемориала – на пять. Лидушка решила не высовываться на эту жарю, но я позволила себе сбегать в моря на пару заплывов, все полегче.

Программа дня выглядела так:

Вначале ветераны торжественно открывали памятник, затем молодое поколение нашей страны, в лице пионеров и школьников, возлагало венки и цветы, громко радуясь, озвучивало свои действия патриотическими стихами и поэмами. Тогда это литчастью называлось. Затем все передвигалось от мемориала к импровизированной сцене, сооруженной в ста метрах от него. Зрители рассаживались перед ней на стулья, точнее рассаживались только приглашенные ветераны и высокопоставленные гости, остальные жители города, опять же, громко радовались, стоя сзади на взгорке.

И начался концерт «Мастеров искусств» часа на четыре... Четыре часа нервов. Для нас с Лидушкой точно. А вдруг что-то опять: авдруг балалайки опять, авдруг машина где с Кобзоном, авдруг сарафаны у песни и пляски, авдруг сцена провалится...

Ну вот, наконец, и «День победы». Торжественно начинается вступление. Хор поет:

– Лаа-лаа-лаа, ла-ла-ла-лааа, ла, ла-лаа-лаа...

Лев Валерианович начал и... допел до конца...

Лидушка села на траву между автобусами и заплакала. Это же надо было так мою железную подружку довести, что б она заплакала, а?

Вдруг слышим слоновий топот. Смотрим, на нас бегом бежит Лещенко, а за ним толпа. Он мимо нас, и в автобус, водитель еле успел за ним дверь захлопнуть. А толпа до автобуса добежала, чуть-чуть нас с Лидой не растоптала, и давай Леву из автобуса добывать. Мы с Лидушкой бочком-бочком, по-пластунски, по-пластунски... стали медленно отползать, отползать...

Правильно! Смена поколений. Вот и я по-пластунски Малую землю осваиваю. Боец эстрадного фронта.

А набежавшая толпа давай автобус раскачивать. И возмущаться при этом! Почему это он народное признание не хочет принимать от населения? А у самих глаза выпучены. Одна бабка вообще около автобуса на коленки встала и что-то к автобусу протягивала. Подарок какой-то.

Дикость... Одно слово – совки.

Так и закончился фестивальный бум! Я так заработалась, что забыла вам рассказать о том, что за это время Толик звонил в Анапу много раз. Он уже месяц как сидел дома. Чечни в округе было не видать. Чисто. Наверное, крутой кавказский парень не мог так долго держать таких неуловимых дураков, как мы, на прицеле. У него были и другие заботы. Появилось кого и без нас потрясти... Или отложил нас на зимний период? Зимой делать нечего, можно будет опять за нас, придурков взяться...

Но то, что я застала дома, было сверх моего ожидания! Супер! Хоть кино снимай. Там меня ждал очередной блин и большим комом...

КАК ЗАРАБОТАТЬ МИЛЬЁН?

Прилетела я в Москву, а меня никто не встретил. А у меня все неподъемное – и груши, и персики, и помидоры, и огурцы, и дыни, и арбузы, и рыба вяленая, и еще чего-то много всякого, включая виноград. Конец лета. С величайшим трудом добралась от аэропорта до дома. По дороге раздумывала о любви и дружбе, верности и уверениях, и констатировала проходимость нашей жизни....

А дома меня ждал СЮ-ПРИС-СС...

Наташка открыла дверь, и на ней, как на лакмусовой бумажке, отпечаталось и сразу стало видно все! Пасмурная,

трезвая, губы в гусиную гузку, лоб в стиральную доску. Спрашиваю:

– Что стряслось? На тебе лица нету!

– На тебе сейчас тоже не будет, – ответила она вместо «Здрасьте».

Вошла я в комнату тихо, почти на цыпочках. За столом сидело двое. На столе перед ними лежало тоже две... Повестки в милицию... По одной на душу населения. Одна душа – Толик, вторая – муж Жанны Рождественской – Виктор Кривопущенко. Хотя вся эстрада за глаза звала его Криводрищенко. И это правильно.

Но что было поразительнее всего, так это то, где эти двое умудрились друг друга найти. Где был назначен сбор идиотов? Знакомы-то были почти шапочно. Я Жанне шила, а они где снюхались? Загадка природы. Хотя всем давно известно, что оно всегда всплывает и сбивается в кучку...

– Ну и что вы тут натворили? Опять «авантюрина» обожрались? – подковырнула я.

То, что они мне рассказали, могла сочинить только набитая мозгами под завязку голова Толика. Я даже вначале подумала, что это шутка такая. И так хохотала, что у меня лифчик растянулся. Смотрю, а они не смеются... Все трое.

Короче, помните, уезжая на юг, я поручила Наташке собрать деньги за товар и отдать одному из моих «блэков». А это ни много ни мало, а пять тысяч рублей. Она все и выболтала Толику. Муж же, как-никак. Ну, он у нее денежки и вы-

манил. Сказал, что сам возвратит. Абалденная девушка поверила и отдала их со спокойной совестью. Ему как это все в руки попало, так они у него и зачесались, зачесались... Представляете? Тут как раз и компаньон отыскался, Витя Криводрщенко. И решили они, пока меня нету, опять срочно бабкок наварить. Очередную кашу сварить...

Но тут еще выяснилось, что и телка в деле присутствовала. И при этом чуть ли не руководящее место в команде занимала. Где-то тоже быстренько всплыла в водовороте и тоже скучковалась...

А что? Целое лето мужик один. Бабу, правда, мне не показали. Но судя по покрасневшей Наташкиной роже, имело место неоднократное ночевание в доме по прямому бабьему предназначению. Я, конечно, чайником в таком случае не стала бы размахивать, но, скажу честно, неприятно. Особенно лечь в свою постельку, в которой какая-то сучка растопыривалась. Фу!

А теперь внимание! На нас надвигается МИЛЛИОН!!!

Вы, может быть, в детстве играли в эту игру: положи в конверт один рубль и отправь бениной маме, а она пришлет тебе обратно один миллион. И я дура, и ты дура, если играли в это..., но мы же тогда были дети...

Народ к станку ходит, понимаешь, пашет там зачем-то. Ну, дураки! Ну, дураки! Если можно просто положить в конверт десять рублей, а получить несколько миллионов! Во! Это вам не здесь, это я вам скажу круто!!!

В общем, берутся чужие деньги, целых пять тысяч, и пускаются на ветер. Безусловно, часть прогуляли, к маме не ходи, а на оставшуюся сумму закупили много хорошей бумаги, оплатили типографию, купили конверты, открыли счета в сберкассах...

На бумаге напечатали:

На одном листе условия игры, на втором листе список лиц, с указанием счетов в сбербанках, на которые вы должны выслать свои кровные десять рублей. Вся эта мура закладывалась в конверт и под покровом ночи разносилась по почтовым ящикам близлежащих домов. И в нашем районе, и в тех, где проживали остальные члены коллектива, а их, между прочим, было в списках пятеро! Все! Можно спать спокойно! Денежки потрачены! Денежки потекут! Король умер, да здравствует Король!

Как вы думаете, кто возглавлял сей скорбный список будущих миллионеров? Точно! С первого раза угадали. Конечно же, Он, а вторым был Криводрищенко.

«Не может укрыться город, стоящий на верху горы» (Евангелие от Матфея. 5.14).

А наши славные менты вначале прошлепали такую халюву. Но пришли наши бабушки-старушки, ушки на макушке, и сказали – обманывают, бя. По номерам счетов быстро вычислили организаторов. Первым повестку получил Толик, вторым – Криводрищенко.

С трудом переварив поддыхную информацию, я задума-

лась, что делать?! Передо мной, свесив носы, сидели два супчика и рассуждали, сколько им могут дать.

– Наконец-то, урра, вы нашли на свою задницу приключение с большой буквы! – злорадствовала я. – Допрыгались! Если и не посадят, то уж пересадят тооооочно!

Как вы думаете, чем вообще закончилась вся эта эпопея? Походом меня и Лидушки (что бы я без нее делала по жизни?), в некоторые «органы внутренней секреции», которые и высылали эти самые повестки. Именно там Лидушка и я битых три часа доказывали товарищам, что ребята пошутили:

– Ну не выросли они еще, молодые... Придумали себе игрушку... Немножко поиграли...

Ментам было весело, они от нас кайфушу ловили. Тоже прикалывались. А что? Пришли две приличные дамы и за двух явных идиотов готовы внести наличные пожертвования в личную казну сплоченного ментовского коллектива. Приобретение доказательств обошлись мне в две тысячи пятьсот рублей.

– Да! Не выросли еще, молодые совсем! Ну, ладно... А всякую общественность в лице наших нравственных старушек мы успокоим сами. Правда, раз вы жилье снимаете, то лучше было бы вам сменить место жительства. Так будет безопаснее.

– Нормально, – очень зло выдала я дома Толику. – Значит, надо опять срочно искать новую хату? Интересно, и кто же будет этим заниматься? Или ты на домашние дела кое-что

все-таки положил? А мне и около Абалденной Девушки Наташки нормально. Вот не буду квартиру искать, и все тут. Да и вообще ты мне стал дороговато обходиться... По-моему, приглашать на ночь за деньги дешевле...

Но с корабля не спрыгнешь, особенно когда он уже на пути к айсбергу... И потом прощение выше, чем месть.

КАК Я СТАЛА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОНТРАБАНДИСТКОЙ

Но жизнь продолжалась. И прожить мы ее старались так, чтобы не было мучительно скучно... Ну, вы в курсе...

Однажды явились ко мне два «черномордика» с каким-то толстым негром. Представьте себе добродушного, с хомячьими щеками, негроидного молодого мужчину, в том самом всем известном соку... То есть в возрасте двадцати восьми лет. Жил он в России лет восемь-девять и за это благословенное для него время он стал настоящим профессором по контрабанде ширпотребом и русскими иконами. Официальное имя – Тиджан. Но все звали его проще – Док. Оказалось, что он уже три года на первом курсе аспирантуры учился, и диплом врача имел...

Док снимал комнату в районе станции метро «Медведково» у русской дамы примерно Лидушкиного возраста. Как потом оказалось, она тайно мечтала родить черненького ребеночка и уехать жить в Африку. А почему бы и нет? Всякого

за свою жизнь насмотришься. Может, она в прошлой жизни в племени тумба-юмба жила и была предводительницей?

Так вот, привезли «блэки» это черное стодвадцатикилограммовое чудо. По случаю моей честности. Ну, как же, приехала из Чечни (для них из кавказских джунглей), могла за просто соврать, что денег нет! Но не соврала. И бабки привезла, и всю прибыль честно поделила. Потому заслуживает нашего африканского уважения и доверия. Короче, Док вынес мне деловое предложение: даешь контрабанду в особо крупных размерах в доле с послом!

Предложение, конечно, противозаконное. Но оно упало на благодатную почву, политую многочисленными долгами Толика. Я же авантюристка по натуре. Потому и думалось совсем недолго:

– Да! Я готова принимать весь товар прямо из посольства. И попробую на полученные от реализации деньги скупать для господина посла иконы. Правда, нужен подготовительный период. Я пока не знаю, где эти самые иконы искать и вообще что это такое. Но я постараюсь...

И началась жизнь, при которой не поймешь, когда день, когда ночь, когда начало месяца, а когда конец...

Ночью мы ездили по всей Москве, смотрели предлагаемые коллекции, вечерами таскали тюки с товаром в квартиру, которую сняли специально для этого на другом конце города. Там же складировали доски. Иконы то есть. В Москве, оказывается, целая прослойка населения занималась этим

бизнесом. Все были при деле. Наташкина армия разнообразила гардеробы граждан, не зная ни сна, ни отдыха. Даже пить стали меньше. Некогда. Наташка даже наших соседей приспособила для реализации товара. Один, который молодой жеребец, в своем институте народ одевал, а Владимир Иванович на стройке молярих и штукатурок прихорашивал. Потому воскресные гулянки забросил, а извечный вопрос про наган заменил на: «Где товар»?

Красота! Уси пашут! Аж дым идет!

Работа с послом имела свои преимущества. Товар можно было заказывать абсолютно любой. И торговали мы потому и телевизорами, и видеоманитофонами, и блоками видеокассет, и солнечными очками, и музыкальной аппаратурой для музыкантов под заказ, и дубленками итальянскими, и кофточками турецкими, и джинсами американскими, и куртками немецкими, и часами, и платками, и прочая, прочая, прочая... Такой один большой ШОП!

Работа кипела. И все же часть товара мы вынуждены были держать у себя в коммуналке. Кинокомедия! С самого утра и до поздней ночи в квартиру и из квартиры вносили и выносили ящики, мешки, тюки, кульки, пакеты, коробки, упаковки... И никто же не донес! Хотя по лестнице целыми днями шмыгали кучи просто фарцы, а также алкашей и негров. Мне кажется, весь дом участвовал...

Постепенно во второй квартире собралось штук сорок икон. Мы их пока не оплачивали, сомневались. Мы же не

специалисты. Чтобы не попасть первый раз в первый класс, мы ночью привезли туда Дока. Ни одна из сорока не годилась на вывоз, а половина вообще оказалась новоделом. Когда он объяснил на наглядных примерах, что у нас свалено в углу, я поняла, профессором просто так не называют. Надо учиться, чтобы не делать по Москве пустых телодвижений...

И тут, слава богу, Толик уехал с моей головы на очередные гастроли, я накупила из-под полы по безумным ценам, набрала у знакомых соответствующую наглядную литературу по древнерусскому искусству и устроила себе ликбез.

И что я узнала?

Хорошие иконы, оказывается, просто так раньше не писались. А только по случаю праздника или на заказ. Перед тем как написать образ, мастер постился, молился и просил Божьего благословения на свою работу. Он и его ученики писали икону, вкладывая в работу свою душу, веру и любовь. И еще я поняла, что такое подделка, то есть московский только что сделанный новодел. «Новоделыщик» сам придумать ничего не может. Потому его доска это рисунок, картина, может быть, даже очень хорошая. И больше ничего. Его научили хорошо рисовать, как слона стоять на двух ногах. Он сана не имеет, пострига не принимал, перед писанием на хлебе и воде не сидел, пост не соблюдал. Да и вообще эта расписанная картинка в церкви не освящалась. К тому же, вы хоть знаете, как пахнет оклад иконы из серебра? Не-е-ет!

Немного железом, но с примесью сладковатого чего-то,

корицы что ли, а еще чуть-чуть даже перца черного добавлено. Еще на окладах всегда есть клейма, как проба на золотом кольце. Чтобы его прочитать, нужна специальная книга, где собраны образцы клейм всех мастеров всех школ. Клейма ставятся на окладах внизу справа, и на нимбах, если таковые есть...

Но не всегда верь глазам своим. Советские умельцы могли таких «чекух» на «новоделы» наставить, только диву даешься! Лучше доверяй своему носу. Мой нос меня никогда не подводил. И первое, что делала, снимала оклад и внюхивалась.

ЗОЛОТАЯ ТАТЬЯНА, ИЛИ ИСТОРИЯ О ТОМ, КАК ЖИТЬ НЕ НАДО

Была у меня одна приятельница, дочь очень известного композитора Анатолия Лепина. Если кто не знает, он гимн Латвии написал, музыку к кинофильму «Карнавальная ночь» и еще всяких песен много, я уж и не помню. А золотая была, потому что из «золотой» московской молодежи, которой все можно...

Квартира у них была огромная в «балалайке». Это так назывался композиторский дом, в самом центре Москвы в котором и Дом композиторов тоже находится, на улице Горького, теперешней Тврской-Ямской.

Мама у подружки – бывшая прима-балерина Рижского те-

атра оперы и балета, из древнего, думаю тевтонского, рода, потому что Татьяна уж больно страшненькая получилась. У Тани был брат Леня и большое семейное горе. У папы и мамы отрицательный резус-фактор крови, поэтому у Тани и Лени ничего не получалось насчет потомства. В алгебре так просто – минус на минус дают плюс! А в жизни минус на минус дал такой минусаще, что нес сплошные выкидыши и Тане, и Лениной жене.

Короче, загнивающая кровь, которую Таня, как и большинство «золотой молодежи» того времени, разбавляла алкоголем, сделав многократную и неудачную попытку размножиться.

Плунув на это дело, она запила, причем как!!! Мы с вами пьем сугубо пердиськи, как говаривал наш бровастый и целовастый Л.И. Брежнев, а Таня пила сиськимасиськи, а закусывала сугубо пердиськи...

Я придумала пословицу: кто пьет хорошо, но и ест хорошо, тот никогда не будет алкашом. Можно даже спеть.

Я ездила к ней потому, что она всегда что-нибудь продавала, в основном антиквариат. Ей на бутылку не хватало. Однажды в августе позвала меня на «показ». Приезжаем мы с моей сестрой Танюшкой, видим – замок на входной двери выдран с мясом, все на распашку, а в гостиной поперек дивана лежит вдребезги пьяная Татьяна в зимних сапогах на босу ногу, еле чем-то прикрытая, а на улице – лето!

Вонь страшная. Вся посуда грязная. И на столе, и под сто-

лом. В папином кабинете, где рояль и красивая антикварная мебель, тоже все загажено, сесть противно. Стоим и головами крутим. Вдруг где-то между пустыми бутылками зазвонил телефон. Поднимаю трубку – Танина мама из Прибалтики звонит, просит Таню. Я же не могла сказать маме, что она и не мычит даже. Маму жалко. Пошла, взялась трясти Таню. Ноль эмоций. Плевать она хотела на нас со своей тевтонской колокольни. Пришлось применять крайние меры. После холодной воды, вылитой Татьяне на голову, она немного прочихалась.

– Ой, привет. А что случилось? Что надо?

– Тебя мама к телефону!

– Ага, мама...

Татьяна рванула в кабинет, схватила в руку пустую бутылку из-под шампанского и... **ВНИМАНИЕ**... выдала в горлышко:

– Я слушаю... – и вставила горлышко себе в ухо...

От смеха у меня тогда аж живот свело. Впервые в жизни.

Помню, в какой-то раз вызывала меня Татьяна к себе на «аукцион». У нее такое бывало: притащит золотая молодежь (пьющие дети писателей и композиторов) какие-нибудь вещи и давай меня уговаривать купить. Морально я не очень переживала. Если они уже стащили что-то из дома, то точно пропьют, обратно не понесут. Мне продадут или Васе, или Феде, или отъезжающему на родину предков еврею Иосифу. Тогда она меня вызвала по поводу нескольких вещей сра-

зу. Первая вещь принадлежала внуку «товарища Луначарского». Это была очень антикварная штука, он ее у мамыши скоммуниздил. То ли Япония, то ли Китай. То ли пятнадцатый, то ли даже девятый век, вырезанная из целого бивня мамонта японская ладья, а на палубе пятнадцать НЭЦКЕ, начиная от Императора и заканчивая двором, прислугой и матросами. Ну, очень красивая. Очень! Ну, и еще пару настоящих икон в идеальном состоянии.

В этот раз были и изделия Карла Фаберже. Удивительно красивый набор туалетных женских безделушек, несессер. Пузатые флакончики в серебре для духов, овальное зеркальце с ручкой, щеточки для волос, расчесочки, пульверизатор с инкрустированной бутылочкой, пилочка для ногтей и еще всякие штучки-дрючки. Шестнадцать наименований. И все такое элегантно простое. Серебро, а по самому краю, по торцу каждой вещицы, – тоненькая, из трех золотых ленточек косичка, переплетенная с шагом в три сантиметра платиновой ниткой с мелкими бриллиантовыми бантиками. Потрясающе! И второе изделие – дворник из сердолика из коллекции знаменитых каменных фигурок из полудрагоценных камней. Я их и раньше видела и о них читала. Двенадцать сантиметров в высоту. С серебряной метлой, с золотой бляхой на груди, в серебряной ушанке с одним висячим ухом, на которой видны были все меховые ворсинки, в серебряных сапогах, подбитых платиновыми гвоздиками, с серебряным ремнем, перехватывающим серебряный фартук. Хо-

рош!!! И на каждой металлической запчасти «чекуха». И на «чекухах», в сильную лупу, четко виден знак мастера фабрики Фаберже. «Чекухи» и на дворнике, и на несессере. Только на дворнике буквы и цифры смотрели в одну сторону, а на несессере – в другую. Я когда это в лупу увидела, только и могла сказать:

– Опаньки! Вот уж твою в корень! Ну и какая же из них подделка? Фальшак? Поди разберись. Ну, мастера! Ну, левши!

На выяснение ушла целая неделя. Я нашла у знакомого реставратора Олега ту самую книгу, в которой были изображены все клейма всех мастеров, всех ювелиров и всех фабрик дореволюционной России. Так вот! Каково же было мое удивление, переходящее в ошеломление, когда я вдруг обнаружила, что поддельным оказался дворник! Можете себе представить?

Я потом два года пыталась разыскать этого умельца. Их, оказывается, было двое. Жили они в Питере, а руководил ими Миша Монастырский. Правда, к тому времени, когда я все узнала, они трое уже уехали в Штаты. Бедные США... Я им не завидую...

ДЕВУШКА ОБЛЕГЧЕННОГО ПОВЕДЕНИЯ

И вот наступила моя первая «сдача». В том смысле, что послу нужно было возвращать авансированные нам, в виде

товара, деньги, в виде другого товара. Для проникновения на территорию посольства мы разработали целый план:

Мне надо было сделать так, чтобы охраняющий границу посольства мент, смотрел на меня, но не видел, как в шапке-невидимке. А для этого пришлось на время стать... проституткой. Так мне Док объяснил:

– Ты не нервинитяй. Ветером в скверике напротив посольства, на скамеечке, сидят девушки. А вдруг ми захотим весело приавести вриема?

Оказывается, таких девушек регулярно, в десять часов вечера, заводят в посольство, а к утру выводят. Менту дается откупная. Бутылка виски или блок сигарет «Мальборо», или джинсы. Получает он эту мзду и уходит за угол, покурить. Поэтому то, что в это время у посольства происходит, он и не в курсе совсем! Ну, не видел он...

Вот таким вот, значит, макаром мне теперь придется в посольство проникать. Только потом девушек разведут в разные комнаты, а меня к послу определяют. Хорошо, что благоверный на гастролях был, его кавказский темперамент этого не понял бы.

Посол! Уж больно громко звучит!

Посол, господин Конте, оказался маленьким мужчинкой с маленькой и жиденькой бородашкой. В кабинете он был со своей Мадам (а звали ее в посольстве именно так, а не по имени). Она была дамой дородной, милой, невысокого роста и с симпатичной черненькой мордашкой. И старше ме-

ня всего на два года. Я была рада нашему знакомству, потому что в будущем работать мне придется в основном с Мадам. Так сказал Док. Поэтому в первый раз мы целую ночь проговорили с ней и по делу и ни о чем, в конце концов, друг друга поняли и обо всем договорились.

Из своего первого похода я разжилась еще одним знакомством. Подфартило называется! Он был переводчиком в наших первых переговорах и являлся доверенным человеком мадам. Она мне его представила и отрекомендовала для дальнейшей работы. Джозеф Такер.

Джозеф Такер оказался еще чуднее моего Толика. Вы видели когда-нибудь Остапа Бендера черного цвета? Три тысячи слов в минуту, а «химичить» умел, как наш махровый одесский еврей или армянин. Ну и гонору, конечно.... А как ему не быть, если у его мамы в центре столицы Сьерра-Леоне, городе Фритауне, пять доходных многоэтажных домов? А еще в частном владении земля с кимберлитовыми трубками... Мадам мне рассказывала все это, а он переводил. При этом стыдился и опускал глаза. Мадам сразу в известность меня поставила, с кем мне придется теперь по жизни мучиться. Будто мало мне было своего муженька...

Он был высокий, стройный, с шапкой волос на голове и видимой только в профиль бороденкой. Говорят весь в папу. А папа был местным балбесом, ловеласом, и жутким пьяницей, правда, очень красивым, по африканским меркам. Родили они его только одного. Им и одного за глаза хватило.

Случай аналогичный моему, но не типичный для африканской семьи.

Одевался смешно до невероятности. Верх – белая рубашка, с воротником, значительно большим, чем его шея, ужасным галстуком до «гармошки», пиджак тоже на три размера больше, а ниже талии – старые русские джинсы и русские же, малость потрепанные кеды для школьников. Цирк!

На правой руке у него был сломан безымянный палец, который когда-то неправильно сросся и теперь торчал вбок, как сучок. Чтобы во время разговора он им не выколол мне глаза, приходилось просить:

– Убери ты лучше свой палец из-под моего носа. Я не знаю, кто и за что тебе его сломал, но ты довыпендриваешься и я тебе твой сучок доломаю окончательно.

Ну и горе же я себе приобрела в ту ночь! Уже потом я говорила мадам: – Все у нас идет хорошо, а не было бы Джозефа Такера, было бы еще лучше!

Его самой большой слабостью были бабы. Система размножения работала в его организме самым лучшим и отлаженным образом, а потенция была через край крутой волной. Он умудрялся иметь по пять романов одновременно, всех своих любовниц удовлетворял, да еще и к нам их таскал. На показ.

Все это были бурные романы, со слезами, выцарапыванием глаз и такими отелловскими страстями, что мы диву давались! Раньше я думала, что это только в романах так бы-

вает, что это над нами писатели потешаются, описывая несуществующие отношения. Ни черта подобного! Часто по моей квартире за Джозефом с утра бегала разъяренная, полуодетая, белобрысая, белая тигрица и орала как резаная:

– Сволочь, ты мне с ней изменил, я тебя зарежу!

Как и почему это происходило, я до сих пор понять не могу. Квазимодо он и есть Квазимодо! Да еще и черного цвета! Я как представляла, что он на мне лежит и орет от оргазма, аж жуть брала...

Вообще-то я всех мужиков, которые мне нравятся, примериваю на предмет нависающей в экстазе рожи. Так и называла их для себя – надомнойчик ты мой! Если не вписывался в надомнойчики, значит, не мое и неча, понимаешь, на него время драгоценное тратить.

Правда, теперь нам, девушкам облегченного поведения, это все ни к чему. Нам должно быть все равно, какая рожа, лишь бы бабки текли.

СТРАСТИ ПО ДЖЕЙМСУ БОНДУ

Однажды дело было так: приехал посол, но товар не привез – только деньги. Что там произошло, я конечно, не знаю. Да и какая мне разница? У меня и так затоварка была. Но мне нужно было идти в посольство. Мадам отдавала деньги только мне в руки.

Хорошо. Иду.

Путь нам уже известен: на скамеечку к девочкам в скверик. Дело было летом, где-то в июле. Я, конечно, на лице все, что можно нарисовала, сумочку беленькую взяла, туфельки на длинной шпильке надела... Да мент попался какой-то глазастый, выглядел, что я под блядь не очень-то и канаю.

С превеликим трудом черненькие ребятки уговорили его, таки, нас в посольство пропустить.

Как только прошли к Мадам, я ей сразу сказала, что сегодня могут быть проблемы с выходом из посольства, да она мне не очень-то поверила. Я получила деньги на закупку товара (сто пятьдесят тысяч рублей) и, чтобы не было очень странно, почему «девушка» так быстро вышла, погостила еще малость, кинушку по видуку посмотрела...

Да не тут-то было...

Представляете! Прямо перед посольством, поперек дороги, стояла черная «Волга», облокотясь на которую, стояли три товарища в штатском.

Но Джозеф-то меня повыше был, и я за его спиной не просматривалась.

Но как же они Джозефу обрадовались, как только мы в калитку сунулись, будто мы им уже звездочки на погоны подарили:

– Давай-давай, выводи, мы ее ждем...

И тут я совсем коленками обессилила... Ну и что делать, я у вас спрашиваю? Но не выходить же и сдаваться? Нет! Мы еще повоюем.

Джозеф постоял, постоял без движений и, чувствуя, что его спина моя ширма, молча закрыл калитку у себя перед носом. Мы молча развернулись, и молча пошли внутрь здания. В одной из пустых комнат молча сели, не зажигая света, и стали смотреть друг на друга.

Что же делать?

И вдруг Джозеф хитро так скосил на меня белки и спросил:

– А ты страха не боишься?

– В каком смысле?

– В самом прямом. Страх не боишься? С крыси спрыгнешь?

– С крыши?.. – почесала я макушку. – Спрыгну. Если надо.

Дело в том, что двор посольства представлял из себя квадрат, одним углом выходящий на перекресток двух разных улиц. На одной улице здание посольства и официальная дверь с табличкой, на другой здание переходило в глухой и высокий забор, за которым супчики конторские стояли и меня ждали. Забор примыкал к гаражу, а гараж к стене жилого московского шестиэтажного дома. В данное время дом был на капитальном ремонте – от него сохранился лишь фасад. Окна были выбиты, а перекрытия все снесены или обвалились внутрь, наворотив на дне большую кучу мусора. Джозеф предлагал нам спуститься по веревке внутрь московского дома на эту кучу мусора – и заборами, заборами... в ту-

ман....

Потом он нашел на чердаке посольства толстую веревку, и мы навязали на ней узлы и полезли через лестничное окно на крышу. Стараясь не греметь, поползли по-пластунски по крыше. Это такой кайф в белоснежном костюме и в юбке ползать по крыше, я вам скажу!!! При этом на пузе у меня болталась под завязку набитая бабками сумка, а туфли пришлось держать в зубах.

Добрались, чуть дыша (я от страха), до выбитого окна и привязали веревку к перекладине. Рама была старая и подгнившая, но, если мы будем спускаться по очереди, должна была выдержать.

Первым полез Джозеф. Он ноги в проем перевесил и стал задницу проталкивать, а она не лезет. Ну, никак. У негров, почему-то, задницы здоровые, как у наших баб после пятидесяти. И вдруг рама как заскрипит на всю улицу, я от ужаса аж дышать перестала. По крыше распласталась. Дура! Нашла что надеть. В ночь только белое и надевают. Особенно в детективных фильмах. Когда шпионы бегают белыми приведениями между деревьями, а в них наши палят...

Но вокруг тишина... Только слышно, как у калитки менты в засаде над чем-то ржали. Наверно, решали, на что истратить премию за меня.

Джозеф сделал вторую попытку и вдруг повис на веревке. Белки его глаз медленно скрылись где-то внизу. Тогда и я приступила к движению. В кино хорошо смотреть на главно-

го героя, который мужественно лазает по канатам взад-вперед. На самом деле все значительно хуже. Вербка резала руки, маникюр (и какой только дурак его придумал) застревал в каждом узле, туфли во рту намокли от слюны, которая выделялась в надежде на то, что это еда... Приземляясь на кучу мусора босиком, я еще и коленки содрала. В общем, стою на четвереньках на куче мусора, а под руками и ногами все время чувствуются огрызки стекла...

Но мы все-таки выбрались и выскочили на чей-то двор.

— Ой, мама, — выдала я шепотом, ноги у меня подкосились, и я села прямо на асфальт.

Джозеф взял туфли и надел на мои ноги. Выяснилось, что одну ногу я таки порезала. Оглянувшись, пришлось опять вспоминать маму — двор оказался закрытый! Со всех четырех сторон. Ну, каким матом ругаться? От обиды хотелось завывать. Слава богу, одна из сторон оказалась просто невысокой стенкой, вдоль которой стояли баки для мусора. Пришлось лезть еще и на баки. Со стены прыгали в кусты — мягче, но неприятнее...

Дальше была арка и, ура, выход на улицу.

На небе окончательно просветлело, когда мы, все в пыли и паутине, окровавленные и поцарапанные, вышли в самом центре моей столицы на зады Калининского проспекта.

Джозеф со мной не пошел. Мы друг дружку отряхнули, чтоб не получилась находка для ментов, потому что на нем пыль аж кричала криминалом и разошлись.

Выскочила я на проспект и бросилась, как чумная, в первое же такси. Таксист дико на меня посмотрел, но остановился. Клиент есть клиент, тем более в начале пятого утра. Интересно, что он подумал. Наверное, что бабу где-то долго качали и валяли, а под утро она вырвалась...

Как мы зарабатываем инфаркт? А вот так и зарабатываем. В то утро подумалось, что к инфаркту ведут ступеньки, и зарабатывая следующую, мы тихо продвигаемся к смерти, а сколько адреналина я за всю жизнь уже получала, а сколько еще получу, запивая им ступеньки к инфаркту? Дааа!

Интересно, а что получили те, у калитки, когда Джозеф, не выходящий из калитки, подошел к ней снаружи и тихо прошел домой, опустив глаза dolu...

Вот в каких тяжелых условиях приходилось работать нам, первооткрывателям российского бизнеса в подполье.

Мне хочется спросить. А НАМ когда будут давать медали за работу и жизнь в подполье? Как старым большевикам. Они вон сколько медалей и прочих наград получили за то, что всю страну в дерьмо «опустили», а мы ведь таким ужасом не занимались, на всю страну. Мы ребята хоть и хваткие, но скромные. За медалями в очередь не стояли. Мы обыкновенные талантливые самовыродки. Кухонные мудрецы-домушники с обострённым чувством справедливости. Мы просто помогали народу поднимать материальный уровень жизни, в тяжелой коммунистической действительности.

И в подполье... Это, конечно, шутка.

БОЛЬШОЙ САБАНТУЙ

Как-то пришел Толик весь какой-то радостный, веселенький, как будто уже квартиру нашел и мне денег обратно прихлопнул за ментов. Он долго загадочно молчал, как стойкий оловянный солдатик. Я просто ждала, когда его гордость и самомнение пересилит военную тайну. Его хватило ровно на два часа...

В восемь часов вечера, к ужину, Толик вызвал Наташку и отослал сразу за двумя бутылками. Накрыли стол. Наташка на ногу скорая, успела тютелька в тютельку. Налили. И тут он, лопаюсь от гордости, объявил:

– Меня назначили третьим директором фестиваля Мастеров искусств, посвященного двухсотпятидесятилетию присоединения Казахстана к России!

Ну, мы, естественно, поздравили. Как-никак, третий директор! Это же надо! Третий! Не по счету количества прошедших фестивалей, а по значимости!

– Дурочки вы, – взялся объяснять он нам, – ничего не понимаете. Весь фестиваль будет проходить в Алма-Ате, а потом разделится на три части и разъедется по городам Казахстана. Мне достанется поездка на север, включая Байконур.

На нас слово «Байконур» произвело эффект выстрела. Но на космодром никого не пускают... Неужели нашего Толика подпустят к святым святым?

– Да! Я поеду туда вместе с министром культуры СССР (в то время им был товарищ Мелентьев). Вместе с ним буду лететь в самолете! Все время рядом! Представляете, на какую-то должность можно будет рассчитывать! В том же министерстве культуры!

– Конееечно! – подхватила я издевательским тоном, подмигивая одним глазом Наташке. – Вона мы какие! Высокие, умные, стройны-ы-ы-е!!!

– И красивые! А что! Прямо зам. министры, бя! – бахвалился Толик, принимая мои подколы за чистую монету и лопаясь от собственного «я». Он крутился перед зеркалом у нас на виду, подбоченивался и выставлял по очереди вперед тощую ногу.

«Может, тебе повезет, и ты попадешь на свой настоящий путь? Только не перепутай его с тупиком»... – хотелось сказать мне громко. Но я промолчала, потому что Толик все равно бы не понял. Ведь ему не важно, что в голове малость мякина, а гонору много. Несчастный понтырщик не видел прямых намеков и не понимал, что даже Наташка хмыкала от него в кулак...

Какая тут началась канитель! Перед отправкой мужа на гастрол пришлось приводить в порядок весь его гардероб. Господи, за что?!

По величайшему благу мы прикупили два костюма в свадебешном салоне. Из-за несоразмерности плеч, пятьдесят четвертого размера, и зада, сорок второго, моего благовер-

ного, пришлось все перешивать...

В промежутках между контрабандными делами я шила, не поднимая головы, а ему все не нравилось. Как будто это я виновата, что он такой коряво-кособокий. Так и хотелось выкрикнуть в его рыжую физиомордию:

«Это кто ж тебя такого выродил? Все претензии к маме!»

Ну, хорошо. С брюками, в конце концов, разобрались. Все! Ура! Нравятся! Пошли пиджаки. Сверху ширина плеч остается на пятьдесят четыре, а к низу нужно убрать хрен знает сколько размеров. Хоть ты выточек настрочи, как для большой женской груди! Не дай вам, Господи, иметь под боком такое счастье! Контрабандисткой работать легче, чем на это горе костюмы перешивать.

С величайшими нервами костюмы я подогнала. И вот, когда чемодан, можно сказать, собран, он опять делает мне апперкот под дых! Оказывается, я тоже еду! Администратором. В «Росконцерте» все оформлено еще пять дней тому назад, просили передать. Все росконцертотские бабы тогда у меня обшивались, поэтому и не дергали лишний раз. Тем более, если муж едет третьим директором. Сам и сообщит. Вот он и сообщил!

Ну, скажите, какой человек может такое вот издевательство и подкол выдержать? Ему нужен гардероб, а мне, значит, нет? Специально молчал, сученок, чтобы ему все было сделано, ну, а я, в полном дерьме оказалась!

Я бегала по комнате и громко выступала:

– Да что же это такое? Ему, как девице-красавице, гарде-робчик нате пожалуйста, а я сама должна в старых тряпках на люди выходить?

Так, дорогая, без обмороков! Наморщим лоб и займем свои руки искусством! Ну, если уж нам надо, значит, будем творить! За четыре дня мы все сделаем! Без сна и отдыха, чтобы всех убить наповал, к едрене фене!

И натворила!!! А как жаж! Мы ж не какие-то там мос-ква-ква-чки...

Народ Московский да Питерский он сплошь Псковской да Витебский..., читай из Витебской области. г. Барань!

ФЕСТИВАЛЬ ПО-КАЗАХСКИ

Уезжали все по очереди. Вначале, пораньше, Толик. Он должен был все подготовить, а после встретить участников фестиваля и расселить в гостиницы. Я в команде администраторов занималась отправкой из Москвы.

Всего из разных городов СССР на фестиваль выехало около пятисот артистов – любое прославление советской власти раньше делалось с огромным размахом и помпой!

Прилетела я в город Алма-Ата. Несмотря на то, что на улице было плюс сорок пять по Цельсию, из аэропорта уезжали согласно рангу. Меня и еще народ в гостиницу повез «Рафик». «Чаяк» мы не заслужили. Для тех, кто не знает, Алма-Ата переводится как город яблок. Насчет яблок я не в

курсе, а вот арыков там много – то есть канав, идущих параллельно по двум сторонам улицы. Говорят, что из них раньше горожане воду пили. А тогда это было место, куда невоспитанные аборигены бросали бытовой мусор.

Толик встретил меня в гостинице и с порога объявил, что у меня на сборы есть три минуты. Мы едем на прием «а ля фуршет» в республиканское правительство...

И вот так всю жизнь! Их величество не поехали сами встречать жену в аэропорт, она себя в зеркало холила, крутила сюда-туда свой тощий зад, принимали разные позы, а мне, женщине, на сборы, с дороги, три минуты.

А я вся в поту...

Три минуты... Ну и что! Ничего, мы себя все равно покажем! Мы не псковские, мы витебские... – поднимала я сама себе морду из салата.

Ясно, лошадь – копьё рога!

Ровно через 180 секунд я стояла в самом центре холла. Глазки озорно блестели, я в них изнутри еще юмора накидала. Косметики на лице ровно столько, сколько положено. Ноготки, правда, не совсем обсохли, но с маникюром. Сарафанчик еле-еле прикрывал нашу грудь (между прочим, четвертого размера). На спине ничегошеньки не было, а с талии (а она у нас была шестьдесят четыре сантиметра!), спускалось потрясающее обрамление, украшенное мягкими шифоновыми складками, с набитыми бархатными цветами. Все это обтекало крутые бедра и падало на мраморный пол хол-

ла. Стою, короче, как знаменитая актриса Ермолова на портрете кисти художника Серова. Головка вверх и чуть-чуть набок, выражение глаз гордо-неприступно-независимое! Для большей выделяемости из толпы мы еще шпилечку добавили на двенадцать сантиметров. $172+12=184$!

Во! Вот какие мы, полюбуйтесь.

Костюм для первого выхода в этом театре жизни. Понтяристого!

Стою это я вот так гордой статуей, и вдруг мне какая-то молодка и говорит:

– Стоишь, москвичка? Ну, стой, стой...

И так у меня настроение поднялось. Сразу как-то резко. «Стоишь, москвичка»... МОСКВИЧКА!!!

Тут и Толик нарисовался. Мы пошли к автобусу. Как сказал муж, в нем поедут «очень веселые люди». Весельчаками оказался ансамбль «Русская песня». Возглавляла его тогда еще мало кому известная Надежда Бабкина – та самая молодка, которая подколола меня в холле. Мы друг на друга посмотрели и... рассмеялись.

Прием проходил в резиденции, выстроенной специально для подобных случаев. На нем были только «народные», «заслуженные», правительство, администрация фестиваля и околочультурная публика. Эти всегда знали, где и что происходило и на каком уровне. Но главное – как на эту халяву просочиться!

Прием проходил «а ля фуршет». Стоя больше входит. Да-

же, может быть, через край! К концу мероприятия некоторых узкоглазых товарищей обслуга выносила в отдельную комнату и складировала.

Прием был грандиозный! Хвалебные речи перемешивались со звоном бокалов, все гости чинно ходили вокруг огромного стола, заваленного, в связи со всесоюзным дефицитом, целой горой всевозможной отличной жарчки!

Бабкина со своими девушками разбавляла все это русскими заливчатскими «конфетками-бараночками», вокруг были сплошь знакомые по экрану лица, все улыбались, ели, пили...

И так пять часов!

Мы вернулись в гостиницу и, конечно же, продолжили. Собрались в номере у знаменитейшего актера, в свое время прекрасно сыгравшего главную роль в «Повести о настоящем человеке» – Павла Кадочникова. Он уже в больши-и-и-их годах был, но еще очень и очень ничего! Даже с нами русскую бацнул. Пели до утра и до хрипоты. Мне было очень весело ровно до тех пор, пока не вышли из номера. И тут началось...

Как мы орали прямо посреди коридора! В смысле Толик! И я такая, и я сякая, и совести у меня ни на грамм! Нам, НАМ, с утра в штаб, а я устроила песни и пляски с артистами! Тоже мне, Народная нашлась!!! Вот тебе бабушка и юркнула в дверь!

Я опешила и завелась сполуоборота:

– Что? Большой начальник стал? Мог бы о рабочих планах на завтра рассказать сегодня, до начала вечера, а не устраивать оры в гостиничном коридоре.

Оставшиеся до утра часы прошли в ругани и воплях:

– Почему ты так вырядилась? Как будто голая! На тебя на приеме все пялились! Почему Борису Брунову глазки строила? Почему около тебя певец Сметанников ошивался и бокалы тебе подносил? И что это за «узкоглазик» руку целовал?

– Да? А я, дура, ничего и не заметила! Если бы заметила, я бы тоже Сметанникову глазки делать стала. Такой мужчина! Что ты мне не просигналил? А за Бруновым его жена Маша просила присмотреть, а то он сигары повсюду раскладывает горящие, а потом бывают неприятности, а иногда и пожары. А этот «узкоглазик» – министр! Только я не помню который, но мне насовали много визиток, завтра разберусь. А мне прием понравился! Правда, жара мешала, но на мне платье было легкое...

– Ах, так!!!

Тут наша словесная перепалка резко переросла в членисторукий монолог! Толик как начал меня по щекам хлестать!

Ни-фи-га се-бе! Я прямо даже задохнулась от неожиданности! Вот что значит, в первый раз не дать сдачи! А за что получала? Может, за то, что хорошо выглядела? Или за то, что Надя Бабкина, вместо того чтобы на Толика обращать внимание, весь вечер со мной протрепалась? А он и так, и сяк вокруг ее выкаблучивался! Третьим директором стал?

Лида устроила? Придется ему, миллионеру – замминистру хренову, объяснить, что вход и выход через одну дверь! И с чайником больше не пройдет...

Вот тогда я свое не упустила. Морду ему малость поцарапала и по мужским принадлежностям коленкой съездила.

Любовь? Какая любовь? Любовь зла – полюбишь и козла! Тыфу! Глаза бы мои его не видели! Хорошо, что номер был «люкс» и дверь в спальню имела запоры.

– А вы, синьор козел, на диван! – Выдала я, закрывая дверь на ключ!

Следующих четыре дня мы даже не общались. Мне было некогда. Нас разбили по командам, и начались разъезды. В одиннадцать утра везем банду артистов в какой-нибудь цех, после концерта небольшой затрик. В два часа выступление в ДК Профсоюзов, после концерта небольшой обед. В семь часов вечера большой концерт на самой большой площадке, после него небольшой банкэт. А в конце дня где-нибудь в закрытой резиденции большой банкет... И так каждый день. Возвращались в номер часа в три, четыре... Только бы в кровать и спать, спать, спать...

В последний день перед разъездом по регионам Толик взялся за мной ухаживать, ну как в первый день нашего знакомства. Выловил меня в штабе фестиваля и давай мне заливать про нашу семью, про любовь! Там народу много, он и потащил меня на «Медео». Это высокогорный каток. Удивительное место – вокруг жара, а здесь можно на коньках ка-

таться. А вокруг полным-полно ресторанов с видом на снежные горы. В одном из них мы и приземлились.

Такой кайф! При тебе режут барана, при тебе его маринуют ишашлык делают. Мясо нежнейшее, во рту тает, барашек совсем молоденький! А вино... очень хоро-о-о-ошее.

А мы, в смысле Толик, и так и сяк, и с прискоком, и с при-топом, и бочком, бочком, и ручками похлопаем и ножками потопаем...

Это так наш герой прощения просил!

Простила! Ну что с козла возьмешь?

КАК ХОРОШО БЫТЬ МИНИСТРОМ

Вскоре третья часть фестиваля во главе с третьим директором сделала марш-бросок в Караганду. На самолете и с министром. Наконец-то у Толика наступил запланированный праздник самолюбия. С министром ездить хорошо, мне понравилось! Самолет сел – к трапу тут же кортеж автомобилей. По ходу следования кортежавсе гаишники стояли по стойке смирно. Так смешно – глазки узенькие, фуражки великоваты, на уши сползали, а они пузо вперед и такие гордые.

Поселили нас на самом краю города, практически на границе с пустыней, но в очень приличной гостинице. Мы были самые первые заселенцы. Чисто, пахнет краской, белье постельное кипенно-белое, накрахмаленное. Тараканов нету.

Кормят потрясающе вкусно. Я там первый раз попробовала настоящие манты, казахскую лапшу бешбармак, рыбу «кок-тал» и еще столько всякой вкуснятины, чему я даже и название не знаю.

Почему, когда ресторан только начинает работать, в нем все так вкусно, а проходит три-четыре месяца – и получается из него столовка средней руки с хлебными котлетами, именемыми, почему-то, рубленным шницелем?

Карагандинцы так хорошо все подготовили и организовали, что нам делать было совершенно нечего. Поэтому мы отдыхали, только номинально поочередно появляясь по утрам в штабе фестиваля.

В ресторане кормили так. Хоры, танцевальные коллективы и симфонические оркестры кушали в большом зале ресторана. Выдающиеся деятели и администрация фестиваля – в малом, банкетном зале. Кто места за столиками распределял, я не знаю, но с нами за столом оказались и Леня Сметанников, и Борис Сергеевич Брунов. Это что, чья-то злая шутка или судьба Толика от ревности отучала?

В первый день, когда Толик прибежал на ужин (как всегда с опозданием), мы втроем уже смеялись какому-то анекдоту, на которые дядя Боря был ооочень большой мастер. Пришлось Толику прожевать и проглотить свою азиатскую гордость и целых пять дней сидеть с нами за одним столом.

А вокруг кипел наш фестиваль... Как бы это назвать? «Жаркие дни Азии»? Или «Восточные сладости»? Или

«Большой сабантуй»! Что-то близкое ко всему этому. Каждый день по три банкета, утром, в обед и вечером. На банкеты ездили только звезды и мы, администрация. Вечером нас возили на какую-нибудь правительственную дачу. Дачи были в самых неожиданных местах, даже посреди пустыни. Едем, едем по пескам, вдруг заезжаем за забор, а там рай! Бьют фонтаны, ходят павлины, и так и хочется сказать, мажут опахалами одалиски, но их, к сожалению, не было.

Всего остального в избытке. Даже что-то похожее на гаремы и евнухов. На одной такой даче высокопоставленный узкоглазый чиновник усиленно рекомендовал нам выпить за стюарда из obsługi. Явно голубого. Такие глазки на наших мужиков делал. А потом, когда приняли вовнутрь, наш высокопоставленный визирь не выдержал и полез к голубому целоваться. Я сидела за столом между «Маврикивной» и «Никитичной». Они были с женами. Вот уж мы повеселились от души, потому что они чисто по-еврейски подкалывали эту парочку, а казахи никак в этот юмор не врубались. Казахи думали, что это мы так их подхваливаем...

Так мы развлекались все пять дней.

В последний день нас повезли на Байконур. После завтрака все скучковались в вестибюле и были очень возбуждены. Нас, почему-то, попросили взять с собой вечерние платья, туфли и косметику. Что-то будет? Никто ничего не знал. Прямо тайна какая-то военная! Ведь везут же только космодром посмотреть, или что-то еще? Если космодром, то нас

особенно интересовал тот самый дом, откуда Гагарин Юрий Алексеевич пошел к трапу космического корабля.

Боже, каким же он оказался обыкновенным... Очень похож на двухэтажное общежитие в моем маленьком провинциальном городке. На первом этаже домика по пять окон, крылечко в три ступеньки, по центру маленький балкончик, подпертый двумя колоннами. Часть посаженных вокруг деревьев уже засохла, остальные стояли такие хилые и замученные жарой, что даже жалко стало. Безобразие! На закрытые дачи воды хватает, а на пять деревьев, которые видели Гагарина, нет!

После экскурсии на полигон (заасфальтированная площадка размером с несколько стадионов) нас разделили (на мальчиков и девочек) и повезли куда-то. Сразу за парадными воротами к крутому особняку из стекла, машины с девочками поехали направо, а с мальчиками – налево. Оказалось, что мы приехали в резиденцию правительства! У входных дверей нас встретила молодая девушка в очень красивом брючном костюме и очень длинным маникюром на ногтях:

– Прошу следовать за мной! – выдала она полубасом.

Вы угадали! Ну, конечно, это был... молодой мужчина.

– Интересно, а наших мужиков тоже такие же встречают? И что они при этом испытывают? Надо спросить, – подумала вслух Валентина Толкунова.

Внутри все было очень красиво. Все вокруг было супер-

чисто до блеска, супермодно, до стильности и ну очень цивильно. И прохладно.

Наверное, так когда-то шахи жили.

Нам выделили комнаты для отдыха, где можно было принять душ и даже полежать под прохладными от кондиционеров и тоже кипенно-белыми и стерильно чистыми простынями.

Потом нас позвали к столу. Банкетный зал больше напоминал огромное футбольное поле, в одном конце которого были поставлены столы буквой П, в другом конце сделана импровизированная сцена. Чтобы разбавить чиновников, нас рассадили вперемешку с «народными» и «заслуженными». За спиной у нас по стойке смирно стояли официанты. Один на пару гостей. Не успеешь пригубить из рюмки, а у тебя уже полная нолита. На столе сменили блюд двадцать. Некоторые я даже не успела попробовать, какая жалость! Это было что-то неопишное. И тебе фирменно-азиатское, и русское, и французское, и вообще блюда всех народов мира!

Шик!

Тот вечер я запомнила на всю жизнь! Наверное, от того, что очень уж все контрастировало с той, другой жизнью, в которой жили все остальные, и мои родители тоже. Жизнь с пустыми прилавками. Они такого никогда не видывали и уже может быть не увидят.

Но долой дурные мысли. Ведь на мне очень красивый брючный костюм, белый-белый, а по швам малиновая по-

лоска, как у генерала, и такая же малиновая блузочка в талию. А сверху туника шифоновая малиновая белым кантом отделанная. Но главное – грудь! Она у нас норовит стать уже пятым номером. От красоты такой меня даже министр два раза на танцы приглашал. Во как. И выглядел же через весь длинный стол...

Толик между тем около руководства ошивался. У него там только что начался запланированный праздник самолюбия. А министр вдруг его так легонько рукой отстранил и через весь зал к моей груди подался! А тут еще Сметанников почти каждый танец в очереди. Он, оказывается, был в то время неженат. Я, как это дело усекла, и давай во время медленного танго чувственно бедрами водить и его зажигать! А что? Мы же должны себя женщинами чувствовать, черт, побери!

Вот тогда Толик и устроил на меня атаку. Давай таскать по углам и объяснять про мое хреновое поведение.

Опять?! Сколько можно?

– Сам министра обрабатывать собрался, так и обрабатывай! Ешь, спи, танцуй с ним и бабки наваривай! Твои желания не опираются на мои мечты! Мне все это надоело! Оставь меня в покое! Я не хочу больше тебя видеть! Не хочу больше слышать твой ор! Не могу больше пахать на тебя и на твои выверты!!! НЕ ХОЧУ!!! И только попробуй, zahaxнись!

Развернулась и ушла в другую сторону. Он рванул было за мной, но я ему такую рожу состроила, что он все понял и отвязался на целый вечер.

Дело закончилось тем, что я пересела на другой конец стола к Надежде Бабкиной и мы с ней старательно напились. У нее тоже свое горе случилось. Ее муж работал у Левы Лещенко барабанщиком, а там как раз девочку новую на подпевки взяли. Вот он к ней и ушел.

А потом мы пели песни во всю глотку и с Мелентьевым, и с узкоглазиками, и еще черт знает с кем, не обращая внимания ни на ранги, ни на нации. Это же был «прощальный ужин» с Азией!!!

Вывозили нас под утро, по мере готовности.

На следующий день после обеда мы должны были улетать в Москву. Я проснулась около двенадцати. Как чувствовала себя, лучше не рассказывать. В номере не наблюдалось никого кроме меня. Где Толик, я понятия не имела. Но, как же приятно просыпаться, когда с утра (даже на больную голову) никакая козлячья морда тебе настроение не портит!

На обеде у всех не лица, а рожи. Даже издали они не напоминали те знакомые и любимые образы, к которым мы привыкли. Как же плохо мы сами к себе относимся, если изнашиваем за пару недель то, что нам Бог дал на всю жизнь. Ведь никто не заменит старье на новый фэйс.

В Москву прилетели ночью. Без Толика. Наташка суетливо встречала в дверях и очень интересовалась:

– Ну, как? А где...?

– Наташка, так пить нельзя. С утра до вечера и с вечера до утра. А про Толика я ничего не знаю. Умер Максим, да

и хрен с ним! Да здравствует свобода!!! – выдала я прямо с порога и упала в кровать как подкошенная.

На Наташкины призывные намеки не откликалась – здоровья не было. Соседка обижалась пару дней, но потом сосед пришел, а за ним второй. Ждали меня и товар. Наташка периодически проскальзывала в комнату, нюхала меня и шептала прямо в ухо:

– Нина, ты хоть живая? Твои «блэки» уже четыре раза звонили, интересовались, когда работать начнем?

А я, как и положено, мучительно отболела три дня, сильно помирая в самый первый, потяя во второй, а в третий просто отвалялась. Соседи тем временем устроили загул. Пришлось вставать и за работу...

Товар – деньги, деньги – товар.

ЧТО ТАКОЕ ШИЗОФРЕНИЯ

Моя труба, то бишь, работа, звала!

Док все эти дни соплями исходил – как же, мадам нервничает... Товар надо вывозить, а меня нет. Раньше мы его на Славике вывозили, приятеле Толика, а теперь надо было искать другого извозчика. Мало ли что? Он ведь такого мог напонтить, что запросто в заложники загреметь или «контора» на хвост села. Надо было соблюдать конспирацию и опасаться чужаков...

Я пыталась тянуть время, но народ этого не желал по-

нимать. А от Толика ни слуху, ни духу. Пыталась даже искать, но в «Росконцерте» девочки сказали, что даже министр еще не прилетел. Он из Караганды отправился обратно в Алма-Ату, потом полетел в Сибирь, и когда будет в Москве, никто не знал.

И тут я вспомнила, что брат моей древней подружки Тамусика работает в такси. Позвонила Тамаре, мы быстренько договорились с Сашей (так звали брата) и приступили к работе.

С таксомотором все упростилось до предела. На машине с шашечками Док вывозил из посольства чемоданы. Для мента у ворот все понятно: человек поехал за рубеж, домой. А Док или Джозеф, или еще кто-нибудь из «блэков» доезжал до нужного перекрестка и выходил вон без чемоданов. Такси шло дальше и за пятым углом подбирало меня. Потом мы ехали на съемную квартиру и выгружали товар. Класс!

Теперь можно было и на закупку на такси ездить. На такси оно надежнее.

Что такое закупка? Это когда едешь по всей Москве, по разным домам, подвалам с мастерскими художников, странным квартирам и ищешь что-нибудь для «блэков», нужное.

Приезжаешь в чью-то квартиру или мастерскую художника, там тебя ждет «выставка». Это набор икон, разных по старине, школе, письму и качеству. Как правило, на одну хорошую икону приходится просмотреть до десяти – пятнадцати и более плохих или вообще никаких.

А иногда приезжаешь, а тебе показывают набор хлама: на досках краска осыпалась и не видно даже чей лик изображен – мужчина или женщина. Но хозяин заявляет, что это у него Андрей Рублев. И что стоит Рублев на аукционе Кристи или Сотбис не один миллион долларов. А продает он все это только оптом. Ты ему говоришь, что ничего из этого тебе не надо, а он:

– Дура, ты ничего не понимаешь в искусстве! Это настоящие шедевры русской иконописи!

Не совсем так по-хамски, но приблизительно. И с такими спорить бесполезно...

А иногда в опте все иконы нулевые, а одна высший класс! И начинаешь чечетку на пузе устраивать. Правда, очень часто одна-две доски перекрывали стоимость всей кучи.

А однажды один алкаш продал мне за пять бутылок водки такую «мамочку», словами не описать. XIV век. Тихвинская Божья Матерь. Размером небольшая и с врезком. Это когда края у иконы от старости начинают сыпаться, ее обрезают и вставляют в новую доску, от этого появляется углубление – ковчег. Еще ковчег делали сразу для укрепления края доски и, как правило, на очень хороших, «школьных» иконах.

Или вот был случай.

Лето, тепло. Идем с моей подругой Иришкой из ресторана. Пообедали и пошли пешечком по улице Горького. Две прилично одетые, немножко поддатые дамы. Почему тот пьяненький парнишка именно ко мне подошел, ума не при-

ложу:

– Тетенька, купите у меня иконы...

Как вам это нравится? Что? У меня на лбу написано, что я иконами торгую? Или это ментовская подставуха? Соглашаемся. Идем. В каком-то жутком подвале у него такие иконы, что я моментально протрезвела. И давай Саше звонить, чтобы съездил домой к Наташке за деньгами и дул сюда. Я тогда, спьяну, купила целых два чемодана класснейших икон. Там даже одна XV и одна XIV века были и в очень хорошем состоянии.

Но раз на раз не приходится. Иногда в довесок и новодел подсовывали. В какой-то промежуток времени новодела и просто ненужного много набралось. Целых пять чемоданов. Вот тогда-то мои «блэки» и подсуропили мне еще и атташе по культуре. Здоровенный негра, метра два ростом, а мадама евонная метр пятьдесят. Такая кругленькая, как шарик! Но какой у нее был зад! Который целый день колышет-ся, если с утра хлопнуть. Жил господин атташе в дипломатическом доме на проспекте Вернадского. Дом был огорожен сетчатым забором. Дорогу к нему перегораживала государственная граница в виде будки с ментами.

Когда мадама узнала, что я шью, ее восторгу не было предела. Она сама спустилась к ментам и попросила их, чтобы меня пропускали беспрепятственно. Так я почти легализовалась. Качественно подросла в собственных глазах из проститутки в портниху.

Я никогда ничего лишнего в руках не носила. Туда в пакете неслось платье на примерку, а обратно только деньги. Иногда много денег. Иконы маршировали на ногах Дока или Джозефа отдельно от меня. Иконы мы отдавали господину атташе «на комиссию», потому что они были не очень. Но даже здесь «авантюрина» хватало...

Однажды пришла я к господину атташе за деньгами от проданных икон. А у него – День Варенья! Пришлось поздравлять, говорить тосты, пить шампанское и по-всякому развлекаться вместе со всеми. Вышла я оттуда часа в два ночи, под шофэ, в пакете пятьдесят тысяч. А у будки, кроме двух дежурных ментов, стоят милицейский «Уазик» и три постовых... Их, наверное, тоже черт пригнал за очередными звездочками.

Ну, и что делать?

От испуга я так офонарела, что вдруг говорю неожиданно сама для себя:

– Господи, как хорошо, что вы здесь стоите! У меня там, – и показываю на дом за своей спиной, – сестра уже целую неделю живет! А у мамы моей из-за нее инфаркт! Она сказала, чтобы я без нее домой не возвращалась. Я пять часов пыталась уговорить ее ехать домой, а она ни в какую! Шампанским от меня откупались, пытались глаза залить! Это все он, сволочь, морда черномазая! Что же это делается! А? Ребята, помогите мне сестру добыть! Пойдемте со мной туда, в квартиру. Умоляю вас...

А сама про себя думаю: «Им в дом входить запрещено. То есть они со мной в квартиру никак не пойдут». И вдруг начинаю рыдать.

Тоже со страху...

Как же растерялись мои менты. И давай отнекиваться. Говорить, что никак не могут мне помочь. А я никак не успокаиваюсь. У меня как будто крантик открылся, и из него полилось неуправляемо. Наверное, месяцами накопленный страх вытекал наружу. Менты бросились к аптечке капли искать. Сердечные. Вдруг у одного мента в глазах мелькнуло озарение:

– А давайте ее домой отвезем. Она же на весь двор воеет. Так можно и до скандала...

И повезли они меня домой на своем голубом «Уазике».

Представляете, что там было, когда меня в три часа ночи три мента под белы ручки привели под дверь?! Наташка все это время на форточке висела и со страху даже с нее упала! А Толик от страху под кровать полез!!!

Вот что есть настоящая шизофрения! Это когда я с хохотом ввалилась в квартиру, из-под кровати вылез мой благоверный, а Наташка поднялась с пола, потирая бок! А когда я рассказала, что же произошло, все до утра так смеялись, так смеялись, остановиться не могли...

Мне иногда думается, что же такое с нами тогда было? Исторический психоз или первые всплески зачаточной шизофрении? А может быть, начальная паранойя? И вообще. Ка-

кого черта нам было нужно? Какого рожна не хватало? Может, нам просто изначально не нравилось идти в стаде? Наш протест маршем поперек колонн, которые двигались затылок в затылок в сторону светлого будущего всего человечества, выглядел вот так?

А если бы на пути мне встретился хотя бы один диссидент, я что, примкнула бы не столько из солидарности, а потому что поперек?..

Тогда же, разъезжая по всей Москве, я набрела на Бобсона, моего будущего партнера. Колоритная фигура. Прожженный еврей упитанной наружности. Как же хорошо с ним работалось... Мне Бобсон очень нравился, но он никогда даже намека на возможный флирт не делал. А я видела, не только на меня он производил такое впечатление. Бабы заводились и тихо млели!

У Бобсона был свой партнер, фамилия до такой степени матерная, что он ее стеснялся называть, может Мандеев, поэтому все звали его Менделеев.

Я перестала светиться на закупках по всей Москве. Они сами делали первичный отбор, сами же ездили по периферии, имели своих «корреспондентов» в малых городах России и людей в столице. Сами все отбирали, сами все привозили прямо ко мне, не в смысле на мой четвертый этаж, а в смысле на съемную квартиру, и сами товар сбывали.

Это было хорошо, потому что у меня стала происходить

форменная затоварка. Товара много, нужны были оптовики. Наташкино войско растаскивало только небольшую часть.

Вот тогда-то работа закипела по-настоящему! Мне стало на-а-а-много легче, даже появилось свободное время. Тогда я и решила заняться собственным ликбезом. Пройтись по музеям, поездить по мастерским художников-реставраторов. Познакомилась с Большим Олегом, который позволял мне ему мешать и самой пробовать заниматься реставрацией. А как еще поймешь, почему настоящие иконы на тебя будто смотрят, а ты стесняешься? Была одна Божья Матерь, она всегда за мной с буфета глазами следила, даже в темноте...

Большим Олег был потому, что вырос аж под два метра, разговаривал громко и был очень добрым. Он потрясающе играл на гитаре, имел прекрасный бархатистый бас, большую окладистую бороду и знал много русских, украинских и прочих песен и частушек, правда, некоторые не совсем благонравного содержания.

Олега я встретила случайно у кого-то в мастерской, даже и не помню, у кого. Это у него я брала всю необходимую мне литературу, это у него была толстенная книга с «чекухами», это у него висела на стене самая потрясающая икона из всех, мною виденных. Конец XIII – начало XIV века, без школы, а так называемая «деревня». На иконе был изображен Николай Угодник. Глаза разные, один выше, второй ниже, смотрят в разные стороны, нос набок, а сам с такой потрясающей

наивностью на лице, ну просто восторг! Поэтому, наверное, подобные шедевры назывались еще «Русский наив».

Эта была и самая неожиданная икона, которую я держала в своих руках.

ПОБОЧНЫЙ ЗАРАБОТОК

Мысли мыслями, а надо было пахать!

Постепенно у нас собралась часть икон, забракованных Послом и даже Атташе. Надо было их куда-то девать, это же деньги, и не малые, и не только наши. Часть товара мы брали в реализацию, это называлось «на комиссию». Обратные наши «корреспонденты» с «комиссии» забирать не хотели. Просили хоть за какие-нибудь деньги продать. Вот тогда Док и нашёл ещё одного покупателя из другого посольства, из Нигерии, но не Посла, а тоже Атташе. Жил господин Мбонимпа не в посольстве, а в дипломатическом доме. В том же самом, что и наш, Сьерро-Леоновский Атташе. Опять мне не надо было прикидываться проституткой.

Но однажды у меня дома случился аврал. То есть, ребята, которые до того уговаривали взять «на комиссию»:

– Христа ради, продай за любые деньги! – и ровно через два дня завели другую песню:

– Срочно гони наши иконы или бабки!

Корреспонденты приперлись прямо с утра и устроили целую канитель с нытьем и даже угрозами! Пришлось мне та-

щиться в дипломатический дом за иконами.

Поехала я к господину Мбонимпа. По дороге вызвонила Дока. Он приехал через полчаса после меня. Док стал выяснять по телефону у Атташе, где находится товар. Оказалось, что весь товар находится в сейфе-шкафу, но открыть мы не сможем, ключа в доме нет. Нужно было ждать его к вечеру.

Мы приняли решение попытаться отсрочить до завтра.

Я отправила Дока на передовую, к Наташке. Хотя из Наташки, кроме большой кучи дерьма и поносного трепа, больше ничего не вытрясешь, но в доме было много товара...

Прошел час. Звонок. Нежный – откуда только взялся! – Наташкин голосок многозначительно поинтересовался, какой номер она набрала? Все ясно. Док уже там и будет ждать меня до победы. Значит, с этими козлами не получилось договориться. А на улице, между прочим, была зима и снегу по колено. Вдоль дипдома шла дорога, по которой ездили машины, а от самого дома, наискосок, к жилым домам напротив и между ними, змеилась узенькая тропинка, позволяющая пройти напрямую к проспекту Вернадского и сократить путь до автобусной остановки.

Вдруг, о счастье, пришла сестра Атташе, молодая беременная негрятяночка, и с ключом! Я ей на тарабарском языке объяснила, какая катастрофа надвинулась на меня. Она все поняла, головой закивала. Мы с ней открыли сейф-шкаф и добыли оттуда один чемодан с этими самыми иконами. Чемодан был «от мадам», назывался «мечта оккупанта», и под-

нять его можно было только вдвоем.

Чемодан стоял посреди комнаты, незыблемо, как монгольский истукан, а мы на него смотрели. Я понимала, что нам придется ждать Атташе. Я и эта пигалица, которую можно было целиком погрузить в чемодан.

И вдруг она выдает мне тонюсеньким голосенком:

– Каласо, я гатова тассить цимадан на улиса!!!

Я пыталась ей объяснить, что чемодан называется «мечта оккупанта»!

Но она качала головой, как китайский болванчик, и повторяла:

– Карасо. Я панису цимадан.

Обстоятельства заставляли меня согласиться.

Мы разработали маршрут ее движения, стоя перед окном:

– Ты должна донести этот чемодан до ближайшего жилого дома, который стоит напротив, а я у тебя его там заберу. Но мы не должны с тобой встретиться около чемодана. Поняла? Иначе, сушите сухари, мадам...

– Паняля, – выдало мне это черное чудо и закивало головой.

До лифта мы тащили «мечту» вдвоем, в лифт я ее погрузила, но как она ЭТО потащит по улице и до подъезда, больше-о-о-ой вопрос!

Я стояла у окна. На улице совсем смеркалось. Из подъезда дома выползла маленькая негритяночка, где-то даже миниатюрная, с огромным животом и таким же огромным че-

моданом и потащила его по дороге. С двенадцатого этажа он смотрелся еще громаднее, а она еще миниатюрнее. Двойная беременность. И вдруг я увидела, что она его не по утоптанной дороге потащила, а по самой узенькой тропиночке-траншее. Вместо тропинки за ней стала образовываться широкая вспаханно-утрамбованная дорога для грузовика! А она со скоростью один километр в час, стала с трудом преодолевать это девственно-голубоватое, в вечерних сумерках, снежное пространство.

Прохожие оглядывались с удивлением, но никто не предлагал ей помощи, потому что она тащила этот проклятый чемодан с упорством, и не поднимая головы. Из будки вышел мент и стал с интересом наблюдать сие происшествие. Что можно положить в такой чемодан кроме трупа? Но он вдруг развернулся и пошел в будку.

Вот она втащилась в подъезд жилого дома напротив, догадливая, а это значит, пора и мне собираться в дорогу. Когда я проходила мимо будки, увидела, что мент с кем-то говорит по телефону. Что-то будет дальше?

Я не проходила, а с трудом преодолевала, и без чемодана, весь этот зимний вспаханный путь...и дошла до подъезда. Ура! Она меня увидела, прошмыгнула мимо меня, понятия не имея, что это за дама в шубе вошла в дом. Чемодан стоял на площадке между первым и вторым этажами. Как она затащила его туда?

И тогда я тоже его потащила!!! Она меня таки вдохнови-

ла!

По спине у меня бегали мурашки, мне было страшно даже оглянуться. А ЭТО упиралось, било по ногам всеми своими ребрами. Можно выкинуть, если беременная. Если вы хотите нажать себе геморрой, приходите ко мне, я вам одолжу «мечту» на пару дней. Ещё можно использовать по другому назначению.

У меня в Питере есть подружка, Галя. У них дома был «дедушка помощи». Это такая скульптура, изображающая бога лесов Пана с рогом изобилия. Из рога сыпалась всякая разная снедь. Всё это было отлито из бронзы и весело, я так думаю, как моя «мечта» в полном наполнении. Использовалась скульптура следующим образом: если у вас задержка, и вы подозреваете, что забеременели, берёте в обе руки «дедушку помощи» и таскаете его по квартире туда, сюда, туда, сюда, пока у вас есть силы. Не помню, чтобы «дедушка» не помог. Хотя нашему брату, бабе, хоть бы хны, хрен по деревне.

Именно об этом думала я, когда тащила ЭТО по лестнице вниз, из подъезда, по дороге к проспекту, чтобы поймать такси, как можно быстрее, и смыться отсюда, как можно дальше. Вдруг мент меня уже сдал и сейчас начнется окружение и захват...

Таксист, остановленный мной, кинулся помогать – положить даме чемодан в багажник. Я такой ретивости от него не ожидала и не успела предупредить. Когда он уже подбежал и за ручку дернул, то сразу аж посинел, потому что чемодан от

земли не оторвался! У таксиста, по-моему, в голове появились подозрения про труп. Но он промолчал, подозрительно косясь на меня, пока я ему помогала перевалить мою «мечту» через край багажника.

Подъехали к нашему дому. ЭТО надо было на четвертый этаж без лифта тащить! И кто, я хочу у вас спросить, это должен делать? Таксист меня с трудом вывалил, малек отъехал и остановился, лопааясь от любопытства. Что-то будет дальше? Интересно ему было, как эта баба в шубе потащит эту штуку и куда? А на улице зима, между прочим, и достаточно холодная, с морозцем, а от нервного напряжения меня стало мелко колотить.

Все-таки Абалденную Девушку Наташку я в тот день недооценила. Как я могла сбросить ее со счетов? Из подъезда моего дома вышли два мордоворота с бычачьими шеями, подгоняемые Наташкой, быстренько подхватили мою «мечту» и, как пушинку, раз – на четвертый этаж. Я, когда в подъезд входила, на таксиста оглянулась. У него на лице интересное было написано, как у китайской скульптурки: три выражения на одном лице! Ничего не вижу, ничего не знаю, никому и ничего, честное слово, не скажу.

Ну и чем все это могло закончиться? Моим сольным выступлением!

Мой лексикон впитал в себя мороз вечера, тропу, проделанную чемоданом, грыжу, которую наживают, тем, как себя чувствуют беременные негритянки, за что ментам дают

звездочки, что такое высокомерность посла..., крышу, с которой спускаются по веревке и весь запас моих знаний из словаря Даля, не вошедших в основной словарь...выданный им в спину.

Как же тяжела жизнь контрабандиста, и как у артиста – неказиста. Поэтому все и закончилось гостями, одного из которых Док отрекламировал, как «душа компании», и полным братанием за столом, включая даже приехавшего Большого Олега.

У нашей Наташки накрывать стол с каждым разом получалось все быстрее и быстрее. Не успел народ подтянуться, а на столе уже было, как на гастролях – все! В моем холодильнике всегда было очень густо. У меня в клиентках было два директора продовольственных магазинов, причем очень крупных. Еду нам привозили на дом ящиками и без переплаты. Ну, а про питье Наташка всегда знала, где и как. Она теперь тоже закрутила, сама за перемещающимися точками не бегала, а отправляла своих товаров, причем вызывала их по телефону...

Посмотреть на нашу пьянку со стороны – удивительное зрелище: один большой дядя с гитарой поет и русский. Это Олег. Второй большой дядя не поет и не русский, он негр. Это Док. Еще один дядя и не большой, и не поет, и опять русский, сосед в очках. Четвертый хрупкий и небольшой негр, очень элегантный, в приличном и дорогом костюме, белоснежной рубашке и с бабочкой. Пятый опять негр, старый,

лысый, и малость потрепанный, это тот, который душа всей компании. Со слухом у него плохо, поэтому он подвыывает. Ещё один очень большой живот – это наш сосед «строитель».

И еще две дамы. Одна в возрасте неопределенном, тоже малость потрепанная, невысокого ростика, с жиденькими светленькими волосиками, без двух передних зубов по верхнему центру, с чисто московской фигурой толкательницы ядра – широкие плечи, узкий задок, талию забыли выпилить, ноги бутылками, в ступнях великоваты, стоптано-рабоче-крестьянские. Это наша супергероиня – Самая Абалденная в Море Девушка Наташа!

Вторая, это я, самая любимая сама для себя. Почти чуви-ха! Вы еще не знаете, что я в молодости работала манекенщицей, хотя и недолго, и еще я в молодости снималась в кино, хотя и чуть-чуть, до тех пор, пока не поняла, что моего тела на всех желающих режиссеров не хватит. Хорошо, что быстро поняла, а не заблуждалась, как некоторые, несколько лет в коридорах киностудий.

Когда-то очень хороший поэт Николай Зиновьев написал про меня экспромт:

– А она Софи-Ларена в мини типа «юбки нет»,
Чудом бедер обалденных
Всем нам шлет физкульт-привет!
Возбудив во мне куплет:
«Если ты танцуешь с Ниной,
Сердце бьется о штанину!»

Да, это про меня... Во-о-о-от...

Того негра, что в бабочке, звали так красиво, что я запомнила. Бэнэс Тибайджука. Он был из посольства Уганды. Второго не помню, память уже подводит, но как-то смешно. К тому же это был старый, лысый негр, с грустными еврейскими глазами. Часам к пяти он так напился, что уснул чисто по-русски – в салате, а до того Олег пел его любимую песню африканских партизан «Молодость моя – Белоруссия», а наш бедный новый друг плакал, размазывал слезы, и рассказывал, что у него на родине, в ЮАР, тоже есть партизаны. И он тоже партизан и в России сражается с капиталистическим режимом...

Даааа, мы его понимали. Мы же тоже, где-то, в подполье. Мы тоже, где-то, по большому счету, партизаны.

Поэтому предложение Бэнэса нашло у нас полное понимание: опять даешь антикапиталистическую контрабанду в особо крупных размерах!

Посол Бэнэса занимался не иконами, а картинами и антиквариатом. Он был искусствовед. Я рассказала ему про японскую штучку из кости мамонта. Решили, что берем посмотреть. Вот сколько времени проходит от предложения продать, до желания посмотреть. Ровно полгода.

Чем там эта пьянка закончилась, я тоже не помню. Только в какой-то момент сосед танцевал с негром цыганочку с выходом и с притопом, а Наташка трясла плечом...

Ладью от золотой Татьяны внука Луначарского Коли мы с Бенэсом продали, и очень удачно. Через аукцион «Кристи» в Лондоне. Угандиец оказался вхож к его устроителям, поэтому его и интересовали такие вещи. Только тогда я поняла, что такое по-настоящему дорогая вещь. Это оказалась Япония!!! IX век!!!

Еще мы с Бенэсом продали одну картину. Ее явно украли из какого-то немецкого музея еще во время войны. Реституция, будь она неладна! Картина была, что называется, по мясу вырезана прямо из рамы, даже часть надписи была перерезана пополам, но оказалась очень дорогая. На ней был изображен древнегреческий бог Гермес. Он летел в облаках и трубил в рог. Это было очень похоже на итальянскую живопись XVII века, может Караччи, Альбани или Тьеполо... Тоже вещичка будь здоров! Я тогда столько денег заработала!

А уже потом на свою долю от нэцкэ и итальянцев я купила картину нашего русского авангардиста Ивана Клюна. Называлась она «Игра на бильярде». Ее привезли из Питера. Клюн работал там перед эмиграцией. Она не рассыпалась только потому, что была провернута в крепкую материю. Вот я с ней по Москве колец нагоняла! Все реставрационные мастерские были мои. Мне сделали полный анализ полотна и красок. И рентген показал – картина настоящая. Предварительная оценка – пять миллионов долларов! Только тогда посол Бенэса увез ее в Европу и сдал для полного анализа в «Кристи». Анализ делали пять месяцев. Вначале в Лондоне,

потом в Париже, после в Америке.

А потом наехал облом – эксперты заявили: подделка, изготовленная из настоящих красок начала XX века. А мы так надеялись, так надеялись, так ждали денежек! Будущие расходы посчитали! Но правильно моя мама сказала: «Кому суждено быть нищим, тот нищим родится и нищим помрет, как бы он ни старался и из кожи вон не лез»!

Хотя... С этим приговором я борюсь всю свою жизнь и доказываю себе, а главное маме, что судьбу можно победить...

ПРО ЛЮБОВЬ

Я встретила его в мастерской у знакомого художника-реставратора. Его тоже звали Саша, как моего таксиста. Он был не выше меня, голубоглазый, черноволосый... Усики его мне, что ли, понравились? Мы говорили с ним об искусстве, живописи, иконах. Тогда это была для меня только что открытая дверь в иное измерение, и меня туда тянуло. Ему очень нравился балет. А я обожаю балет с восьми лет и знаю хорошо. У меня второй муж был театральным художником, что позволило приобщиться. А в детстве я даже просила родителей отдать меня в балетное училище, но жили мы в провинции, где не было подобных кружков, а отправлять ребенка жить в другой город мои нищие интеллигенты позволить себе не могли.

Он стал водить меня в театр... Вот тогда, вдруг, у меня на-

чался роман. Платонический. Он как-то тихо-тихо стал меня засасывать. Мы встречались каждый день. У него были красные «Жигули», он пипикал под окном, и мы уезжали куда-нибудь. Иногда просто гуляли в парке около московского университета, по набережной, иногда могли весь день просто просидеть в каком-нибудь скверике на скамеечке или проваляться на пляже. Он рассказывал мне о своей жизни, о своей жене Гале, которая окончательно заездила его своим хамством, как они познакомились, как живут, чем занимаются. О своих двух пацанах, которые, подрастая, становятся похожими на собственную мать – такими же бандюганами и проходимцами. О том, как они воруют деньги из его карманов. Я отвечала ему своими страстями-мордастями. Про своего «супергениального» мужа Анатолия со всеми его примочками. Наверное, это мы так специально жалились друг дружке...

Саша очень переживательно относился к моему ненормальному образу жизни. Он любил слушать мои байки про гастрольные и контрабандные похождения и про торговлю иконами. Ему это было так интересно, что он все время задавал наводящие вопросы. Про самые дорогие и удивительные доски и антиквариат, которые я видала.

А нас только похвали! Мы же от радости горы переворачиваем! Это я еще со школьной скамьи помню. Моя учительница математики, злая Александра Ивановна, которую мы почему-то очень любили, говорила моей маме: «Ваша Нина,

как дохлая лошадь. Ее надо только хвалить, тогда она любой воз на любую гору затащит, но стоит один раз стегнуть кнутом – можно распрягать, дальше она не пойдет»...

И как только Саша понял про эту мою слабость, я не знаю...?

Вечерами мы шли в театр или, ресторан. В кабаке танцевали медленные танго, томно соприкасаясь телами. Мне нравилось, что он не тащит меня в койку, а ухаживает как истинный кавалер. Приносит мне цветы, дарит духи. Целует руку в ладошку прямо во время танца или на спектакле, нежно щекоча усами, или нашептывает прямо в ушко, во время томного танго, всякие ласковые пошлости, чуть задевая мочку уха и рождая на моем теле мелкие мурашки желания.

Трогательно-сентиментальная дура...

Так продолжалось достаточно долго. Ровно до тех пор, пока однажды как снег на голову не свалился Толик. Прямо посреди ночи, пьяный и нахальный. И сразу же взялся приставать, прямо нахрапом! Как раз «у койку». Он, оказывается, меня любит! Жить без меня не может! А я его даже и не разыскивала. А я, сука такая, не металась, заламывая руки от горя...

Вы можете себе такое представить?!

– Ааах, я еще и виновата? Я тебя терплю, все эти твои чайники, эти «наваренные бабки», эти чеченские плены, эти миллионерские замашки, эти дурацкие понты, помады и всякое другое! А ты еще меня упрекаешь?! В том, что я дура?

Да? Да! Я полная идиотка, что с таким козлом в одном доме жила. Хватит! Вот тебе Бог, а вон порог. Я больше не желаю жить с таким козлом!.. – кричала я во всю силушку.

Орали мы так громко и безобразно, что набежала Наташка. Потом я собрала все его манатки и выставила за дверь. А потом взяла утюг за шнур и раскрутила его над головой:

– Если хоть пальцем тронешь, я этой штукой тебя прикончу. И пускай меня лучше в тюрьму посадят, но трахаться с тобой я больше не буду. Меня от тебя тошнит! Нависунчик, блин!

Он ушел... Наташка сбегала за лекарством и часам к четырем следующего дня мы успокоились.

А новый роман рос и крепчал. И дорос, что было даже удивительно, до постели. Ах, это было потрясающе! Обалденно! Нежность очень сильно отличается от силы. Может, иногда и приятно почувствовать мужскую силу, но только иногда. Приятнее, когда вечер обставлен свечами, легкой музыкой и нежными прикосновениями, пробегающими по твоим губам, плечам, груди...

Роман бы крепчал и дальше...

Но... Проявилась его жена. Галя. Работала она директором продовольственного магазина. То есть с раннего утра и до выноса сумок. Вот после этих сумок Саша и рассказал ей про нас. И развод попросил...

Зачем? Спешить никогда не надо! После «азербайджанского» рыжего козла мне было с ним просто хорошо. И все.

А тут как-то поутру ко мне явилась этакая хабалка, в два раза толще и на голову выше Сашки. Он, кстати, где-то там за ее спиной и маячил.

— И где эта сука?! — с порога заорало нечто, оторвавшись от дверного звонка. — Я ей сейчас все zenки повышибаю!

А я еще спала. Так что zenки были закрыты. Эстрадная и контрабандная жизнь заставляла укладываться спать в два или в три часа ночи, а просыпаться в десять или в одиннадцать. Мне же не надо к пол восьмому утра в магазин мчаться, смену принимать!

Пока она орала, я лениво потягивалась и демонстративно одевалась во что-нибудь ультрамодное прямо при них. Пускай рассмотрят наши прелести. Потом, пока я умывалась и подкрашивалась в ванной комнате, Наташка звонила по телефону, я так думала, готовила, на всякий случай, свои полки.

Когда я нахально заявила в комнату, страсти там накалились до предела. От моей медлительности и Сашкиного молчания она завелась и кидалась на него, явно стараясь выцарапать глаза.

А Саша терпел-терпел, а потом тоже не сдержался... и отвесил оплеуху.

Галя отлетела в угол и во время полета стукнулась головой о край стола. На щеке у нее появилась кровянка, и тут она как-то раз, и сразу совершенно озверела. Растопылив пальцы с длинными наманикюренными ногтями, с рычанием ра-

неного зверя, она пошла на мужа в атаку. На пол грохнулись оба. Из-за галиных объемов бедный Сашка даже не просматривался снизу. Пришлось мне лезть сверху. А Наташка ввязалась из чувства солидарности. Она тыкала кулаками и ногами в упитанные бока, живот или около того и при этом шепеляво бубнила себе под нос:

– Наших бить не дадим... Наших будем защищать...

В какой-то момент Сашке удалось-таки спихнуть женину тушу с себя, но не удалось оторвать ее грабли. Они зацепили по дороге и меня, и Наташку. Мы опять упали. Все. Теперь она была снизу, а он и я по бокам, переплетенные руками и ногами. Моя нога оказалась зажата между Сашкиным боком и Галиным пузом, и торчала прямо, как палка из кучи.

Наташка вскочила первая и стала тянуть меня именно за эту ногу. А я пыталась оттащить Галя от Сашки, вцепившись ей в загривок.

Вдруг из кучи раздался дикий Сашкин ор. Ловким движением жена выдрала целый клоковолос из его макушки! За это Сашка опять заехал ей в глаз, и наш клубок развалился. Я вышла из боя без ранений, только болела нога. А у Гали уже наливался потрясающе круглый и разноцветный синяк.

Думаете, этим все закончилось? Как бы не так! Дверь вдруг открылась, и в комнату влетел... Толик.

Как потом оказалось, как только Галя вломила в дверь, его вызвонила Наташка. Он в такси и сюда. На помощь! Не разобравшись, что к чему, Толик сходу рванул к Саш-

ке. Схватил его за грудки, оторвал от пола и начал шкомутать туда-сюда. Бедный Сашка ничего не понял, он и так был весь в крови, за макушки капает, скальп снят, а тут Толик с восточным неуправляемым темпераментом за грудки трясет изо всех сил! Хорошо, что веснушек не было, а то рассыпались бы по полу горохом, собирай потом...

Но тут вскочила с пола жена Галя. Как молния подскочила она к Толику и по морде его хлопбысь, хлопбысь изо всех сил!

Ну не обалденно, а? – тупо думала я, как дура, сидя на полу...

Толик от неожиданности Сашку на пол уронил. Но Гале этого показалась мало, она вдруг вцепилась Толику зубами прямо в мочку уха. Тут я подскочила с пола, и мы с Наташкой давай ее отдирать... Как же Толик заорал! Даже громче, чем белуга! Как иерихонская труба! Только тогда Галя от него отвалилась.

И все сразу резко успокоились. Я и Саша с пола поднялись, Толик на кровать плюхнулся, Галя на стул, а Наташка встала у косяка двери, как бы сторож! Все, наверное, поняли, наконец, что раны надо зализать и разобраться, что к чему. И вдруг Галя выдала:

– Ты же мне клялся и божился, что это для дела, а спать с ней ты не собираешься! А сам? Сволочь!

Тут и я не выдержала:

– Ах, для дела!!! А ну пошли вон отсюда! Все трое! Достали! Всё! Я одна хочу жить! Ни с тобой и ни с тобой! Все вы

одинаковые козлы! Любовь, любовь! Какая к черту любовь, когда сами только махать руками!

А потом на меня напал плач – пословица есть такая: нервная буря тонет в воде. Отплакавшись, я решила съездить к подружке Тамуське. Мне требовалось сочувствие. Наташка в этом деле мне уже не помощник..., предательница...

Нет! Это же надо! Быть такой мелкой предательницей! А сама мне в рот все время смотрела и делала вид, что наиглавнейшая моя, типа, подруга! Даааааа....

МОЯ ПОДРУГА ТАМУСИК

Тамусик – это именно тот человек, ради которого я когда-то приехала из провинции в Москву. Познакомились мы с ней в 1977 году в Гурзуфе. Почему вдруг там? Да потому, что мои школьные друзья ехали туда отдыхать на своей машине, ну а мы с девятилетним сыном сели им на хвост. К тому же на машине не так тяжело швейную машинку с собой тащить. Приехали мы в Гурзуф и сняли там две комнаты. В одной я с сыном, во второй Юра с Галей и дочерью Иришкой. Ходили на пляж, ели в местных столовках и кафешках.

Описывать отдых на юге, у моря, неблагодарное занятие, это значит наносить и себе, и вам травму. Сразу же хочется к морю. А в семьдесят седьмом году на берегу еще стояли бочонки с вином на разлив, и стоило оно очень дешево – от двадцати копеек стакан до шестидесяти копеек большая

кружка. А квас пять и три копейки. Бутылка хорошего вина стоила один рубль двадцать копеек или два рубля десять копеек. Я шила одно платье в день, и платили мне за работу от двадцати пяти рублей до пятидесяти. Во всяком случае, на вино и еду всегда хватало. Да и одно койкоместо стоило всего один «рупь» в день.

Вечерами гуляли по набережной, ели шашлыки, пили вино, ходили на танцульки или в кинушку. Днем жарили бока на пляже. Хозяйка помогла нам достать абонементные талоны на военный пляж. В Гурзуфе размещался очень большой санаторий Министерства Обороны, у них был самый приличный пляж. С лежаками, грибками, душами, дорожками из досточек к самому морю. Дело в том, что во всем мире, кроме Крыма, все пляжи покрыты песком. Даже если его нет по природным условиям, его привозят на пляж искусственно. Только у нас совковое руководство считало, что и так сойдет! Пускай и гальке радуются, раз мы их пустили к морю!

Рядом с нами уже который день отдыхали две дамы. Мы познакомились. Одна Маша, вторая Тамара. Обе работали в Москве, в Центральном доме Советской Армии (сокращенно ЦДСА). Настоящие, веселые и компанейские девки. Но они уже через две недели уехали. Правда, когда они пришли в гости и увидели мою швейную машинку «Тулу», то давай меня уговаривать приехать в Москву им тоже пошить. Мы решили, что я буду звонить. Они оставили мне все свои те-

лефоны – и рабочие, и домашние. А еще через неделю уехали Юра, Галя и Иришка.

Все лето я обеспечивала местное население продуктами своего труда. Два раза я звонила девчонкам. Они снова звали меня в Москву. В конце августа мы с сыном нагрузились, как ишаки, фруктами, машинкой и тряпками, которые я накупила на южном рынке. Моряки привозили сюда из загранки хороший трикотаж, которого в магазинах купить было невозможно.

Лето, в конце концов, закончилось, нужно было двигать в нашу дорогую Белоруссию. Первого сентября Вадиму в школу.

По приезде меня уже ждали толпы заказчиц. Но тут уже девчонки начали мне названивать и настаивать на моем приезде, хотя бы на несколько дней. Я и поехала. Ночь, и я в Москве. Тамусик поселила меня в гостинице ЦДСА, в которой я прожила аж до февраля следующего года. Шила я прямо в номере. В основном для артистов, которые по вечерам давали концерты в ЦДСА, плюс всем работающим там женщинам.

В то время ЦДСА был домом панихид. Генералы мерли как мухи, всех их хоронили в ЦДСА, а все панихиды проходили в ресторане ЦДСА. Такая одна большая халява. Для всего генералитета Генштаба, военной прокуратуры, ну, и нас. Гуляли много и шумно. Вначале сдержанно, а потом пели песни и падали генеральской мордой в салат. Даже шути-

ли, что есть надежда выловить генерала с хатой! Но жить в гостинице полгода слишком дорого, денежек жа-а-а-алко!

К этому времени Тамусик стала принимать в моей жизни очень большое участие. Они с Машей договорились в семейном общежитии Академии Генштаба, и комендант поселила меня в одной из комнат. Сама Маша и ее муж, подполковник Гена, тоже жили в этом общежитии. Очень хорошие ребята! И фамилию носили Полковниковы. По этому поводу мы всегда шутили: «Дай тебе Бог, Маша, из-под подполковника перелечь под полковника»...

Все женское население мне обрадовалось. А как жаж, портниха приехала! Жены военных натаскали мне в комнату брошенной мебели. Ту, которые их мужья по Союзу не возили. Стала я жить в этом скопище заказчиц, детей и тараканов. Столько тараканов я не видела никогда в жизни. Ни до, ни после. УЖАС-С! Они не обращали на нас никакого внимания и жили сами по себе. Иногда идешь к себе ночью, а они семейно отправляются в гости, даже под ногами хрустят!!!

Ой! А о самой Тамуське я вам и не рассказала!

Была она статной и очень сексуальной молодой женщиной. Черненькая, с короткой стрижечкой, вся такая темпераментная, глазки и реснички черненькие... Был у нее муж Володя и сын Тимошка.

Володя был туристическим инструктором. А тогда среди молодежи было модно ходить в походы, петь под гитару пес-

ни и познавать взрослую жизнь где-нибудь около костра, а лучше в кустах или в палатке. Там Тамусик и нашла Володю. Он был старше и соблазнил Тамусика в пятнадцать лет.

Они еще немного покувыркались в палатках, а когда Тамусику исполнилось восемнадцать, благополучно поженились. Потом Володя на каком-то заводе стал то ли профсоюзным, то ли административным деятелем, а Тамусик, отлюбя его сердцем, стала изменять мужу направо и налево в своем ЦДСАсе.

Однако подругой она была верной.

Тамусик и познакомила меня с Толиком. Нечаянно. На 8 марта 1981 года она позвала меня в ЦДСА. На праздничном концерте там выступал ВИА «Акварель». Был такой коллектив, средней паршивости. Именно в нем Толик в ту пору огурцы солил, то бишь работал солистом. Концерт закончился, мы с Тамусиком пошли за кулисы забрать с собой в ресторан Верочку Васильевну, администратора концертной площадки. И надо же было мне там напороться на Толика! Как привязался он к Верочке Васильевне на предмет и меня возьмите. Эх, надо было еще тогда задуматься, потому что в ресторане весь тот вечер от него не было ни продыху, ни отдыху. Вы думаете, он за нас счет оплатил? Счас-с-с-с! Он только и сделал, что поперся провожать меня после ресторана домой. Так и узнал, где я живу.

И началась осада. К осаде он подключил своего дружка, поляка Ежи Ращевского. Говорил, что из рода Радзивил-

лов, потомок по прямой линии. А еще Ежи хорошо пел, играл на гитаре, а поговорить, будь здоров, как хорошо умел! Лидушку мог переговорить! Это потом я узнала, совершенно случайно, когда ко мне на примерку Жанна Рождественская приехала, и они у меня встретились. Оказалось, что он родился в самом обыкновенном русском городе Саратове, учился вместе с ней в саратовском музыкальном училище и звали его Гена! Хотя времена были такие, что может быть, и нужно было за простую фамилию прятаться. А что делать?

А тогда этот потомок Радзивиллов двигал рекламу про Толика. И такой он, и сякой, и необыкновенный, за ним, как за каменной стеной, и ваще-е-е...

А тут Тамусик вместе с Володей собрались уезжать на все лето в Звенигород пионервожатить от ЦДСА. Она и предложила мне переехать из «тараканьего рая» в ее нормальную двухкомнатную квартиру.

Кто ж откажется? Я – нет!

В тот день на мою беду Ежи с Толиком на кофе приперлись, в гости. Ну ладно, раз пришли, должны были помочь хотя бы вещи перевезти. Дура, зачем я это сделала? Если бы тогда я не попросила помощи, а сама переехала, вся моя жизнь на этом перекрестке пошла бы по другому указателю. А что здесь оказалось..., сами потом прочтете... Ну, так вот!

В семь утра после переезда в дверь раздался звонок. Это сейчас на такие приколы без предварительного телефонного договора я дверь вообще никому не открываю, а тогда ду-

ра же из провинции. Тундра она и есть тундра. Подошла и открыла. А за дверью стоял Толик с чемоданом. И с порога сразу же взялся канючить:

– Нина, можно я у тебя поживу, ну, пожалуйста? Я жил у Ежи, но к нему девушка любимая приехала из другого города, и я им явно мешаю в одной комнате, в коммунальной квартире. Можно я временно поживу у тебя, комнаты ведь две, я в одной, а ты в другой...

Есть на свете люди добрые, а есть простофили. Вот я из их дурацкого числа. Всех жалко... Хотя всем давно известно, что жалко у пчелки, а пчелка на елке, а елка в лесу...

Я его и оставила, временно. Ппустила козла в огород. Как же он меня взялся обхаживать. И однажды, не помню, по какому празднику, мы поднапились и согрешили. Я до сих пор тот день проклинаяю. Во всей Москве отыскать самого козлистого козла, это гениально! Помню, утром проснулась и вдруг рядом, на соседней подушке, это рыжее и страшное лежит. Бр-р-р-р!

Вот так моя Тамусик, сама того не ведая, стала нечаянной виновницей моего «большого семейного счастья»! Честно говоря, если бы моя задница не делала таких крутых завихрений, меня бы в этот третий брак не занесло, и жизнь моя потекла бы по другому руслу. Хотя...

Кто знает, а каких бы водоворотов, водопадов и прочих глыб по ходу течения не свалилось бы на мою голову в той, другой жизни? Может, там было бы еще круче?

РАЗБОРКА С ГРАБЕЖОМ

И тогда с горя я поехала к Тамуськиной сиське. Она изнутри мою ситуацию знала. Только на ее плече я могла отрыдаться досыта. Тамусик была мне всегда рада. Мы с ней сразу же на кухню подались, чтобы Вовке на уши не давить своим, женским, и начали душу друг другу выливать. А разве у нас, в России, можно вылить душу на сухую? Конечно, нет!

К трем часам ночи мы его утопили и вынесли постановление: «Ну их, всех мужиков, на хрен! Все они одним миром мазаны! Что Толики, что Сашики, что Вовики! Все натуральные козлы, ети их мать! Поэтому я должна снять отдельную квартиру и переехать одна, со своими тряпками и швейными примочками, а Наташка пускай так и останется мелкой стукачкой... Блин...

Я жила у Тамусика три дня.

За это время нашла себе две отдельные однокомнатные квартиры. Съездила, все посмотрела, оплатила. Теперь можно было переезжать. Хорошо, что есть гастроли. Толик снова на них уехал, а я заявила в коммуналку, гордо собрала свои вещички, заказала машину, наняла грузчиков и тихо переехала, ни с кем не общаясь и даже адреса никому не оставив. У моих соседей был, наверное, шок, а у Наташки – инфаркт. Она не ожидала, что такая кайфовая кормушка может так неожиданно захлопнуться.

На следующий день мы с Сашей-таксистом перевезла все доски и товар из старой квартиры-склада на новую, вторую снятую квартиру. Но ключ, как душа чувствовала, оставила у себя, потому что еще не сдала ее хозяину обратно.

Жила я одна недолго. Иногда односторонне звонила Наташке, мало ли кто может меня разыскивать, например Бэнэс, который что-то давно не звонил, или еще какой «блэк». Позвонила как-то, а Наташка мне сообщила, что пришли квиточки за телефон, честное слово! Толик был еще на гастролях, можно было ехать. Вошла в квартиру молча, забрала свои счета и за дверь шасть. Вышла из дома – и кого же я увидела у подъезда, как бы вы думали? Александра собственной персоной! Сидел с видом умной Маши и ждал меня в машине.

«Интересно! – подумала я. – За сколько Наташка сдала меня Сашке? За две бутылки или за ящик?»

Как же он обрадовался, что меня нашел, я даже удивилась. И давай мне опять про любовь заправлять. Вдруг, как озарение, я вспомнила ту странную фразу, которую сказала Галя. Выплыла из моего сознания, как из омута. Интересно, что она имела в виду? Какие такие дела у меня с Сашей? И почему, вдруг, он обещал ей не доводить наши отношения до интима? Что-то тут не сходилось! Никакой любовью тут и не пахло. Что-то совсем другое. Но что? Что заставляло его торчать под чужим подъездом в ожидании меня неизвестно сколько времени?

Здесь была зарыта ложь, я это интуитивно почувствовала! Но я зачем-то позволила ему подвезти меня к дому, и мы распрощались.

Зачем я это сделала? Иногда мы вытворяем вещи, которые сами себе потом объяснить не можем. Как будто черту подводим под прожитым уже и тем, что впереди. Это была как раз та самая роковая черта, за которой стрелок, указателей и надписей твоей судьбе уже не видно. Не просматривалась! Именно тогда меня по темечку и тюкнуло. Именно после этого на меня и наехали самые настоящие крупнейшие неприятности, про которые я вам с самого начала говорила. Ах! Если бы я знала! Я бы гнала этого Сашку от подъезда в шею и ни в коем случае не села бы в машину! Я бы лучше все локти себе до крови изгрызла, я бы...я бы...

Эх! Если бы, да кабы...

Прошло несколько дней. Однажды утром, в одиннадцать часов, в мою дверь кто-то позвонил. На этот раз я спросила: – Кто?

Оказалось – Сашка. И я сдуру открыла, зачем-то, дверь. Я же говорила вам, нельзя открывать дверь без предварительного созвона, а сама...

Вдруг ко мне в квартиру ввалилась три мордоворота. Сашка даже не вошел, позвонил, пропустил эту шатию, а сам глаза опустил и вниз по лестнице подался. А вы говорите любовь. Вот вам и любовь!

Французы говорят – ищите бабу, а я говорю – ищите баб-

ки!

Ввалились бандюги в квартиру, прямо с порога сграбастали меня за грудки и к подоконнику прижали. Один был длинный, как оглобля, второй особенно противный. Шея бычья, глазки маленькие, из-под бровей зыркали, дуги надбровные сильно вперед выступали, как у неандертальца, лба почти не было. Волосы короткие, ежиком, нос видно давно поломанный, все руки в наколках. Еще часто прирожденных преступников в кино таких подбирают, чтобы не смотрели, а глазом зыркали из-под низких бровей с узким лобиком-навесом.

Не говоря ни слова, он растопырил два пальца и заехал ими прямо в оба моих глаза, пока длинный за горло держал. Я подобного обращения к себе никак не ожидала и машинально дернулась в противоположную сторону. Оконное стекло разлетелось вдребезги, а у меня по голове теплое побежало. Я поняла, что это кровь стала капать за шиворот и щекотно течь по спине...

Когда он мне в глаза заехал, я их сразу закрыла и вначале не почувствовала боли. Вначале про стекло, макушку и спину подумала. А когда попробовала открыть, тут у меня в глазах все потемнело, поплыло, и показалось, что они у меня выскочили из орбит и на ниточках повисли. Просто такая резь, что я готова была заорать во все горло. Но на меня от боли и неожиданности такой страх напал, я изнутри прямо вся похолодела, а тело покрылось липким и холодным потом.

– Ты нам, девочка, бабки задолжала, – грит. – Мы, через

своего парня, дали тебе доски, а ты их замылила. Потому будешь выплачивать в три раза больше.

У Сашки досок я не брала. Никогда. Все комиссионные иконы уже давно шли через Бобсона, а он не стал бы портить свою кормушку и связываться с бандитами. Стояла я у окна с закрытыми глазами, слезы из глаз текли, кровь с макушки капала, а я, не открывая глаз, соображала, что это никакие не досочники, не «корреспонденты» то есть, а обыкновенные уголовники. И пришли они по Сашкиной или Галькиной наводке, и никакие доски им не нужны, им бабки нужны. Доски они, наверняка, даже не знают куда девать. Значит, у меня только один шанс – идти в наступление!

Как только я это поняла, начала сразу же орать:

– Вы что же, сволочи, испортили мне мой рабочий инструмент? Ваши доски не проданы, они в посольстве, но я теперь не смогу их оттуда забрать! С такой рожей никуда и не пойдешь, меня сразу же менты повяжут, и что я им скажу? Что вы меня за своим товаром отправили?

Они от неожиданности опешили. Они ждали, что я начну просить пощады, а я с наглой мордой, с закрытыми глазами, со сдавленным кем-то горлом, еще и наезжаю! А этот длинный, у него изо рта так воняло где-то сверху, не поймешь чем, хоть рыжему неандертальцу блюй на морду...

Но тут бандюги сообразили, что сделали что-то не по инструкции. На их тупых мордах была нарисована неподъемная мысль, в том смысле, что из глубин их слабоумного

сознания она не поднималась. Даже мне, через пелену тумана, было видно и слышно, как у них мозги со скрипом шевелились. Значит, я все делала правильно! Сейчас они должны за свежей инструкцией попереться. Одного оставят, меня охранять, а двое удалятся на короткое время, равное одному телефонному звонку Гале, и вернутся. Не у Сашки же инструкцию получать. У меня был шанс задурить им голову!

Так, вспоминаем Лидушкину школу. Чему там она меня учила? – быстро думала я. – Кури больше, противник дуреет – нет, это для преферанса! Тараторь без остановки, главное не упустить инициативу – нет, это для ментов подходит. Они вынуждены слушать по долгу службы. А эти слушать не умеют, потому что за базаром ведь следить надо, а значит, соображалку иметь. А соображалки-то Бог и не дал, поэтому они рот начнут затыкать. Делай умное лицо, только отвечай, типа над их репликами думая, как можно дольше – вот это как раз то, что надо! Еще бы это все двигануть в жизнь. Опять ведь не удержусь, и понесет меня по кочкам».

Я была права. Все трое пошептались на кухне и двое удалились. Оставили со мной бритого с бычачьей шеей и всего какого-то квадратного. Я по стенке – и к зеркалу. Пытаясь навести резкость, смотрела, дурела и молчала. Было очень больно, но на ниточках глаза не висели, слава Богу. Из зеркала на меня смотрела совершенно не моя рожа, а какая-то жертва землетрясения. Как будто меня балкой по голове огрело, когда дом рушился.

Противный туда-сюда сзади ходил, сопел, соображал, что бы такое мерзкое мне сказать, а с другой стороны, чтобы это мерзкое еще и его оправдывало, а меня обвиняло. И вдруг он выдал:

– Ну, че вот ты дернулась? Если бы ты не дернулась, я бы, нечаянно, тебе в глаза не попал! – выдал он с ударением на первые слоги. Урка, прям...

Как вам это нравится? Он мне, оказывается, случайно чуть оба глаза не выдавил. А если бы я ослепла, то я бы виноватой оказалась? Ну, вообще!

Я помолчала-помолчала, а потом веско озвучила свою мысль:

– Слава Богу, что глаза не выбили, я теперь смогу увидеть ваши доски, а иначе кто бы вам их смог вернуть? Вот бы мои блэки обрадовались – им бы ваши иконы за бесплатно достались. А хозяин бы ваш за это вам вставил. За всю масть...

И он попался!

– Да что она мне может сделать, сука! Сама виновата, совсем другое нам плела. Придете, все заберете, а тут ничего и нету!

Ага! Это должен был быть самый обыкновенный грабеж! Значит это потому, что я Сашку после переезда в новый дом не впускала. Они подумали, что здесь полно товара, как в моей бывшей коммуналке. А я, переезжая, все во вторую квартиру увезла! А где она, только я одна и знаю! Какая же я вумная! Ха-ха-ха!

Так, значит, все правильно! Это Галина наводка... Времени у меня мало, срочно надо сообразить, как вырулить. Сейчас они вернутся и начнут искать у меня ключ от второй квартиры. Я все еще стояла у зеркала, а сама соображала: на общем брелочке у меня два ключа. Один от этой квартиры, второй от новой, той, где сейчас доски и товар. А от старой лежит отдельно. Но где? Где?! Вспоминай!!!

И тут я вспомнила! Он в шкатулке, где бижутерия! Как их теперь заставить обыскать всю квартиру и найти именно этот ключ! К тому же Сашка знал про вторую квартиру, и даже, приблизительно, где она находится. Надо на этом сыграть.

Через десять минут они вернулись. Значит, Сашка сидел в машине, никаких решений не принимал, но помогал советами, а Галина руководила из магазина. Ясно лошадь, колья рога, крутые вы мои! Бандюги пошептались на кухне и объявили:

– Мы тебе не верим. Мы знаем, что ты доски держишь в другой квартире, мы сейчас поедem туда и посмотрим. Если они там, мы тебе ничего не сделаем, продавай, а если нет, будешь отвечать по полной программе. Гони нам ключи и адрес.

– Можете проверять, но там никаких досок нет. Они все в посольстве.

Из сумочки я достала связку ключей и отдала им. Они сами проверили, который ключ от этой квартиры. Я объяснила, что второй ключ на связке от маминой белорусской квар-

тиры. Потом я достала ключ из шкатулки, выдала им адрес, и опять те двое уехали.

Ну что же, приступим к нашим планам. Я взялась его обрабатывать (в уголовном мире это называется разводить):

– Зачем тебе надо быть бандитом, когда можно и нормальным путем деньги на жизнь зарабатывать? Вот если бы вы мне глаза не испортили, я бы сейчас вам ваши доски быстренько из посольства доставила.

И стала тут же выяснять, какой у них был сюжет. Если мои мысли правильные, он сейчас еще раз попадется.

– Вообще-то это не наши доски, нас попросили их у тебя забрать, потому что ты людей кинула и не отдаешь ничего уже два месяца.

Как вам это нравится? Ни у кого, кроме Бобсона, я доски уже четыре месяца не брала, а до этого я их сама за наличные деньги сразу покупала.

– А если вам все наврали? Взяли и наврали. И никто мне никаких досок не давал? А? Ну и что тогда? – спросила я. – Просто вас сейчас подставляют. Что вы делать будете? Наш бизнес держится на честном человеческом слове. Вот представьте себе, я собираю всех людей, которые мне на комиссию доски давали, они свои доски забирают, как у нас принято, а больше ни одной доски не остается. Что вы будете делать? Они же вас в клочья разорвут! Во-первых, за лишнюю засветку мою у посольства. Во-вторых, за то, что в их бизнес лезут люди, которые в нем ничего не смыслят, а зна-

чит, могут его обосрать! В Библии знаешь что написано – «жатвы много, а делателей мало, молитесь Господина жатвы, чтобы выслал делателей на жатву свою». (Евангелие от Матфея.9.37–38) – с таким смаком и медленно выдала я все это, что, наверное, от святого писания он и прифигел.

Мои аргументы возымели действие. Он задумался. Как бы ни болели мои глаза, но я была почти на грани истерики. Невозможно было смотреть на человека, который, не имея мозгов, пытался ими шевелить. Попробуйте удержаться и не расхохотаться. А эта пытка, может быть, пострашнее, чем разбитая голова и красные глаза вампира.

– Если все, что ты мне говоришь, – правда, она, сука, за все нам заплатит! По полной программе! Нам-то какая разница, с кого бабки получать? Или с тебя, или с нее.

Опппаньки! Вот так вот дело, значит, обстоит? Эти же, нанятые тобой же бандиты могут тебя же и поймать! Значит, будем так дело разворачивать, чтобы все козыри были в наших руках. Надо ему объяснять еще медленнее, с расстановкой, чтобы он успевал доезжать...

– Вот смотри. За мной стоят люди. Они через меня кормятся. Делают со мной свои дела. Мы всегда на передовой. С одной стороны, менты, с другой – КГБейка. Кто первый поймает – тому и звездочки. И народ уже приспособился, друг к другу притерся... Как ты думаешь, если появятся какие-то третьи лица, как мои люди к ним отнесутся? Будут нежно и трепетно любить? Нет, рыбка моя! Глушить начнут. Троти-

лом! А еще по голове и долго. Ты сам-то понимаешь, куда вы влезли? Неужели вы думали, когда сюда шли, что за мной никто не стоит? Я каждый день и утром, и вечером отзваниваюсь. И если я сегодня, вдруг, не позвоню, значит, что-то случилось. У вас есть еще три часа времени. Если от меня не будет звонка, вам, ребятки, хана! И это последний срок. А твои мордовороты туда-сюда-обратно будут ездить ровно два с половиной часа. А мои уже подтянутся и будут выпасать вас на улице. Им, лично, до жопы, в законе вы или нет, потому что на любом сходняке вы окажетесь не правы. Лезете в чужую кормушку и мешаете бабки делать. И не забудь еще про ментов. И про контору. Они тоже свои возможные звездочки просто так каким-то залетным ребяткам не отдадут.

Вот я ему работку задала, так задала! Всю эту ахинею я говорила медленно и со вкусом. Чтобы окончательно дошло. Самое смешное состояло в том, что у меня ни одного знакомого бандита отродясь не водилось. Я всегда жила в нормальной социальной среде, даже без праздничного мордобоя, если не брать во внимание чайник и фестиваль. Какой из Толика бандит? Или из Бобсона с Менделеевым? Мы тогда жили все отдельно. Деловые сами по себе, а уголовники сами по себе. И про сходняки я ничегошеньки не знала. Я об этом читала опять же у Леонова в «Воре». Но главное – подать все со знанием дела.

– Понимаешь, – вдруг начал бритый, – мы не имеем ника-

кого отношения к деловикам. Мы самые обыкновенные урки. Мазь у нас такая. Сейчас на хавку себе промышляем. Я бы и не грабил, но больше ничего не умею делать. Вот если бы ты меня к себе взяла? У нас, иногда, тоже бывают иконы после грабежей, но мы в них ничего не понимаем, поэтому не связываемся. Хочешь, я тебе их буду таскать, а ты их толкать. Идет?

Ничего себе. Ученик, блин! А я, значит, профессорша или, на крайняк, учителька! Я сразу поняла, что он ищет возможность постоянно бывать у меня в доме и выслеживать, когда денег будет побольше. Никакая учеба его не интересует. Правильно говорит пословица: «там где капуста, там жди козла».

«Неужели ты думаешь, что кто-то что-то тебе когда-то покажет, даже если из кормушки будет сыпаться через край? Но пускай себе походит. Это все же лучше, чем смерть или увечье. А там мы еще, действительно, посмотрим, кто умнее. Тем более, что я ни за какие коврижки не буду продавать краденое. Мазь у меня не та», – решила я молча.

Я позвонила в никуда, сказала, что все у меня хорошо, но чтобы вечером приехали, а когда вернулись его поделщики, естественно ни с чем, они были поставлены в известность, что я не виновата, а грузить будут Галю и Сашку.

Оказалось, что наколотый у них главный!!!

А тут ему все так хорошо разжевали. Ничто так не способствует душевному спокойствию, как полное отсутствие соб-

ственного мнения.

Что там было дальше с этой семейной парочкой, я не знаю. Я больше никогда и ничего о них не слышала. Наверное, свернули на боковую улицу, да и заблудились... А я вначале что-то там про любовь... про музеи... про балет. А на самом деле все так прозаично, что даже иногда глазам очень больно. Поделом, значит! В первую очередь мне...

Удивительны дела твои, Господи! Но ты всегда меня охраняешь. Я буду на ночь молитвы читать. Еще я один оберег знаю, еще языческий: «Вот тебе кукиш, что хочешь, то и купишь. Купи себе топорок, руби себя поперек».

Сидела бы я дома до полного прохождения реабилитации в глазу. Но разве от своих мужиков что-то скроешь? Бобсон что-то нюхом пробил и явился поутру. Как меня увидел, так и поволок к врачам. Бошку опять зашили, в глазики дали капелек капать. Потихоньку зрение восстановилось. В результате пришлось мне сидеть дома безвылазно в течение целых двух недель.

И жизнь потекла дальше. Стал ко мне этот противный и бритый похаживать. Звали его, оказывается, Георгий. Жора, то бишь. Мы оба стали делать вид, что я его учу. Я и правда ему все показывала и рассказывала про иконы. А он делал вид, что слушает и понимает. Иногда Жора целыми вечерами заседал у меня на кухне, как будто ему некуда было деваться. Иногда задавал совершенно дурацкие вопросы, а од-

нажды спросил такое, что вошло надолго в наш обиход:

– Почему ты такая умная? Где набралась?

Мне тогда очень понравилось мой ответ:

– Я свои мозги всосала с молоком моей матери, не из хрена же!

Прошло какое-то время. Позвонила я как-то Наташке узнать про квитанции и напоролась на Толика. Он мне поновой:

– Люблю, люблю...

У меня к тому времени глазики прошли, я шить начала. Почти половина моих заказчиц были из «Росконцерта». Куда от них деваться? Толик через них и прознал, где я живу. И давай являться и нудеть про любовь. А тут еще и Бобсон ему про мои разборки рассказал. И давай они на пару мне доказывать, что бабе одной жить опасно, мало ли что может случиться... Уговорили. Хочешь, не хочешь. Вот тогда мы и решили опять поменять жилье, уехать подальше от Москвы, ети ее мать. Няхай!

Через Ежи Ращевского мы нашли дом за городом. Хотя и дореволюционной постройки, но крепкий, как старый дуб. Находился он в деревне Немчиновка, третий дом за углом от электрички. Туда мы и переехали.

С тех самых пор все и полетело в тартарары..., дико хохоча и набирая скорость!

НОВАЯ ЖИЗНЬ

Именно тогда в нашей жизни и начались ошалело-глобальные перемены. Именно тогда рассыпался чечено-молдавско-еврейско-азербайджанский коллектив. Понаровская влюбилась в Вэланда Рода. Правда, он для этого приложил максимум усилий. Будучи вегетарианцем, на гастролях, по утрам, он бегал на рынок и к ногам проснувшейся Ирины бывали брошены утренние цветы в росе, свежий творожок, сметанка и свежайшие соки, сделанные самоличными отелловскими ручками. Ножка, которая опускалась утром из-под одеяла, была обцелована нежными черненькими губками.

И все это вдали от столицы и нашего знаменитого критика. Он-то не ездил с Ириной на гастроли, а занимался делами в Москве, доверив подглядывание, подслушивание и подстукивание Толику. Нашел, кому доверить. Мой третий муж и хорошо поставленное дело способен был загубить... Что и случилось.

С очередных гастролей Ирина и Род спустились по трапу самолета к встречающей публике как муж и жена, под руку, и сразу же объявили народу, что будут жить вместе. И это независимо от того, что у Вэланда уже была молодая жена с трехмесячным ребенком на руках, которая тоже встречала его прямо в аэропорту, рядом с Юрой Володиным.

Так закончилась работа Толика с Ириной Понаровской.

Аминь.

Месяц Толик валялся на диване. За городом страдать очень тоскливо, особенно под заунывный осенний многосерийный дождик. А в тот год осень была очень сопливая и нудная. В результате вода подмыла наше крыльцо и одна из моих клиенток там провалилась.

Почему желающих прийти на шашлыки бывает значительно больше, чем желающих помочь отремонтировать крыльцо? Приехали только Ежи да мой водитель Сашка. Ну и мы вдвоем.

Ремонтеры, блин.

Ремонтировать взялись после обеда, потому что с утра опять сильно лило. Решили приколотить три новых доски. Но не тут-то было. Крыльцостало разваливаться прямо под руками. Пришлось искать в сарае подручный материал и инструмент – кирпичи и лопаты. Ямы копали аж два дня. Выпили за это время семь бутылок водки, я не успевала резать бутерброды и жарить на улице мясо.

Первую яму, которая была ближе к углу дома, вырыли как-то быстро, а вторую копали уже в холодине и полной темноте, поэтому, когда Толик наткнулся лопатой на что-то гулкое, никто не обратил внимания. Кирпич, наверное. Но этот кирпич не переворачивался лопатой. Тогда в яму влез Еж и только через двадцать минут кряхтенья и мата вытащил, точнее выкатил по стенке наружу старый чугунный горшок.

В таких моя бабушка Юля корове и свиньям в печи кар-

тошку парила. Горшок был залит сверху черным гудроном, который засох за сто лет до моего рождения и никак не поддавался ни ножу, ни лопате. Тогда три мужика, кряхтя и приседая, потащили горшок к сараю. Там лежал здоровенный валун, об который они с размаху и ткнули горшком. Дальше наступила паралитическая тишина, потому что мужики развалились на земле в стороны, а наружу вывалилось что-то блестящее и звонкое и тоже развалилось россыпью по свежей, только что основательно политой осенним дождичком земле.

Мы оторопело уставились на содержимое горшка. Первым очухался Еж. Он нервно распушил песнярские усы и, заикаясь на каждом слове, заговорил скороговоркой и шепотом:

– С-с-срочно в-с-с-се с-с-сгребаем и в-в-в д-д-дом!

Действительно, чего сидеть в темноте и в луже, когда дом рядом и соседей нету. Осень. Все в городе.

Собирали мы битый горшок и все, что из него высыпалось, так тщательно, что нагребли кучу грязи, камушков и листьев. Вы видали когда-нибудь целую гору золотых монет, всяких ожерелий, колец, цепей, крестов, брошей и прочих кулонов вперемешку с мокрой землей?

А вы говорите декаденты...

Мы высыпали все прямо на стол в столовой, а сами молча уселись вокруг и зачарованно уставились на экзотическую кучу. Оно и, правда, завораживало так, что перехватывало дыхание и под ложечкой организовывало безвоздушное про-

странство.

Мы сидели, смотрели на неслыханную невидаль и тихо шизели. А потом руки, которые загребушие сами, сволочи, потянулись и начали все щупать. А оно все переливалось, в глазах двоилось, троилось, особенно камушки. Если прищуриться.

Это только потом до меня стало доходить, что Бог нас точно поцеловал, но только в лобик, как покойничков. Именно тогда я и поняла, что золото есть благо и зло одновременно. За первыми радостными мыслями стали приходить и вторые, и третьи, и пятые, а потом и деся-я-ятые...

– Ну и что будем делать-то? – выдохнул, наконец, вопросом Толик и, почему-то, уставился только на меня.

– Ну, не сдавать же товарищам понесем? Мы же пока еще не идиоты! Или ты решил, что мы и, правда, контрабандисты и строители коммунизма в одном лице?

– Ну и что тогда мы должны предпринять? – Это подал голос Еж.

Как быстро примкнул. Хотя, с другой стороны, это его знакомые сдали нам дом в наем, так что он явно в доле, так же как и Саша, потому что все вместе нашли, значит, всем поровну. На одно рыло одну порцию. Только сколько она будет весить? В бабках, например? Мое предложение прозвучало так:

– Если мы сейчас поделим все поровну и каждый заберет свою долю, нас скрутят на первой же продаже, потому что мы

обязательно побегим продавать хотя бы один золотой. Надо сдавать только с одних рук по знакомым и очень аккуратно. Я вот уже имела опыт продажи брюлликеров отбывающим на историческую Родину евреям. Эти, хотя бы, будут молчать. Они больше нас всего шугаются. Поэтому нужно потихоньку сбывать, начиная с евреев через моего знакомого ювелира.

«Как втихую раскопали, так теперь втихую надо и закопать... а есть еще вариант продать часть послу, а часть переправить за бугор и там сдать», – подумалось издалека...

– И как скоро ты что-то продашь? Мне очень нужны бабки. Да. – Это Еж такой голодный оказался.

– И мне. – А это Саша подал голос.

– И на сколько частей будем делить? – Это уже «мой любимый» выступил соло.

Вот кому, по правильному, бабки в руки ни в коем случае не должны попадать. По понтам его вычислят молниеносно. И быть с ним в одной доле я не хочу. Останусь с голой задницей, это точно, – опять подумалось тихо...

– Вы как хотите, но мое мнение – нужно делить на четыре равные доли. Сегодня я замужем, а завтра неизвестно что будет. Мы все смертны, у всех есть дети, и рассматривать нас нужно поштучно. Я есть индивидуальная единица. Все.

– Вообще-то я не против, – сказал Толик.

– Я, тоже, потому что без тебя мы ни черта не продадим. – Еж.

– Я тоже за. Но делить мы будем прямо сейчас. Сама ска-

зала, что мы все смертны. Только мы должны дать друг другу слово, что продавать будем через Нину. Я, например, уже сейчас хочу продать два золотых, мне пока хватит, – добавил Саша.

– Хорошо. Я согласна. Давайте каждый продаст по два кругляшка, а остальное поделим поровну прямо сейчас. Только запрятать нужно так, чтобы даже жены не знали. Главное теперь опять правильно закопать! – наконец-то выдала я вслух.

– Хорошо! – сказали все хором и на том сошлись.

Мы старательно очистили золото от мокрой земли и приступили к дележу. Золотых оказалось: тридцать штук по десять рублей, пятнадцать по двадцать пять рублей, остальное в изделиях. Колец было пятьдесят штук с разными камнями, пять больших брошей с бриллиантами, семь небольших брошей, двенадцать золотых цепей разного размера и толщины, двадцать два браслета с камнями и без них, тридцать комплектов серег, пять тяжелых золотых крестов. На самом дне горшка оказалось, как по заказу, четыре слитка и шесть золотых часов. Еще там были восемь нитей жемчуга. Я в жемчуге не понимала ни фига.

Вот и раздели тут, попробуй, поровну.

Делили мы всю ночь. С золотыми было проще. Они круглые и одинакового размера. Кто недобрал один золотой по двадцать пять, взял себе лишнее кольцо с брылликом. Так и делили, сначала поровну, что делится, а потом путем пере-

кладывания из кучки в кучку.

Уже утром каждый выдал мне по два золотых червонца. Даже Толик. Интересно, куда он будет свои бабки транжирить?

Но на улице нас ждало крыльцо. Вы видели, как работали Стаханов или Ангелина Забелина? Ударнику коммунистического труда делать рядом с нашими мужиками было нечего. Это ямы они рыли два дня, а крыльцо починили за три часа, вместе со столбиками.

А потом всех как ветром сдуло. Даже Толика. Он честно признался мне, что потащит все маме в Баку.

– Да езжай куда хочешь, только бы твоя мама молчала. И мы теперь, мой дорогой, будем жить в складчину. Ты тоже будешь выкладывать денежку. Хватит мне пахать на ниве обслуживания клиентов. Для начала я вычту из тебя все мои бывшие вложения, включая миллионы из конверта.

Конечно, я тоже все повезла к маме. Она тут же грохнулась в глубокий обморок и стала уговаривать меня сдать все государству. Ну, ничему ее жизнь не научила. А ведь жизнь у нее была – не приведи Господи.

ПРЕДКИ

Дед мой, Еперин Филипп Иванович, 1873 года рождения, был из рода сосланных дворян. Причем сослали моих прапрапрадедов в Сибирь, в село Преображенка Тобольской гу-

бернии, еще при царе Горохе. Вроде как Иване Грозном, что ли. Чем-то уже тогда мои прапрапрадеды ему не угодили. Тоже, наверное, чуваки были еще те, только в государственном масштабе...

Вот в кого я такая неутомная нутром. В предков.

Дед Филипп революцию не принял и сражался с ней, как только мог. Даже в сибирских лесах с какими-то вольными мужиками в армию Колчака вступал и был там при должности. И товарищи с красными носами и красными знаменами ему этого не простили. Свели свои гнусные счета еще в 37-м.

Но до этого дед мой женился на местной красавице с явными признаками восточных монгольских кровей и родил на свет четверо детей. Моя мама была младшенькая и несчастливенькая... Однажды днем загорелся от грозы дедов большой двухэтажный дом, а мама оказалась в нем.

Привезли ее в больницу, а там врачи даже братья не захотели. На животе только тоненькая пленочка была и вся внутренность, как на ладони, просвечивались. Поставили ей приговорный диагноз и отправили домой помирать. Хорошо, что мой прадед был церковным старостой, а при храме жила старенькая богомолка. Она-то маму и выходила. Целых три месяца держала в корыте с лампадным маслом. Мама выжила, но спайки на животе остались страшные.

Немного погодя и деда моего, Филиппа Ивановича, забрали. И не одного. За всем Еперинским родом долго гонялись

по Сибирским просторам, пока всех мужиков не истребили. Правда, я так и не поняла, что они такого народу сделали? Вроде бы ничего. Может, фамилия знатная? Из серии Елагины, Онегины, Аигины...

А бабушка, Александра Васильевна, по весне, ровно через год, из аппендицита не выбралась. В селе Преображенка больница оказалась на той стороне реки Оби. Не довезли по ледоходу, не успели чуть-чуть.

Осталось их четверо детей. Саша, Мария, Коля и мама Зоя, самая маленькая. А времени от пожара до ареста прошло ровно столько, сколько хватило моим дедам новый дом построить. Дом дед отстроил знатный! С резными ставнями и большими горницами. Двухэтажный! Даже обставить мебелью успели, новой, бархатной и с финтифлюшками. После ареста дом власти конфисковали и сделали там поселковый Совет.

Но кроме дома еще и добра много осталось. Новая, бархатная мебель с этими самыми финтифлюшками и прочими аксессуарами. Тут же набежало родственничков со стороны бабки до фи́га и больше. Добро поделили, разобрали, ну и детей в придачу. Маму забрала какая-то троюродная тетка. Детей у нее было шибко много, а мама им нужна была, чтобы этих детей поднимать.

Какая из нее нянька, с таким животом, на котором кожа только-только выросла. Но им-то что? Это же еперинская, из пришлых. Мама моя этих чужих детей на своем животе и

таскала, как только не надорвалась? Иногда бывало такое, что ей в доме места не хватало, тогда ее отправляли спать в сени. Летом оно ещеничего было, а зимой в Сибири не жарко, поэтому она, чтобы не замерзнуть, залезала к собаке в будку. Там и спали в обнимку, там и ели вместе.

В общем, довели маму до того, что у нее началась дистрофия. А тут приехала из города еще какая-то родственница. Тетка на воде киселя. Пелагея Ивановна. Полина, по-нашему. На маму посмотрела, да и решила забрать ее к себе. Но поинтересовалась:

– Девка-то хоть работающа?

– Да-а-а. Работающа! Вона, как моих-то голозадых-то на себе тащы-ы-ыт! Да и все по дому рабооотат.

А у Полины Ивановны тоже полы мыть надо, да некому. Она хоть и начинающая, но в местном драмтеатре актриса. Личность! Прислугу пора нанимать, муж главный бухгалтер ремонтного треста, да денег жалко. А тут такая халява! Вот так моя мама попала в Тобольск.

Стирала белье, гладила, готовила, но еще и училась в школе. Сама, как умела. Никто и никогда не заглядывал в ее тетрадки и не интересовался про учебу, она только и слышала:

– Зойка, че туфли не чищены? Че посуда не помыта? Че печь холодна?

Так и выросла у чужих людей. Потом школа закончилась, можно было поступать в техникум. Когда она сказала Полине Ивановне про техникум, та взбунтовалась:

– Ой! Чё удумала! Да тебя туда никогда не примут! Ты ж дочь врага народа!

Но мама ей не поверила, документы в техникум сдала, а потом и поступила. Назло судьбе. Так она впервые в жизни стала жить и работать сама по себе. И для себя. В общежитии. Жила и завидовала детдомовским детям. Они все в техникум поступили обутые, одетые и сытые, да еще и повышенную стипендию получали. Мама до сих пор жалеет, что их по рукам разобрали, лучше бы сдали в детский дом.

Училась в самое страшное, военное время. И даже завела себе первую любовь, которая не сложилась, потому что мама стеснялась своего живота. А когда закончила техникум, шел год сорок шестой. Всех детей по миру разбросало. Старший брат Сашка погиб на войне. Второй брат Коля оказался на севере, в поселке Аксарка, недалеко от Салехарда. Сестра Мария жила в Тюмени. А тут маме дают, после военной голодухи, прошедшей в учебе, направление на вольную жизнь. Куда пожелаешь. Во все концы Советского Союза. Она выбрала город Салехард. Все-таки к брату поближе. Родная кровь, хотя и конец географии.

Обошла она всех своих знакомых. Ей в дорогу и собрали, кто что смог. Одна бабка подарила валенки без подошвы. Вторая калоши к ним, вот тебе и подошва. Третья солдатское одеяло, которое у нее в сенях вместо половика на полу лежало. Пелагея Ивановна отдала две старенькие, тоненькие, штапельные кофточки, из которых выросла сама. На Север

под пальтишко на рыбьей чешуе в самый раз. А девочки из техникума подарили чемодан из фанеры.

И поехала. С пересадкой в городе Свердловске, где ее благополучно ограбили, подсунув подержать новорожденного младенца. Увели чемодан вместе со всем потрясающим гардеробчиком. Класс! Во, кто-то разжился!

Стояла она с этим писклявым кульком на платформе и ревели белугою, на весь вокзал. А в это время мой будущий папа мимо шуровал. Ну и тормознулся помочь. На всю жизнь.

А у папы другая история. Они попали под добровольное освоение Сибири перед самой войной. На самом деле под «раскулачку». Подняли всю семью из Белоруссии и отправили. Тогда никто ни у кого ничего не спрашивал. Там они всю войну и прожили. Бабушка Юля, дед Сергей, и дети: Антон, Оля и младший, мой папа Николай.

Деда и Антона призвали на войну, Ольга и папа остались с бабкой. Папа не дорос чуть-чуть, не взяли. Бабка у меня из крестьян, хотя фамилию носила знатную, польскую, Лепешинская. Это от прабабки. Прабабка красавица была, а как пела!!! Бабку мою родила от пана, он ей и фамилию свою дал, но умер рано, вот его красавицу и заporола старая жена пана до смерти.

Моя бабушка Юлия была труженица-максималистка, я тоже где-то краем в нее. Развела хозяйство в Сибири, как у кулаков. Хорошо, что был не тридцать седьмой год, а то бы... Судите сами: три коровы, несколько свиней, куры, гуси, ут-

ки и индюшки без счета и огромный дом. Вернулся с войны только дед, да и то только после японской, через черт знает сколько времени. Без зубов из-за цинги, но целый. А Антона война съела. Моего папу призвали в сорок третьем, в самом конце. Он даже успел в военном училище в Ленинграде поучиться, но поймал там туберкулез на учениях в холодной, морской воде, его и списали, а через три дня война закончилась. Он в госпитале отвалился и к бабке подался на откорм. Приехал он домой, а там бабка Юля по родине тоскует, по Белоруссии. И подбила всю семью обратно ехать. Они свое хозяйство продали, и два дома, и коров, и свиней, и кур, и гусей, и индюков... С целым мешком денег, в Свердловске пересадка.

Представляете? Мой крутой папа, денег лом, идет по перрону, а тут какая-то тощая, маленькая, облезлая, белугою воет. Ну, ему и стало жалко.

Жалость, как и оттопыренные уши, наш семейный знак качества. Если бы не жалость, то и у меня, и у папы, и у сына вся жизнь сложилась бы совсем по-другому.

Папа влюбился сразу и на всю жизнь. Для того чтобы еще круче выглядеть, даже наврал маме, что учитель сельской школы. А она и поверила. Тогда поезда унесли их в разные стороны, согласно плацкарте, но он помог маме и с младенцем, и с деньгами.

А мама приехала к чукчам, или ненцам, я не очень в этом секу, в далекий город Салехард и сразу к начальнику:

– Я к вам на работу приехала.

Посмотрел он на нее и говорит:

– Девочка, я детей на работу не беру, детский труд у нас запрещен.

Тогда мама направление на работу показала, тут он аж за голову схватился. И велел маме валенки снять. А там вы сами знаете что – ни чулок, ни носок, ни подошвы нету. Он еесразу же на склад и привел. Там ее обули и одели. Она в первый раз и разрыдалась от человеческого тепла. Развезло. И от тулупа, и от валенок с чулками и теплыми шерстяными носками, и от теплых штанов с начесом до колена, вы таких и не видали, наверное. Согрелась по-настоящему.

Ровно через год за ней приехал мой папа. Все это время они переписывались. Я толком так и не поняла, почему мама согласилась выйти за моего папу? Она говорит, из-за того, что они все продуктовые карточки быстренько съели. Деньги тогда были не в ходу, поэтому ей пришлось принять его предложение. Но я думаю, дело тут в другом...

Поехали они в Белоруссию. А к этому времени случилась денежная реформа и у наших дедов все деньги сожрала. Стали они обыкновенным мусором. Коровы и свиньи, куры и индюки, даже дом стали стоить ноль рублей и ноль копеек. Если совсем точно, то всех денег хватило на мешок картошки.

Мешок денег на мешок картошки. Класс!!!

А тут приезжает папа в дом, где все стены, как решето,

прострелены. В их избе, по-белорусски – хате, немцы партизан периодически отлавливали. Только они кое-как дыры заделали, начали жить, а тут папа прибыл и подарочек нарисовался. Бабка как маму увидала, рано утром по весне, всю замерзшую, промокшую, тощую и зеленую, так и запричитала.

– Дитятко! Якая ж з тябе жонка? Ды тябе ж нада аткармливаць хутчэй!

На свадьбу им подарили кусок домотканого холста на матрас, в матрас набили соломы, и папа сам сделал деревянную кровать. Я ее еще помню. Через год родилась я! Ох! Краса ненаглядная!

Я вступила в жизнь в одна тысяча девятьсот сорок восьмом году, в октябре. Недоношенная, тоже зеленая, тощая, один килограмм пятьсот грамм. И вся в струпьях. Наверное, от голодухи. И на всю жизнь одна. Маме и меня-то нельзя было рожать с ее животом. Первый год жизни меня держали на печи, боялись летального исхода, но я выжила. Наверное, Господь решил, что я должна пройти свой «путь от утробы и до гроба», как говорила наша любимая Раневская, повеселив окружающее пространство своей дурью и оптимизмом.

Представляете, что с мамой было, когда я привезла кучу золота и бриллиантов. Мама как увидала, так и шарахнулась от меня, как от чумы. И это после такого детства, когда у нее отняли все. Жизнь человеческую, родителей, любовь отца и матери, радость любви всей семьи, даже историю рода! У нас

даже фотографии все в доме сгорели!

Вообще удивительных людей нарожала земля наша ма-тушка. Их убивают, а они поют «Интернационал». Их сажа-ют в лагеря, а они рассуждают там о величии Ленина и Ста-лина. Спорят до хрипоты о том, что вожди наши самые луч-шие в мире, просто они были просто не в курсе, как издева-ется и что вытворяет нижний эшелон власти. У них отбирают все, а если Господь решает восстановить справедливость и вернуть хотя бы часть утраченного, они готовы бежать впри-прыжку, тащить все в клювике и сдавать сволочам коммуня-кам.

Я спорила с мамой два дня. Убеждала ее и так, и сяк, и на косяк. Еле уговорила молчать, как рыба и никому никогда не проговориться, даже папе, что есть золото в нашем доме.

В общем, вернулась я в Москву. Здесь все было по-старо-му. Приехал Толик и привез такие же новости, как и у меня. Его ненормальная мамаша тоже чуть не хватанула инфаркт.

Ну, где еще на белом свете есть такие ненормальные лю-ди? По-моему, только в этой странной и удивительной Рос-сии. Слава Богу, что мы уже другие. А дети наши станут еще другие...

Да? Как вы думаете?

ПЬЯНОЕ ЗАКУЛИСЬЕ

И все же – не могли же мы теперь бросить все дела и ле-

жать на диване. «Блэки» не поймут, да и Посол мне еще нужен.

Я нашла своего старинного приятеля Леню, с которым мы когда-то занимались брелликами, и отдала на реализацию восемь золотых монет. Он ювелир. Я сказала ему, что монеты эти не мои. Мне их дали только на реализацию.

Теперь в Москве ближайший месяц делать было нечего. Шить не хотелось совершенно. И тогда я решила прокатиться по гастролям, подальше от Жорика, который мог неожиданно нарисоваться на горизонте со злобой во взоре.

Нам повезло. Толик как-то быстро созвонился с какими-то ребятами, куда-то съездил, и уже раз – и мы работаем. Оба! Это был тот самый коллектив, с которым нас свела судьба еще в Чечне, на платках.

Коллектив назывался «Времена года». Работать надо было от Горьковской филармонии. А нам-то что? Что Чечня, что горьковня, нам, татарам, одна хрен! Да и подальше от Москвы. Мало ли чего? Еж или Саша сегодня молчат, а завтра могут рот открыть, и такое вдруг оттуда полезет!

Ребята в коллективе оказались на удивление хорошие и дружные. Жили шумно и весело, все вместе, скопом. Толик устроил меня костюмершей. Все равно шью. Пускай лучше за деньги. И стала я с ними ездить на гастроли, почти всегда, когда меня отпускали Бобсон и Док с Джозефом. Вместе я их не сводила. Моя работа есть моя работа, я ее должна делать сама. Бобсон вел подготовку, подбирал ассортимент икон,

реализовывал товар, все подводил под отчет. Я приезжала, вывозила товар, производила с Мадам окончательный расчет и пересчет.

С самой первой гастрولي моя жизнь стала как зебра. Полоса эстрады, полоса контрабанды, полоса веселой и бесшабашной жизни, полоса полного стрема с избытком адреналина. Гастроли, гостиницы, суточные, приезды, скверик, сдача, Мадам, Посол, иконы, товар, Бобсон, поезда, отъезды...

Гастрольная жизнь мне понравилась. Переезды, города, поезда, самолеты, север, юг. Чего только ни происходило на гастролях! Также весело, как и в моей контрабандной жизни. Но главное, что случилось на гастролях, – мы перестали ругаться с Толиком. Мы наконец-то стали совершенно чужие друг другу. Поняли, что не только он мне не нужен, но и я для него чужой человек. Чемодан без ручки. А когда над тобой ничего больше не нависает, перекрывая доступ кислорода, как же легко дышится! Это было главное сокровище, добытое из горшка.

В Горьком я познакомилась с удивительными людьми. Знакомьтесь, один из них. Мой сводный брат Витюн Жирухин. Он работал в коллективе мимом. Не мимо, а мимом, в смысле показывал пантомиму. По молодости и наглости он поступил даже в эстрадно-цирковое училище. Вы все знаете, что в артистических учебных заведениях на первом курсе учатся народные артисты, на втором заслуженные, ну а на третьем просто артисты, которых потом засылают на работу

в какую-нибудь тмутаракань, типа Сыктывкар. Хорошо, если на третьи роли, а то и вовсе на массовку статистом.

Город Сыктывкар находится как раз через дорогу от северного полюса. Вы в курсе. На счастье Вити, его заслали не одного, а в компании таких же молодых и честолюбивых. Все вместе они осваивали просторы тундры, ездили по кацапетовкам (от слова КАЦАП – значит русский), любили одних и тех же девушек (потому что их там вообще мало). Однажды ночью даже спали на бильярдном столе, в каком-то Богом забытом клубе. Получали одни и те же копейки за весь этот нечеловеческий труд в тяжёлых арктических условиях, вместе с белыми медведями и северными сияниями, когда полгода день, а полгода ночь. Но вы молоды и энергичны. Вы ещё не знаете, что такое простатит, радикулит и цистит, которые вы себе там наживаете, в надежде на светлое будущее. Вы ещё не вступили в тот возраст, про который Маррти Ларни правильно сказал:

– Возраст, это когда человек начинает терять волосы, зубы и иллюзии...

А потом один из них оказывается более самолюбив, чем другие, и переводится в г. Горький. И после скандала с «неправильным гардеробом, исполнением и поведением» становится звездой. Валерием Леонтьевым. Постепенно к себе в Горький он перетаскивает своих северных друзей. И Витюна тоже. И даже сосватывает ему в жены девушку из своей подпевки – Шарлотку.

За неимением квартиры Витюн и Шарлотка жили в местной гостинице. А г. Горький был тогда знаменит тем, что там совсем по-чёрному пили, прямо с утра! Мы так его и звали – пьяный Город. Это, наверное, потому, что нельзя такими словами обзывать целый город. Вместо город Нижний Новгород – Горький! Он, и правда, станет энергетически отрицательным. Горьким для его жителей....

А еще Бог мне подарил Вовку Кулешова! Спасибо тебе, Господи! Как он умел и любил дружить!!! И, что самое главное – он научил дружить меня!!!

Может, это жизнь его толкала к людям, или может еще чего, но он был наш любимчик. Бог наградил Вовку всеми известными на белом свете талантами. Он пел, играл на гитаре, рисовал, сочинял стихи, сочинял музыку, мог экспромтом выдать такую остроту или каламбур или еще что-нибудь неожиданное, что все диву давались. Причем он относился ко всем своим талантам по-настоящему, на полном серьезе. Когда он понял, что у него есть голос, он запел. Потом слушал-слушал мнение друзей со стороны, поверил им и... поступил в консерваторию, захотел стать оперным певцом. Два курса проучился отлично, но вдруг бросил. Поступил в театральное училище и решил стать артистом. Параллельно он решил, что станет художником и очень в этом преуспел, зарабатывая на жизнь тем, что расписывал панно в кафе и оформляя витражи и окна... в магазинах. Это было профессионально и потрясающе красиво.

Весь свой дом он наполнил портретами своей любимой жены Светланы, маленькой дочери и собственного себя любимого. А еще он писал потрясающие стихи, и сам же сочинял к ним музыку. Стихи, в основном, были про любовь, а это значит про Светку. Эти песни он пел на кухне нам, своим друзьям, а мы слушали, разинув рты, и восхищались.

На сцене он работал конференсье и пародистом. Пародировал он до такой степени похоже, что, иногда под утро, набравшись водки, мы звонили по друзьям и городили такие огороды чужими голосами, смех да и только. Мы развлекались, а народ верил!

Вовка был человеком с большой буквы, другом с большой буквы и артистом с большой буквы. И было у него друзей невероятное количества во всех городах и весях Советского Союза. Вся эта куча друзей постоянно передвигалась транзитом через Москву, а значит, через Вовкину квартиру туда и обратно. Приезжали в Москву по делам, а значит, останавливались у Вовки.

Вот так влюбляясь друг в друга, мы ездили на гастроли или репетировали новый репертуар в гостинице и ждали поездок домой.

ГОЛОДНОЕ ПОДПОЛЬЕ В СОВЕТСКОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

Помню один такой приезд домой. Не успела я перешаг-

нуть порог дома, как тут же истерически заорал телефон. Такое впечатление, что он изо всех сил терпел-терпел, как придиаре, а как только почувствовал, что мы подошли к новому крыльцу, не выдержал и...

В трубке так же истерически орал Док. На предмет интереса про нашу совесть. Конечно, у нас есть совесть. Конечно, могли и раньше. Начинаю звонить Бобсону. Там тоже полный аврал. Док тут же вместе с Джозефом сорвались с места и уже через час были у меня с грандиозными новостями.

Три посла решили вместе вывезти очень много товара. Все дело в том, что один из них уезжал домой, в Африку, навсегда. Срок закончился. Вот они и решили, на посошок, деньжищ загрести побольше. Оказывается, один раз в полгода посольства имели право, порознь или все вместе, отправлять за границу один большой фургон диппочты.

То есть, берется один большой «Рафик», забивается битком до самой крыши, печатывается и отправляется за рубеж без права досмотра, то бишь, вскрытия. Три посла решили этим правом воспользоваться. В складчину. А как же, у них же Нина есть. И сама честно заработает, и другим даст. В общем, все по-честному. Можно облокотиться.

Раньше товар перевозили какой? Сугубо в размер чемодана. А при машинной транспортировке можно было закупать самые большие иконы, размером в дверь. В Москве такая громадина стоила в два-три раза дешевле, потому что размерчик был неходовой и в чемодан только распиленная

влезала.

И начались у нас новые контрабандные будни. Бобсон с Менделеевым производили отбор, потом свозили доски во вторую квартиру, потом Саша-таксист производил переброс товара ночами в посольство, попеременно то с Доком, то с Джозефом, иногда перегружая на дипмашины. Я же вместе с Мадам по ночам сортировала и упаковывала в ящики, описывая и составляя каталог. Ночью пашем, а днем спим. И все должно быть тихо-тихо, чтобы ни одна душа даже в самом посольстве не могла догадаться и заподозрить. В наше дело был посвящен только повар. Звали его очень смешно. Посебул. Перевод с английского: возможно, может быть. Просто он всегда приговаривал: «посебул, посебул»...

Работали мы с Мадам, не покладая рук, целых две недели, и целых две недели я жила в посольстве. Через четырнадцать дней мы подвели итог. Икон было упаковано на сумму около пятисот тысяч рублей. Самая большая была размером с окно. Все остальные чуть-чуть поменьше. Послы оплатили триста тысяч, а еще на двести с хвостиком мы взяли на комиссию. Пришлось скрести по собственным сусекам. Это было сложно, потому что золотые монеты все еще не были проданы, да и вообще они не имели к послам и иконной команде никакого отношения.

Доски на комиссию взяли на один месяц. Значит, надо было как-то пережить этот месяц на подножном корму. Обрат-но нам должны были привезти товар.

Много товара. Очень много товара.

Платки, часы, аппаратуру и еще носильных тряпок для себя. Приодеться надо же. Мы же еще молодые.

Приняли такое решение: Толик уезжает на гастроли, а я и Менделеев переезжаем жить к Бобсону. Во-первых, экономнее, во-вторых, у Бобсона маленький ребенок, куда с ним подашься. А еще у Бобсона трехкомнатная квартира. Места много.

Я оставила адрес и Доку, и в посольстве. Дом, в котором теперь мы все жили, был совершенно новый, квартира на десятом этаже не до конца обставлена, даже телефона нет. Только автомат на углу. В самой большой комнате был диван, который достался мне. Напротив прямо на полу стоял видюшник со всеми примочками. Менделееву достался пол в детской комнате с надувным пляжным матрасом. В спальне на новой большой кровати – Бобсон и его жена Лена.

Лена это вообще отдельная история. При всей Бобсоновской элегантности и заматерелости он мог бы выбрать что-нибудь и получше. Это было такое бледное создание, маленькое, тощенькое, всегда ходящее в старом и рваном халате, из-под которого впереди торчала старая ночнушка. Сам халат был когда-то стеганным, а теперь все нитки порвались и висели бахромой. А еще он был весь в пятнах и с пуговицами, выдранными снизу ровно до талии.

Спать мы укладывались под утро, потому что почти всю ночь жили на моем диване в бледно-молочном свете мер-

цающего экрана телевизора, а просыпались после обеда, делать-то все равно было нечего. У нас наступило время Полного Ничегонеделания. Дольче фар ньенте – как говорят немцы. Шить я не могла. Клиентам незачем знать, почему я не дома.

Проедая мизерные остатки денег, мы ждали. В конце концов выяснилось, что денег нет даже на хлеб. Ни копейки. Спасла нас соседка. Дала нам в долг сто рублей. Стали жить дальше. Месяц медленно-медленно, но заканчивался. Вот уже два дня осталось.

От видеофильмов меня стало тошнить. Одно и то же. Стрельба, кровища, монстры, инопланетяне в соплях, трупы, вурдалаки, оборотни да порнуха... Тоска.

«Скорее бы это все закончилось», – молила я Бога и не представляла, что все еще только начиналось...

Прошел месяц, прошло еще два дня. На последние деньги я поехала к Доку. И получила потрясающую новость:

– Мадам нету. Машина с товаром потерялась, поэтому она вместе с Джозефом уехала ее искать. Обычно большую отправку делали через Брестскую границу, но так как на этот раз груз был ну уж очень хорош, решили переезжать в Финляндии. И так это дело законспирировали, что даже мне про это не сказали. «Рафик» ушел и с концами. С тех пор про него ни слуху, ни духу.

От злости я выгребла у него денег, сколько нашла. Хоть на жизнь.

Док рекомендовал ждать Мадам. А что еще делать? Я звонила втихомолку Лене. Он обещал все бабки выдать через две недели. Сумма-то большая, и покупатель ее пока собирал. Я, конечно, поняла, что никакого покупателя нет, а деньги ищет сам Леня. Не каждый день ювелиру попадаетея настоящий товар, а не подделка.

Мы ждали еще... целый месяц. К тому времени вернулся Толик, у которого мы тоже забрали все деньги. Но и они быстро закончились. Мы еще три раза опустошали соседский кошелек. Скоро деньги кончились и там. Остальных соседей мы не знали. Брать деньги больше было неоткуда. И вот на последний пятак в метро мы снарядили в путь-дорогу Менделеева. Пусть у друзей хоть что-то займет.

– Без еды и денег обратно даже и не возвращайся! А то померем голодной смертью.

На улице уже была зима. Заезжали мы по осени. И «пошел он, метелью гонимый» по голому, застывшему и замороженному полю, весь какой-то скукуеженный в тоненькой курточке и ужатый от ветра и снега. Вернулся через пару часов. С деньгами. И привел с собой друга с авоськой еды и водки.

Мы продержались еще одну неделю.

Хуже всех было Ленке. Ведь ей надо было не только нас кормить, но и своего двухлетнего сына. А он кричал: «Мать! Карми музыка! Музык есь хочет». Я, конечно, была самая виноватая. Виновата, что негры мои. Виновата, что в их квартире сидели. Виновата, что с Ленкой на кухне не мая-

лась в творческой тоске. Виновата, что денег не было...

Так продолжалось еще целый один месяц. Месяц общественных мучений.

Но вот однажды поздно вечером, по прошествии двух месяцев с длинным хвостом, когда мы в душе уже поставили на этом деле крест, выяснив, что от Мадам ничего не слышно, раздалось неуверенное царапанье в дверь. Услышала этот скреб Ленка и позвала знаками Бобсона. Мы все к двери на цыпочках подались. Решили, что нас вычислили «комиссионщики». Хотят получить свои бабки.

Мы решили отбиваться. Взяли, кто что мог. Я нашла на кухне тесак. У Менделеева был в руках собственный зимний сапог. А Бобсон где-то подцепил железный ломик. Смешнее всех вооружилась Ленка. При ее весе в тридцать килограммов и росте ниже цыплячьего, в руках у нее оказалась гантель, которую она тощенькой ручкой гордо и как-то криво держала над головой. При этом казалось, что ручка вот-вот переломится, гантель непременно упадет ей на голову и прибьет насмерть.

– Кто там? – тихо спрашивает Бобсон.

– Я... – говорит дверь неуверенным женским голосом.

Кто я? Может, соседка? Бобсон приоткрыл дверь до малюсенькой щелочки и просунул туда один глаз. И вдруг резко распахнул ее настежь. За дверью стояли Док и Мадам собственной персоной.

Вот тебе и немая сцена: впереди, с фомкой наперевес,

стоит, широко расставив крепкие, накачанные ноги, Бобсон. Над ним нависает длинный и тощий Менделеев, с сапогом, занесенным над головой Бобсона, и готовый к броску. Правее и сзади я с тесаком, а левее сзади – цыпленок Елена с гантелью.

Я тут же совсем обессилила и чуть не упала в обморок! Этот несчастный тесак вывалился у меня из рук и упал прямо на ногу бедному Менделееву! Как он взвыл на весь подъезд! У Мадам и Дока глаза выскочили из орбит, и они чуть не заорали следом!

Первым пришел в себя Док. Он посмотрел на мои ошалевшие глаза, на ошестинившуюся толпу, все понял и засмеялся. За ним Мадам. Ну и мы заржали на весь подъезд, от нервов.

Потом был рассказ, полный ужаса и драматизма. Мадам говорила, Док переводил. Оказывается «Рафик» так нагрузили, что, как только он переехал границу и двинулся по территории Финляндии, у него лопнула рессора. Разгружать машину было невозможно, он был опломбирован. А бедный водитель, негр, в чужой стране, без денег, стал пытаться отремонтировать это горе. Мучился он долго. Никто за такое дело не хотел браться. Наконец он нашел большой грузовик, в который наш «Рафик» и вошел целиком. После через всю Финляндию подались к парому. Но беда не ходит одна. На пароме сломался сам грузовик. Выгружали подъемным краном. Потом выгружали из него «Рафик». Потом ремонтировали грузовик...

Наш бедный черный водитель запросил у своих родственников из Африки денег. Молодец. Ума хватило не засвечиваться разговором с посольством в Москве. Потом они деньги ждали. Потом нашли подъемник и заменили целиком ресурсу, на которую задние колеса вдеваются. Починились и, наконец-то, добрались до Берлина. Пока там, пока обратно, вот тебе и два месяца с хвостиком.

Прибывший за иконы товар разгружали в Немчиновке ночью, так что все обошлось без ментов и приключений. Еще неделю сбывали товар оптом, потом раздавали долги «комиссионерам». Еще пару дней разбирались с прибылью. За это время я съездила на разборку к Леньке в ювелирную мастерскую. Приехала злая, как мегера, но вместо ругани получила увесистую кучу бабла, которую после и поделили.

Потом мы пили у Бобсона до полного свинячего состояния в обнимку под столом пару дней. Когда мы с проснулись как-то поутру, в детской, на полу, на надувном менделеевском матрасе, нами были обнаружены бездыханные тела Толика и Менделеева с какими-то девицами. Они были так похожи, что я наклонилась поближе присмотреться, может быть, мне показалось? Нет! Не показалось и в глазах не двоилось. Это были двойняшки! Спали они поперёк менделеевского ложа, подложив под головы чью-то шубу и одетые. В спальне на кровати с Ленкой, спали какие-то две девицы, сильно накрашенного вида и один мужчина, прилепившийся с краюшку и цеплявшийся за одну из девиц, пытаясь не

упасть на пол. На моём диване спала какая-то неизвестная мне пара.

Всего нами было обнаружено десять бездыханных тел, не считая нас с Бобсоном. Где мы насобирали всю эту кучу незнакомого народу, мы так никогда и не выяснили, но дружили с ними потом очень долго.

Вот так закончилась наша голодуха в советском подполье. Такое тоже бывает.

– Ну, уж теперь я точно поеду на гастроли, это сто процентов! – заявила я своим мужикам. – Должна же я от ваших двухмесячных с хвостиком морд отдохнуть или как?

ДИТРИХ БАРДЧ

Как-то по весне, в перерывах между гастрольями и сдачами, позвонил Док и слезно попросил приехать. В его доме, прямо на кухне я вдруг обнаружила скукой мающихся двух девиц, известного вида, а в комнате чистокровного немца. Породистого и ухоженного. Во, диво!

Этот маленький человечек оказался известным бизнесменом. У него в Бундестагии было туристическое бюро, которое возило в Россию бургеров. Мне сразу стало ужасно смешно: – Наверное, ездят посмотреть, где им или их папашам под зад коленом наши дали...

Этому немцу нужны были в России две щекочущие нервы вещи. Иконы и девочки. На досках он бизнес хотел развер-

нуть, ну, а бабы – увлечение.

Мы сразу же с Доком распределили обязанности. Я – по бизнесу, а он по телкам. Док, оказывается, уже приступил к разврату клиента и пригласил в гости этих двух девиц. Так мы и познакомились с Дитором.

На следующее утро Док позвонил мне и выдал:

– Нунуля, наш немец хочет в гости, хочет посмотреть, как живут простые люди в Москве и что они едят? В магазинах ни фиги нетю... И чего-нибудь посмотреть. Ти понимаешь...

– Ну-у-у, насчет простых, это он погорячился! Живем мы, конечно, все очень смешно, но едим много и вкусно, хотя в магазинах только шаром покати и продается, но столы и холодильники у нас полным-полны! Это факт! Наверное, это и есть та загадка, над которой ломает голову вся Европа. А он решил ее разрешить? Ну-ну.

Кухни ему захотелось? Это я могу. Не зря же в «тараканьем царстве» уму-разуму набиралась на кухне, где кубинки, эфиопки, вьетнамки, а также все прочие жительницы всего СССРа учили меня древнему искусству оболванивания мужиков через желудок. Мы такого наварганим, будь здоров не кашляй! Тем более теперь. Я теперь баба богатая и из себя вся гордая! Тем более, что Толик на гастролях. А показать что-нибудь у нас всегда есть.

С утра я готовила. Плов казахский, долма армянская, рыба по-еврейски, голубцы по-русски, холодец, язык заливной, лобио грузинское, суп-поти азербайджанский, мясо по-гре-

чески, курица по-венгерски. Ничего меню? Я тоже так думаю. Целый день топталась.

Стол мы накрывать тоже умеем. И вилочка с ножами, как и положено, от краюшка на ноготок, и тарелочки по три, и бокалов по четыре. Чтобы не думали, что мы и, правда, – тундра.

Приехало их трое. Док привез еще три особи женского пола. Главного немца и звали Дитрих, но имя ему не нравилось, переводится как ручка от двери, поэтому он просил называть его Дитор. Второй был старый, вальяжный и с носом крючком. Вернер. Девицы тут же обозвали его Венечкой. Третий оказался фигурой еще более колоритной. Хайнц. Подбородок квадратный, морда топором рубленая, фигура дубовая, как у настоящего военного. Высокий, статный и крепкий, действительно, как дуб.

Он знал русский. Потом оказалось, что я была права. Хайнц специально приехал посмотреть места, где он был в плену. Не удивляйтесь – его забрали на войну в начале 1945-го, шестнадцати лет отроду. Пять лет в плену он осваивал русский, а так же великий и могучий. Освоил целиком и полностью только могучий. Свои воспоминания мата он озвучивал нам весь вечер.

Ужин прошел в теплой и дружественной обстановке. Каждое блюдо смаковали, обсуждали, выпрашивали рецепт и страну происхождения. Хайнц у них был переводчик. Что хотел – переводил, а что не хотел, и не переводил. По это-

му поводу Дитор часто с ним переругивался, но как-то вяло. Оказалось, что Хайнц женат на сестре Дитора. Родственнички. Наверное, так им лучше по бабам бегалось.

В тот же вечер я показала Дитору и Хайнцу не что-нибудь, а парочку очень классных вещей, и тут же поинтересовалась.

– А как вы собираетесь это вывозить цурюк нахауз?

– Ихь вайс нихт! – отвечают. Не знают, то есть!

– То есть? Это, значит, что вас на таможне как супчиков повяжут, а меня потом посодют? – Хайнс еле перевел мой жаргончик возмущенный.

Тут они репу и зачесали... А потом решили завтра еще раз все обдумать.

На следующий день я поехала к Бобсону. Вместе мы придумали вот что – доски Дитору мы продавать не будем. Если он ими интересуется, как коллекционер, то пускай покупает через Посла, уже в Берлине. А для бизнеса лучше продавать ему часы! Золотые часы с цепочкой, называемые у коллекционеров «луковицы с луноходом».

Ё! Моё! У нас же были именно такие часы. Из клада. Аж шесть штук. Как я сама не додумалась?! Но я об этом никому говорить не буду. Да.

– А что, если поговорить с Дитором вот на какой предмет, – вслух подумала я. – Пускай он у себя там, у забугорного ювелира, закажет подделку на часы, замену, под золото, но поставит на ней чекухи и внесет спокойно во въездную декларацию. Значит, и на выезде все будет чики-пуки... А

здесь мы ему найдем часы. У меня есть свой ювелир, да и ты пошустри по Москве... На том мы с Бобсоном и порешили.

На обед я приделась на все сто. То есть так, что около ресторана какой-то аэродром из азиков чуть не вывалился из машины и так пристал, что я от него до самого столика не могла отделаться. А что?! Я была ничего! Значит, можно констатировать тот факт, что за наших баб не стыдно. Платье черное, элегантно-волнистое по подолу, одевалось, как больничный халат, в две завязки, имело обыкновение распахиваться на груди, и слева на коленке.

Нас если приодеть, да еще поднакрасить, да на шикарной машине подать к ресторану, да в глазки нам блеску кида-нуть, мы фору дадим любой западной кинодиве. Будь здоров! Мне и Дитор об этом говорил. Их немецкие фрау, перед тем как в гости идти, целую неделю по парикмахерским, салонам и прочим кабинетам бегают... А мы?.. Целый день на кухне топчемся, толкаемся, потом на голове быстренько чего-то накрутим, губки подведем, в глаза блеску кидаем и мы уже Мэрилин Монро или ещё круче...

Со стороны мы смотрелись чинно. Хайнц со своими матерными шуточками пытался всех веселить, но в рамках. Три местно-снятые прилично одетые и почти скромные путаны на это хихикали.

За обедом мы два раза шептались по делам, после чего задумчивые Дитор, Хайнц и Вернер стали пережевывать мои мысли.

На следующий день они опять приехали ко мне с готовым ответом.

Еще раз обговорили мою схему контрабанды. Вариант первый: Дитор заносит в декларацию золотые часы, привозит сюда новодел, а вывозит настоящий «луноход». После продажи он открывает на мое имя счет в банке и кладет на счет деньги за часы, кроме оплаты ему за перевозку. А я тут из своего кармана с ребятами буду сама рассчитывать-ся. Молча и никого ни во что не посвящая! Вариант второй: Дитор все делает из своего кармана. Оплачивает часы сам, на этой стороне забора и сам получает прибыль. Я добавляю только свои проценты, но там. Я согласилась на оба варианта, поживем, попробуем, а там видно будет...

Но тут он попросил двое часов. Одни для меня, а вторые для себя. То есть оба варианта. Двое, так двое. Я согласилась.

После переговоров Дитор немного постеснялся, пожеманничал, а потом попросил познакомить его с нормальной женщиной, потому что у него жена сука. Она румынка, читай цыганка, очень темпераментная, Дитора ей мало, поэтому она переспала со всеми его знакомыми мужиками. Даже с Хайнцом и Вернером. Поэтому он решил разводиться, но жениться хотел на русской. Насмотрелся тут, видно...

Я выдвинула встречную просьбу. У меня муж ну совсем б... точнее, совсем г... и даже п... и в голове, ну полная диарея. Поэтому я с ним тоже буду разводиться. Мне тоже нужен жених, фиктивный, чтобы я могла из России фьють сделать.

Мы пожали друг другу руки с любовью во взгляде. Может, на сей раз этот здоровенный каменюка с указателями, который поперек дороги валяется, повернется ко мне тем боком, на котором выбито четко и ясно: получите, девушка, Счастье, Радость и Удачу. А может и еще чего хорошего... по списку из моей головы. А? Чем черт не шутит, пока Бог спит.

С.С. КАК ОБРАЗЕЦ ЗАГНИВАЮЩЕГО СТРОЯ

Вы помните ту жуткую историю, про голодуху в советском подполье? Там еще в спальне у Бобсона на кровати три тела валялись? Это и есть наши герои: Сергей Сергеевич, Оля большая и Оля маленькая.

Почему все говорят, что в СССРе секса не было?

Был он. Да еще какой!!!

У Бобсоновской жены Елены была сестра. Звали ее Ольга маленькая. Это потому, что у нее была знакомая – высокая, красивая и развратная сучка – Ольга большая. Она-то и подсказала подруге, зачем женщине Господь Бог дал такое чудо в самой нижней чакре и как ею правильно пользоваться.

Муж Ольги маленькой – Сергей Сергеевич, он же СС, работал тогда барменом в ночном валютном баре гостиницы «Космос» до глубокого утра. А это был шанс. И стали наши девушки погуливать. Вечером начепурятся – и в бар, там глазками туда-сюда постреляют, какого-нибудь дитера с вернером снимут – и в квартиру без наличия мужа. К тому вре-

мени и я стала работать с СС. Не по блядским делам, конечно. Боже упаси! По валютным. Вот куда я раньше смотрела? Идеальный вариант же!

Схема такая: сбываю золото, обмениваю рубли на валюту у СС и тихо складирую ее у Лидушки. Потому что всегда была возможность договориться с Дитором на вывоз валюты за бугор, а не только оплаты часов.

Правда, когда в стране пустые прилавки, как-то очень круто за незаконные валютные операции сажали. То есть, не давали товарищи нам отвлечься от строительства коммунизма. Так что в моей схеме наш родной рубль (молодец в косоворотке) не должен был видаться с его капиталистическим величеством долларом (ковбоем в шляпе). Сразу же могли прийти товарищи и спросить: «Это как?» И посадить лет на ...надцать. А если еще и про клад узнают, то вообще – расстрелять.

Поэтому мы с СС приняли вышеозвученное решение и даже облазили все помойки в районе Медведково, куда я перебралась вскоре. Нашли самый грязный мусорный бак и сделали там тайник. Как шпионы. Рубли в тайник заносим, доллары выносим. И по-мно-о-огу. По тридцать, сорок, пятьдесят тысяч долларов. СС со всех баров, проституток, горничных, таксистов собирал, в тайник ночью затаскивал, а я под утро забирала. В халате с помойным ведром. Потом еще и народу раздавала. Ежу, Сашке и, так и быть, Толику... Часы оплачивала заранее...

И так раз в неделю. Стахановка прямо, ударник капиталистического труда. И главное – почему-то не страшно.

ГРАЖДАНЕ!!! ГДЕ БЕРУТЬ В ШПИЕНЫ??? Я УЖЕ ШКОЛУ ПРОШЛА, УМЕЮ!!! И все для чего? Линять я собралась!

В то же самое время я познакомилась и с Нелей. Неля была соседкой СС и Ольги маленькой. Жила напротив, дверь в дверь. И было у нее тяжелое время. И морально, и материально, и психически. У нее был очень больной муж. Рак с прибамбасами.

Мужик он был выдающийся. Полярник, точнее, начальник полярной станции. А это значит настоящий мужик, с большой буквы. Взял и похитил молодую актрису, закончившую ВГИК, и увез ее на далекий Север. К белым медведям. У нее там родилась Нелька, мелкая, в жутких заполярных условиях и холодах, в бараке с местными сопливыми чукчами.

Жили бы они долго, счастливо и в любви, на этом холодном Севере, растили бы двоих детей, сына от первого брака Гришу и мелкую Нельку, уже свою, но нажили там еще и болячку с жуткими примочками. Опять это НО...

К моменту нашего знакомства муж Коля был уже лежачий и ходил под себя. Примочки – склероз и падучая. Вы думаете легко, вернувшись с дальнего Севера, пробиться обратно в ряды артистов? Так они тебя и ждали! А тем более, если ты

Королева дубляжа.

А напротив «кипела жизнь». ССв конце концов не выдержал и ушел к маме. У двух шлюшек наступила свобода! Подъезжали иномарки, из них выгружались прилично одетые иностранные мужчины, выносили всякую, закупленную в «Березке» вкуснятину, пузатые и экзотические бутылки, и все это загружалось в квартиру напротив. По утрам, точнее, часам к двум, просыпались там две шлюшки, им хотелось опохмелиться и чего-нибудь горяченького, например борща! А где его взять? А взять его надо у соседки Нелли.

Соседка, как насадка, сидела дома, варила борщи, воспитывала двоих детей, с помощью мамы переворачивала мужа Колю, меняла ему клеенки и пеленки, а кормилась мелкими ролями в кино и дублированием фильмов.

Два разных полюса жизни. Там, напротив, блядство и изобилие денег и соблазнов, а здесь нравственная чистота и нищая нравственность.

Так вот. Нелли. Однажды к Ольгам приехали три итальянца по звонку. Почему три? Один был любопытный. Интересно ему, как Дитору, стало на наш бытовой зоопарк посмотреть. На дурдом «Ромашка».

Он и навязался в хвост к своим двум сексуально озабоченным молодым друзьям. Поехал за своей судьбой.

А в это время его судьба с утра проснулась и девкам понесла борщ на опохмел. Заодно покурила и вина фужер выпила. А на вечер пообещала Ольгам сделать плов. Она это

дело любила и умела, готовить вкусно.

А в это время ее итальянская судьба отоваривалась в магазине «Березка» спиртным и едой. И вот вечером произошла великая стыковка. Неля понесла плов, а Джорджо с друзьями сидел за столом у Ольгушек и уже малость принял внутрь. И тут приходит Нелли с пловом.

Выплывает такая пава с кастрюлей в руках! Глаза красивые, с задоринкой, носик почти греческий, прическа «хвост» зализанный, отчего облик получался строгий. Русская баба с косой и кастрюлей! И не важно, что в старом и драном халате. Так даже прикольнее.

Наш герой сразу понял, что это не путана, а обычная русская баба, которая его и интересует. Бросил он тогда своих друзей итальянцев и набился к Нелли в гости, на предмет посмотреть, как живут простые люди. Все. Потому что мы все тогда были простые, и нам некогда было заниматься такими мелочами, как быт. Понимаешь! Мы КОММУНИЗМ строили! Светлое будущее! Между прочим, для всего человечества! Для Дитора с Вернером и Хайнцем, и для Джорджо! По-украински очень смешно звучит: «Голодранци всіх кроин, геть до кучи!»

Вот так они и познакомились.

И стал Джорджо, как человек порядочный, Нельке помогать. Колю лечить и детей поднимать. И Неля тоже попала в мои клиенты по обмену презренных долларов на родные рубли. А как жаж!

МЫСЛИ ВСЛУХ

Как интересно устроен мир. Мне представляется, что отчитываться нам все равно придется перед кем-то ТАМ. Я не знаю, где это ТАМ и есть ли это ТАМ? ТАМ рай или ад, но что-то есть наверняка. И мы, живя здесь, никак не понимаем, что ТАМ должно быть, даже если нет, его необходимо придумать. Это ТАМ. Перед кем-то ведь все равно надо отчитываться, или перед совестью. А если ее нет? Тогда надо помнить, что наступит время и встанешь ты перед Богом, который все равно аналог совести, и ответишь! И должен ответить! И должен зарубить себе на носу на всю жизнь про это ТАМ. Иначе вымерем, как мамонты.

Я вот думаю так, да и ученые склоняются к таким же мыслям, что мы, живя здесь, строим себя ТАМ. Проектируем себя в другом, параллельном, психическом мире, в информационном поле, и как мы себя, свое второе Я, ТАМ выстроим, так нам потом ТАМ, в мире психическом, и придется жить после кончины, или как там гробовых дел мастер Безенчук классифицировал наш уход? Вот поэтому важнее нищая нравственность, чем продажная гниль.

Для Души.

А для тела? А кто ж его знает!

Мы только тем на свете этом и занимаемся, что тело свое обслуживаем. С утра его надо разбудить, помыть, зубы у него

почистить, покормить, желательно свеженьким и вкусненьким. Потом его надо одеть, и прилично, вывести на улицу, посадить в какой-нибудь вид транспорта, желательно пошикарнее, чтобы его заду мягко было и удобно. Привезти его на работу, желательно не пыльную, чтобы оно не уставало. Во время обедом покормить, желательно в ресторане, чтобы повкуснее, да еще залить обед чем-нибудь языку поприятнее. А к вечеру опять погрузить в вид транспорта и домой доставить. Да чтобы по дороге не помять и не испачкать. А вечером надо ему развлечения придумывать. Для его ушей, глаз и предполагаемого наличия мозгов. Или концерт какой-нибудь, или балет подавай, оперу в театре, или к телевизору его зад в мягком кресле пододвинь, да не забудь ужином вкусненьким накормить и в мякотькую, чистенькую постельку уложить. И так, с раннего утра и до поздней ночи, трахаемся мы со своим телом до самой старости.

А процесс размножения? Это вообще отнимает уйму времени, эмоций и мозгов у всего человечества... А надо было бы, чтобы мы были совсем другие. Чтобы представляли из себя что-то среднеарифметическое между Карлсоном с крыши, верблюдом, страусом Эму, индуистским божком и размножались бы яйцами... Отложил десяток штук в инкубатор и свободен... И удовольствие получил от беготни по пересеченной местности от петуха, то бишь мужика...

Но это еще не все! А похоронить? И чтобы прилично! И гроб чтобы с кисточками, и подушечка под щеку мякоть-

кая, и народу чтобы родственники нагнали побольше. И чтобы народ соболезнавал. А чему? Этой старой развалюхе, на которую у тебя вся жизнь угроблена!

Какой ужас?!

А наша Душа? Что достается ей? А ничего. Дай Бог раз в год в церковь тело ее дотащит, и то хорошо. А сколько раз мы говорим ей:

– Ну-ка, душа, отодвинься, а то водкой оболью!

И не бережем мы ее, и треплем своими телесными проблемами до такой степени, что иногда или в психушку попадаешь, или «ромашка белая» на обочину дороги жизни затянет или выбросит с девятого этажа. Как Ольгу большую однажды чуть не выбросила... Видишь ли, брат её за окном, снаружи, к себе завет... Чуть поймала на взлете...

А надо бы наоборот.

Мы же из трех частей состоим. Триедины. Тело, Душа и Дух. Надо всех одинаково кормить и обслуживать. А не разбивать на любимых и нелюбимых. Вы думаете, раз две остальные субстанции не видно глазом, значит, их нету? Легкомысленный оптимизм. Они есть. Просто они попозже подойдут. Когда ты телом разнежишься, а тут и они на пару с аморальным разложением...

А если бы мы жили правильно? Если бы мы жили правильно, как и созданы изначально, по образу и подобию Божьему, когда главным в человеке являлся Дух, который и управлял Душой, а через нее и Телом, то не было бы нашего

«грехопадения» еще в Раю.

Что такое это грехопадение? Это когда человек переступил порог и Первую Заповедь Рая, вкусил плод познания Добра и Зла, и сразу все нарушил, всю эту тройственную гармонию.

И тут Душа возгордилась и сделала выбор! Она послала Дух к такой-то матери и заявила свои претензии на «главенство», выходя из-под подчинения Духа. Вот что такое это «падение».

Душа думала, что она теперь первая, но не тут-то было! Тело потихоньку всех перехитрило, втихомолку отодвинуло и стало самое главное. Материальное поднялось над духовным и до сих пор преобладает. Это когда вместо самого главного в человеке – Духа, сначала Тело на первый план провралось, а уже за ним Душа на втором плане маячит. Допрыгалась, стерва. Ну, а Дух вообще как-то не просматривается даже!

И как все это теперь в норму привести? Мудрые говорят – аскетизмом. Нужно оторвать свой зад от дивана и в пустыню податься, морить там Тело долго и нудно и голодом, и холодом. Может быть после такой морилки, лет через двадцать-тридцать-сорок, твой Дух и возобладает над остальными и ты восстановишь Божий баланс, хотя бы в одном индивидууме. Это первый и самый радикальный способ.

А второй способ – пойти к Богу своими ногами, то есть чаще в церковь ходить и думать, кто ты есть – червь... И за

свои поступки отвечать.

Нести ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

Очень мало кто в народе понимает, что же это такое – ответственность. Это – ответ за содеянное тобою. Сестра твоей Совести. И надо с себя все время спрашивать за все, а не будешь сам спрашивать, есть кому! И зря мы думаем, что прошлое никогда не бывает страшным. Бывает.

И спросят. И с меня тоже... Вот ведь все же понимаю... а тоже туда же... Удивительны дела твои, Господи... Тормознул бы ты нас, что ли...

ЛЮБОВЬ ЗЛА, ПОЛЮБИШЬ И...ОЛЮ

Когда Дитор попросил меня найти ему женщину, я сразу подумала про Олю маленькую. К тому времени СС с ней уже развелся и разъехался.

Давайте порассуждаем...

Все женщины на свете разные. Кто-то не любит даже разговоров про секс, потому что это ей не то чтобы запретно, а непонятно. Так ее и мама, и бабушка учили, и даже прапрабабушка. Что это все греховно! Тем более похотливые разговоры. Вторая прочувствовала вкус, кто-то все-таки рассказал или показал, но осталась стеснительной. Третий тип – гулящая. Она это дело очень любит, язви ее в корень. Это маркитанки,двигающиеся в обозе за армиями, и жены, изменяющие своим мужьям направо и налево.

Но есть еще четвертый тип. Циничные, за деньги готовые абсолютно на все. Пусть даже будет больно и противно. Это и есть именно те, идейные проститутки, которые этого не стесняются и даже бравируют. Это они любители сниматься в порнофильмах, показывать свою шмоньку еще с детства пацанам и заниматься перед ними анонизмом.

Ольга большая была именно проституткой. Ольга-то маленькая была обыкновенной гулящей сучкой. За что и развелась с СС в конце концов к вящему взаимопониманию сторон.

Я как рассуждала? Если познакомить иностранца с обычной девушкой, то за ней надо будет ухаживать, а когда ему это делать? Этот конфетно-букетный период можно было опустить, потому что он приезжает на четыре дня один раз в месяц? Ему нужна женщина, которая может сразу приблизиться к постели. Ольга подойдет! И по росту тоже.

За неделю перед приходом Дитора, Бобсон разузнал все про золотые часы – у кого покупать, сколько платить и как брать на десятидневную комиссию. А вторые часы были моими лично, вы помните, после дележа.

Дитор опять приезжал сотоварищи. Это значит, что нужно найти им три бабы. Решили так: одна будет Оля маленькая, а две найдет Док.

Олю я предупредила заранее – чтобы она успела свою квартиру в порядок привести. А за день до приезда даже съездила к ней.

И как вы думаете, кого я там обнаружила? Конечно. Олю большую. Ее из съемной квартиры только что выперли за бардак. Ну, как вам это нравится?

– Слушай сюда, – обратилась я к ней. – Чтобы послезавтра твоего духу здесь не было, потому что я буду Олю маленькую знакомить со своим иносссранным другом.

Большая блядь это мне пообещала. И наврала, конечно. Специально приперлась на Дитора посмотреть. Бундес же! С бабками!!!

Как только мы с Дитором на порог, она из ванной комнаты в полупрозрачном халатике выпорхнула, вся такая распаренная, покрасневшая. Дитор так и опешил. В зобу дыхание сперло. Любовь с первого взгляда. Это стало понятно всем и сразу. И Ольге маленькой. Она тут же Хайнцу руку протянула, знакомиться.

Дитора мы не видели два дня. Он все это время осваивал «хама сутру», включая попытку влезть на люстру. Это нам потом Оля большая хвасталась. Через сорок восемь часов вернулись к делам. Немецкие подделки были еще не готовы, поэтому Дитор просто купил у нас одни часы за девять штук баксов и расплатился за них наличными.

Чувствовалось, что схема с Дитором должна настроиться, как хороший рояль, на нужный лад.

ЛАЖА

В начале лета случилось совершенное безобразие. Мы поехали с Толиком в гости к нашим очень близким друзьям Надюшке и Герману Леви. Когда-то давно Толя и Еж работали вместе с Германом в одном коллективе, с тех пор оба нежно любили Надюшку, а особенно ее кухню.

Застолье было отличное, но Еж все не приезжал. Так и не добрался до нас в тот вечер. Где-то в 12 мы отбыли домой.

В два часа ночи в дверь кто-то забарабанил. Влетел Гера и, выпучив глаза, закричал: «Срочно собирайтесь и вон из Москвы! Я все знаю про клад. Ежа избили»! Надюшка маячила сзади с перепуганным лицом.

– Как избили? Кто?

– Мы еще сами ничего не знаем. Вечером мы ему позволили, а трубку подняла милиция. И сказала, что Еж очень сильно избит и его увозят в больницу. А у нас часть его клада...

Я шлепнулась мимо стула. Прямо на пол.

– Так! Без паники! Давайте спокойно сядем и всеобсудим, – неожиданно спокойно сказал Толик.

Мы уселись в столовой за тот же стол, на котором совсем недавно лежала здоровенная, переливающаяся куча блестящего горя.

– Началось... – задумчиво прошептала я.

– Спрятаться вам надо, – предложил Гера.

– Тогда нам надо всем немедленно ехать к Бобсону. Еж его не знает вообще, – предложила я.

Заспанный Бобсон таращился на нас из двери и никак не мог сообразить, чего это нас принесло в три часа ночи? Я ему и выдала:

– У нас крутая облава. Называется наезд. Без вопросов и комментариев ты можешь пригреть нас на своей груди на пару дней?

– Проходите. Я сегодня дома один, Ленка с малым у мамы, так что располагайтесь. – сказал моментально проснувшийся Бобсон. Видно видок у нас был ещё тот, у всех.

Утро собрало нас на кухне. Мы срочно вызвали Сашку и стали проводить секретное совещание перепуганных всмерть лиц.

– Мы должны немедленно, под честнейшее слово, сообщить друг другу, кто осведомлен о кладе. Прямо по списку, – начала я.

– Я сказал только маме, – обвел нас всех честным глазом Саша.

– Я тоже, – сообщил Толик.

– А вот тут позвольте усомниться, сэр. Ты же самый главный понтярщик страны! Никому не похвалился? Я тебе не верю! – выдала я давно мучающую меня мысль.

– Ну что мне, на образа, что ли, помолиться или на колени встать? Бля буду, никому не говорил. – Толик по-воровски

дернул себя ногтем за зуб и провел пальцами по горлу. – Гера, ну хоть ты-то мне веришь?

– Я от Ежа тоже такого не ожидал. Он нам под такими клятвами все это рассказал, а сам еще кому-то выложил. Иначе, за что его так избили, что он не смог к телефону подползти?

– Так, стоять Зорька! Вот про Ежа это правильно – надо узнать, за что он по репе получил. Может, его чей-то муж избил. Он же у нас тоже холостой, как некоторые. – Я покосилась на Толика. – Нужно найти его в этом мире.

– Правильно. Я сажусь на телефон, – сказала Надюшка.

Часам к двум дня мы выяснили, что Еж лежит в Склифе и состояние у него пластунско-тяжелое. Пара ножевых ранений, сломанные ребра и пробитая голова.

– Дааа... Здорово ему досталось! За жену так не бьют. Это золотишко заработало. Факт! – констатировал Гера.

– Давайте вспоминать, у кого есть нейтральный знакомый для похода к Ежу? – предложила я. – Нужно срочно с этим человеком встретиться и проинструктировать, что к чему. Какие вопросы Ежу задавать.

– А если к нему отправить его бывшую любовницу Люсю-телефонистку? Она баба понятливая, может все грамотно выяснить.

– Правильно, Гера. Вот ты давай с ней и сконтактируйся. Хорошо? И срочно, – сказала Надя, подавая Герману телефонный аппарат.

План выработался такой: Гера и Надя временно, до полного выяснения ситуации, переезжают жить к родственникам или друзьям. Сашка срочно берет отпуск за свой счет, забирает семью и к тетке в Тамбов.

– Связь будем держать через Тамусик, готов ли гусик. Понял? – напутственно помахала я Сашке рукой.

– Ну, а мы, солнце мое, срочно меняем дом на две квартиры в Москве, перевозим из досочной квартиры все доски, а потом бегом на гастроли и как можно дальше.

Толик опустил голову.

– А еще надо бы нам всем усвоить вот что: перед выходом на улицу смотреть в окно. Из лифта выходить на втором этаже, смотреть в окно и из подъезда выходить очень быстро. Время от времени останавливаться перед витринными стеклами и обозревать улицу за спиной. На машине ехать только вдвоем, один рулит, а второй записывает номера всех машин в поле зрения и потом перепроверяет их передвижение. Если номера часто повторяются, значит, хвост. Значит, надо скидывать на светофоре, резко повышая скорость. – Я раскачивалась на стуле и читала инструкцию казенным голосом.

– Нинуль, а ты-то откуда знаешь, как нужно конспирироваться? Ты что, шпионскую школу КГБ прошла? – изумилась Надя.

– Нет. Это просто живость ума, опыт контрабандистки и жажда к самосохранению.

В то золотое время все делалось по блату, и мы всегда

имели под рукой телефоны нужных людей. У меня был свой маклер Дима, который знал все квартиры в Москве. После звонка он попросил два часа.

Вскоре пришел и Гера. Тут он нам выдал:

– Еж лежит в травме, почти без сознания, дела у него хреновые, к нему не пускают, и, похоже, в два – три ближайших дня ничего не изменится. Так что у нас есть немного времени.

Через три дня нам нашли отличную однокомнатную квартиру на проспекте Вернадского. Угловая, окна большие и в разные стороны. Обе дороги к дому просматривались и на въезде, и на выезде. Отлично! Вторую квартиру пока еще не нашли, поэтому решили все свезти в одну. Потом общими усилиями вместе с Бобсоном и Менделеевым разгребемся как-нибудь.

В наш загородный дом пробирались в полной темноте и почти по-пластунски. В доме все стояло по своим местам, никакого трам-тарарама – разорванных в припадке гнева простыней, никаких вывернутых наизнанку шкафов и вскрытых полов и в помине не было. Ночь прошла спокойно, хотя и на нервном вздрагивании, а утром я взялась за сборы.

Господи! Сколько хлама плодит человек вокруг себя! Куча ящиков, коробок, сумок, диван, два стола, шкаф, машинка швейная, тяжелая. А сколько швейных придамбасов! Ужас!

Переезжали спокойно, я проверяла. Хвоста за нами не бы-

ло. Так же спокойно перевезли все из второй квартиры.

А потом раз!!! И без вести пропали Бобсон и Менделеев. А-БАЛ-ДЕТЬ!!!

БОБСОНОВСКИЕ ВЫКРУТАСЫ

Мужики пропали вдруг и с концами. Лена говорила, что даже товарищи в галстуках приходили, искали. Правда, она ничем им помочь, даже если бы и хотела, не могла...

Но однажды они позвонили сами, не прошло и пара-тройка недель. Менделеев «вел» меня до самого места встречи, боялся, что за мной может быть хвост. Мы встретились в каком-то подвале. Там Бобсон организовал себе лежбище. И что, вы думаете, они учудили? Ни в жисть не догадаетесь...

Жадность фраеров сгубила.

Надыбали они где-то товар. Целую фуру платков! И быстро сообразили, что столько товара могла только КГБейка подсунуть. Оказалось – точно! Товарищи решили через Бобсона выявить рынок сбыта контрабанды. Тогда ребята решили (если получится) натянуть конторщиков по самые уши.

Наглющие, любимые рожи!

Они договорились с «хозяевами» взять товар на комиссию и назначили перегрузку платков в центре Москвы в два часа дня. Прямо с фуры на три грузовика! Просто поймали на дороге обыкновенные машины, оплатили водителям «левак»,

и все. А-ЧУ-МЕ-ТЬ!!!

И пока загружали вторую машину, Бобсон с Менделеевым залезли в первую и по газам. Пока гэбисты ждали конца всей операции, наши уже слиняли с первой фурой! Сдали товар оптовикам в наглую и залегли.

Знаете, сколько потом они в этом подвале отлеживались? Год!!! Триста пятьдесят семь дней (с перерывами на гастроли) я таскала им в подвал еду повкуснее, кассеты, завезла телевизор, видюшник. Дольше, чем мы у Бобсона в подполье...

– Ляжем «на дно», как подводная лодка.

Чтобы никто не мог запеленговать... – пел Володя Высоцкий.

Месяца через четыре Бобсон занялся тем, о чем мечтал всю жизнь. Реставрацией икон. Консультировал его большой Олег.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.